

ДОСУТЪ

КАДЕТА ПСКОВИЧА

1

ИЗДАНИЕ
СОЮЗА РОССІЙСКИХЪ
КАДЕТСКИХЪ КОРПУСОВЪ

ДОСУТЪ
КАДЕТА ПСКОКИЧА

Ея Императорскому Высочеству
Августѣйшей Покровительницѣ
Союза Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ
Великой Княгинѣ КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ
всепреданнѣйше посвящаютъ свой "Дозугъ"
кадеты псковичи.

Союзъ Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ, старѣйшая въ эмиграціи обще-кадетская организація, имѣетъ счастье состоятъ съ 1935 года подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Фактъ этотъ вовсе не простая формальность, онъ имѣетъ въ существѣ своемъ глубокой духовной смыслъ: Ея Императорское Высочество - внучка Царя-Освободителя, дочь Царя-Миротворца и родная сестра Царя-Мученика, символически воплощаетъ въ Себѣ ту великую идею жертвеннаго служенія Россіи, которой неизменно слѣдовали наши Вѣнценосцы и которая ярко выражена словами "А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, жила-бы Россія во славу и благоденствіи."

Имя Великой Княгини мистически поддерживаетъ нашу духовную связь съ великимъ прошлымъ нашего Отечества, во всемъ его историческомъ объемѣ. Искони управляемое Царями Помазанниками Божиими и проникнутое свѣтомъ Православной Вѣры, оно неуклонно шло къ государственному преуспѣянію и народному благосостоянію.

Нѣтъ идеальнаго государственнаго устройства, но до-революціонный образъ правленія имѣлъ два несомнѣнныхъ преимущества: глубокое сознание Царемъ Его отвѣтственности передъ Богомъ и Его искреннее желаніе добра народу. Поэтому Россія и шла всегда по правильному пути. Поддавшись революціи, она съ него сошла. Не стало Царя и темныя революціонныя силы, занявшія Его мѣсто и учредившія неслыханный терроръ, стремятся вытравить изъ души народной воѣ тѣ цѣнности духовнаго порядка, которыми жилъ народъ въ теченіи вѣковъ. Почти сорокъ лѣтъ длется его мученія. Когда-же наступитъ избавленіе?

Вудемъ вѣрнѣе, что кровь нашего Государя-Мученика и Его невинной Семьи, равно какъ и рѣки крови безчисленнаго количества русскихъ людей, поглощенныхъ ненасытной утробой революціоннаго Молоха, послужатъ той искупительной жертвой, которая спасетъ Россію. И тогда, возвратившись къ Богу, русскій народъ изберетъ для себя ту форму государственнаго устройства, которую подскажетъ ему великое прошлое нашей Родины.

Пусть-же свѣтлый образъ старшей Представительницы Августѣйшаго Дома Романовыхъ живетъ въ душѣ cadaго русскаго патриота, поддерживая его нравственныя силы.

И да хранитъ Господь Богъ нашу Августѣйшую Покровительницу на долгіе годы!

Союзъ Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ.

Ни революція, ни гражданская война, ни годы тяжелого труда въ изгнаніи не вытравили въ сердцахъ кадетъ памяти о мученически убіенномъ Государѣ Императорѣ и Его Семѣ.

Господу Богу угодно было сохранить жизнь Августѣйшей Покровительницы нашей.

Съ глубочайшей признательностью вспоминають кадеты, когда, въ дни первой Міровой войны, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, помогая Августѣйшей Матушкѣ Своей, Государынѣ Императрицѣ Маріи Федоровнѣ, посѣщала въ госпиталяхъ и лазаретахъ раненныхъ русскихъ воиновъ и Своей простотой, вниманіемъ и лаской облегчала страданія однихъ и заботилась объ участи и благополучіи другихъ.

Августѣйшимъ покровительствомъ Своимъ, одушевляя девизъ "За Вѣру и Вѣрность", Ея Императорское Высочество даетъ кадетамъ силу и бодрость продолжать начатое ими дѣло.

Раны и увѣчія войны и часто непосильный трудъ сдѣлали многихъ изъ насъ калѣками, но духъ все еще живетъ, живетъ и память о томъ, что дала намъ Россія, живетъ и страстное желаніе дожить до ея воскресенія.

Вѣря въ Бога Всемогущаго, мы вѣримъ и въ воскресеніе нашего Отечества, а съ нимъ нашихъ корпусовъ и военныхъ училищъ, для которыхъ и трудимся мы въ изгнаніи, стараюсь собрать и сохранить все, что можно еще для передачи будущимъ поколѣніямъ, вѣримъ мы и въ то, что поколѣнія эти также свято будутъ хранить и чтить заветы своихъ предковъ и передадутъ ихъ дальше, своимъ сыновьямъ и внукамъ, которые сумѣютъ защитить Отечество свое отъ темныхъ силъ дьявольскихъ и вѣчно будетъ стоять Святая Русь - Православное Государство Россійское.

Редакторъ "Досуга"

Г. Бороздинъ.

Материалы для историиПсковскаго Кадетскаго Корпуса

собраны Ф.А.Ушаковымъ
въ 1901 году
дополнены А.В.Булгаковымъ
въ 1954 году

Наврядъ-ли найдется въ цѣлой Россіи, другое подобное Псковскому кадетскому корпусу, военно-учебное заведение, которое, начавши свое существованіе чуть-ли не съ 1721 г., путемъ постепеннаго преобразования изъ гарнизонной школы временъ Петра Великаго, превратилось въ кадетскій корпусъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ исторіи корпуса нужно рассказать исторію двухъ зданій, съ которыми тѣсно связана судьба нашего военно-учебнаго заведенія. Дѣло въ томъ, что одно изъ нихъ, а именно старинный генераль-губернаторскій домъ играло выдающуюся роль не только въ исторіи корпуса, но и въ исторіи Россіи, а другое, хотя и не имѣетъ само по себѣ историческаго значенія, но мѣсто, на которомъ оно построено, историческое.

Со времени независимаго княжества Псковскаго, на Великой улицѣ города, приблизительно тамъ, гдѣ находятся нынѣ присутственныя мѣста, стоялъ когда-то деревянный, а потомъ каменный домъ, много разъ горѣвшій, неоднократно перестраиваемый, не однажды перемѣнившій свое названіе и видѣвшій на своемъ вѣку много славы, но не меньше того и безславія. До 1510 года домъ этотъ именуется лѣтописцемъ "Князь домъ", а съ этого года, т.е. со временъ Великаго Князя Московскаго Василія Іоанновича, пожаловавшаго, какъ говоритъ лѣтописецъ, Псковъ въ свою "отчину", дома, стоявшіе на мѣстѣ нынѣшнихъ присутственных мѣстъ, назывались намѣстническими и сохраняли это названіе почти три столѣтія, т.е. до 1797 г. Въ этомъ году окончательно уничтожено намѣстничество и учреждено генераль-губернаторства.

Псковская губернія въ 1823 году упразднена, а городъ Псковъ былъ причисленъ къ Остзейскимъ провинціямъ, но 31 декабря 1829 года получилъ опять названіе губернскаго города, съ причисленіемъ къ нему нынѣшнихъ уѣздныхъ городоцъ.

Такимъ образомъ, съ 1797 г. намѣстническій домъ сталъ называться старымъ генераль-губернаторскимъ домомъ, но не потому что былъ новый, а потому, что домъ этотъ былъ дѣйствительно старъ и для жилища мало пригоденъ.

Не менѣе интересна судьба другого дома, а именно новаго гостиннаго двора, съ которымъ еще тѣснѣе связана исторія

нашего корпуса.

Тотъ-же Великій Князь Московскій Василий Іоанновичъ, въ бытность свою въ Псковѣ въ 1510 г., повелѣлъ занять среднѣй городъ, заключавшійся между Довмонтской и Средней стѣнами, трѣмъ стамъ семьямъ, переведеннымъ имъ изъ Московскаго княжества, "а псковичамъ тамъ не оставаться ни одному человѣку и дворы свои ставить въ большемъ городѣ, куда торгъ и гостинный дворъ вывести". При этомъ гостинному двору было указано мѣсто: "за среднимъ городомъ, противъ Лужскихъ (Сергіевскихъ) воротъ". Съ тѣхъ поръ мѣсто отъ церкви Покрова до Поганкиныхъ палатъ называлось "Новымъ Торгомъ" и церковь Покрова Божіей Матери до сихъ поръ сохранила названіе "Покрова отъ Торгу". Вотъ что говоритъ лѣтописецъ про Новый Торгъ. Въ пожаръ, бывшій 23 марта 1550 г., сгорѣло все старое Застѣнье отъ рѣки Великой до рѣки Пскова и множество церквей; отъ пожара ничего не осталось, кромѣ пяти дворовъ у Трупеховскихъ воротъ. Въ 1562 году "выгорѣло Полонище и Торгъ, даже на Зыпсковѣ перекинуло". Въ 1590 г. "погорѣли въ Псковѣ всѣ торги". Въ 1606 г. "погорѣли торги всѣ и Петровскій конецъ весь".

Отстроенный купцомъ Поганкинымъ въ 1645 г. домъ противъ Трупеховскихъ воротъ, за Брагской улицей, сгорѣлъ во время пожара 1668 г., тогда-же по сказанію лѣтописца "сгорѣли въ Большомъ ряду лавки, амбары и гостинный дворъ". Въ 1669 году Поганкинъ купилъ дворъ въ большемъ околномъ городѣ, на Большой улицѣ (нынѣ Губернаторской), что отъ Краснаго Креста къ Торгу пла". Наконецъ во время пожара въ 1676 г. погорѣлъ Большой рядъ. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ оказывается, что вся площадь противъ Сергіевскихъ воротъ, гдѣ нынѣ находится корпусъ, называлась торговой, причемъ сами ряды тянулись отъ Поганкиныхъ палатъ до церкви Покрова. Къ 1676 году, какъ видно изъ книги псковитянина, посадскаго торговаго человѣка, Сергѣя Иванова, сына Поганкина: всѣ амбары, лавки и отдѣльные дома, начиная отъ Поганкиныхъ палатъ почти до церкви Покрова, были скуплены этимъ миллионеромъ гор. Пскова и уничтожены во время бывшаго въ упомянутомъ году пожара. Когда этотъ торгъ перешелъ отъ купцовъ въ полное распоряженіе города и по какому случаю, свѣдѣній не сохранилось, но, судя по генеральному плану, Высочайше утвержденному въ 1777 г. (о строеніи г. Пскова), на мѣстѣ, занятомъ когда-то центральной частью такъ называемаго "Новаго Торга", близъ Сергіевской улицы, за мѣстомъ теперешняго "Кутузовскаго сада", показаны торговые ряды, магистратъ, словесный судъ и народное училище.

Въ 1779 г. августа 17 дня, въ журналѣ Псковскаго Намѣстническаго Правленія значится, что Правленіе это "имѣя разсужденіе, какъ на строеніе сего города отчислится положенная по именному Высочайшему повелѣнію сумма на вызовъ желающихъ поставить матеріалы, публичаціи коихъ произведены, просить

Псковскую казенную палату, чтобы она распорядилась, для палаты гражданского и уголовного суда, согласно утвержденному плану, копать рвы и ямы на предметъ для строенія ихъ, употребляя на сію работу содержащихся въ острогѣ колодниковъ".

Такимъ образомъ съ 1779 г. начали строить 2-хъ этажное каменное зданіе, т.е. теплорешнй Псковскій кадетскій корпусъ, въ видѣ буквы I и заняли его нѣкоторыми присутственными мѣстами.

По плану 1821 г., приложенному къ исторіи княжества Псковскаго, митрополита Кіевскаго Евгенія, подл. № 55, на мѣстѣ Псковскаго кадетскаго корпуса, показаны присутственные мѣста.

Императоръ Петръ I, знакомясь за границей съ устройствомъ быта солдатъ и создавая въ Россіи постоянную армію, члены которой не могли уже сами зарабатывать пропитанія для семействъ, въ 1721 г. повелѣлъ при каждомъ гарнизонномъ полку учредить школу на 50 чел. солдатскихъ дѣтей, которыхъ обучать грамотѣ и мастерствамъ. Такимъ образомъ при 40 полкахъ состояло въ школахъ 2.475 солдатскихъ дѣтей. Окончательное устройство этихъ гарнизонныхъ школъ послѣдовало уже въ царствованіе Анны Иоанновны, которая именнымъ указомъ 21 сентября 1782 года "для пользы и облегченія государства въ рекрутахъ" постановила, въ дополненіе къ прежнимъ 50, добавить въ каждый полку еще по 14 вакансій. Въ эти школы принимались дѣти отъ 7 до 15 лѣтъ. Если воспитанники оказывали удовлетворительные успѣхи по чтенію, письму и арифметикѣ, то обучались смотря по способностямъ: 10 чел. артиллеріи и фортификаціи, 20 пѣхоты и музыкѣ, 10 мастерствамъ и 10 нисмоподству. Съ 15-ти лѣтняго возраста они поступали въ армейскіе и гарнизонные полки, особенно-же успѣшные оставались въ школахъ до 18-ти лѣтняго возраста "для особаго усовершенствованія". Школы эти состояли подъ начальствомъ офицеровъ и были поручаемы особому попеченію мѣстныхъ начальниковъ: вице-губернаторовъ, губернаторовъ и генераль-губернаторовъ.

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1758 г. число учениковъ въ гарнизонныхъ школахъ составило уже 6.002 чел. Сенатскимъ указомъ было объявлено о причисленіи всѣхъ солдатскихъ дѣтей исключительно къ военному вѣдомству и опредѣленъ порядокъ распредѣленія ихъ по гарнизоннымъ школамъ.

19 апрѣля 1764 года при реформированіи всѣхъ гарнизонныхъ положено было содержать при каждомъ изъ нихъ школу на 54 человѣка.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, когда численность нашей арміи достигла полумилліона, говоритъ генераль-майоръ Далаевъ, въ гарнизонныхъ школахъ Россійской Имперіи

обучалось до 12.000 чел. Цифра эта значительно увеличилась впоследствии отъ безпрерывныхъ войнъ, такъ что Правительство было вынуждено дать оставшимся сиротамъ, лишившимся родителей пріютъ въ закрытыхъ заведеніяхъ. Великій Князь Павелъ Петровичъ устроилъ въ гор. Гатчинѣ школу для сыновей призрѣваемыхъ имъ инвалидовъ и назвалъ ее Сиротскимъ домомъ, въ первый же годъ своего царствованія, на докладѣ Военной Коллегіи о гарнизонныхъ школахъ, существовавшихъ при прежнихъ гарнизонныхъ батальонахъ положилъ такую резолюцію: "Желаю, чтобы Коллегія сдѣлала для солдатскихъ дѣтей сколько можно ближе къ заведенію моему при гвардіи подъ названіемъ Сиротскаго дома, почитая заведенія сіи по разнымъ мѣстамъ, какъ лишь отдѣленія одного заведенія".

Такъ какъ дѣти нижнихъ чиновъ Россійскихъ войскъ, поступавшія въ гарнизонныя школы, а по уничтоженіи ихъ, въ военно-сиротскія отдѣленія, предназначались исключительно къ службѣ въ войскахъ и обучались предметамъ и мастерствамъ, пригоднымъ для воинскихъ надобностей, причемъ были обязаны долголѣтнимъ срокомъ службы за свое воспитаніе, то въ 1805 г. они были названы кантонистами.

Слово кантонистъ редеть свое начало отъ кантонной системы комплектованія войскъ. Такъ, въ Пруссіи, начиная съ 18-го вѣка каждый полкъ для комплектованія своего имѣлъ приписанный къ нему округъ и люди, поступающіе изъ него на службу, назывались кантонистами.

Къ этому времени число кантонистовъ, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, возросло до 16.400 человекъ. Школы ихъ были открыты въ 66 городахъ: въ Петербургѣ и Москвѣ на 1.500 чел. въ Кронштадтѣ, Ригѣ и Николаевѣ на 1.000 ч., въ Архангельскѣ на 700 ч., въ Кіевѣ на 600 ч., въ Казани на 500 ч., въ крѣпости Св.Дмитрія на 450 ., въ 16-ти отдѣленіяхъ на 400 - 200 ч. и въ 51-омъ отдѣленіи на 150 - 50 человекъ.

Въ 1824 г. всѣ военно-сиротскія отдѣленія поступили подъ непосредственное начальство, главнаго надъ военными поселеніями начальника, графа Аракчеева, а въ 1826 были переформированы въ роты, полубатальоны и батальоны военныхъ кантонистовъ, причемъ нѣсколько батальоновъ составили учебную бригаду. Образованіе кантонистовъ было раздѣлено на три отдѣла: на обученіе въ классахъ, ученіе фронтовое и обученіе мастерствамъ.

Въ 1842 г. состояло кантонистовъ въ учебныхъ бригадахъ, въ отдѣльныхъ ротахъ и батальонахъ 35.000 чел., кромѣ того на воспитаніи у родителей и родственниковъ до 10-лѣтняго возраста 135.640 чел., при войскахъ 71.900 чел., а всего 298.000 человекъ. Такова исторія военно-учебнаго заведенія, на развалинахъ котораго, при послѣдующихъ переформированіяхъ, явился въ гор. Псковѣ кадетскій корпусъ.

Что представляла собой Псковская Гарнизонная школа съ 1721 по 1783 г. псковские архивы срьдѣннй не сохранили, но въ 1783 году она получила уставъ подъ заглавiемъ: "Генеральное наставленiе, касающеея гарнизонныхъ батальоновъ и солдатскихъ школъ". По этому наставленiю, повелѣно содержать въ каждой ротѣ гарнизоннаго батальона вмѣсто 6-ти рядовыхъ 6 школьничковъ, а всего при 99-ти ротахъ 540 чл.школьничковъ. На содержанiе ихъ, кромѣ одежды и провiанта, выдаваемыхъ отъ комиссарiатскаго вѣдомства, было опредѣлено отпускать на каждый внутреннiй батальонъ по 350 руб.5 коп. въ годъ. Согласно параграфа 16 того же положенiя, предписывалось "изъ сихъ денегъ построить школу каменную, а по нуждѣ на первый случай и деревянную", но рукою Императрицы Екатерины II, видѣвшей полную невозможность осуществить подобное распоряженiе, сдѣлана противъ этого параграфа слѣдующая резолюция: "Ежели есть какое казенное и ни къ чему нужнѣйшему не потребное каменное строенiе, то истребовать оное отъ городу и починикъ исправить употребляя къ тому строенiю и починкѣ гарнизонныхъ солдатъ". Такимъ образомъ съ 1783 года при Псковскомъ гарнизонномъ батальонѣ повелѣно открыть гарнизонную школу. Школа эта была первымъ учебнымъ заведенiемъ во всемъ Псковскомъ округѣ. Тихо и скромно народилась она на свѣтъ Божiй, никто не приветствовалъ ея появленiя. Везъ лишнихъ рѣчей и оцанiй начала она свою многострадальную жизнь. Никто повидимому не обратилъ на этотъ фактъ вниманiя, обособленная она стояла въ сторонѣ отъ всего окружающаго, не имѣя съ нимъ никакой связи.

Съ 1783 по 1796 годъ никакихъ срьдѣннй объ открытiи гарнизонной школы въ архивахъ Пскова не сохранилось. Почти въ то же время появилось другое дѣтище во Псковѣ, такъ называемая народная школа, которую совсѣмъ иначе встрѣтило псковское общество: 22 сентября 1786 года шумныя оцанiи, иллюминацiя и пушечная пальба сопровождали торжественное открытiе этого училища. Его помѣстили въ каменномъ 2-хъ этажномъ флигелѣ, занимаемомъ до того времени "канцелярiей межевой части, архивомъ и пр.", а нынѣ принадлежащемъ Псковскому кадетскому корпусу и занятомъ квартирами служителей.

23 декабря 1798 года по Высочайшему повелѣнiю, Псковская гарнизонная школа получила названiе военно-сиротскаго отдѣленiя, ученики котораго пользовались не только образованiемъ, но постоянно находясь въ стѣнахъ заведенiя, пользовались также и воспитанiемъ. Въ 1801 г. Псковское военно-сиротское отдѣленiе, по дошедшему до насъ отчету командира Псковскаго гарнизоннаго батальона, полковника Батурина, въ вѣдѣннй котораго оно находилось, представляло изъ себя учебное заведенiе съ извѣстными инструкцiями, правилами и программами. По этому отчету въ отдѣленiи состояло 170 учениковъ въ возрастѣ отъ 7 до 15 лѣтъ. Съ 7-ми лѣтняго возраста воспитанники эти

обучались: "Закону Божию, російскому чтенію, письму и арифметикѣ сколько нужно для дѣланія обыкновенныхъ выкладокъ". Самое обученіе происходило такимъ образомъ: "въ понедѣльникъ, вторникъ, четвергъ и пятницу до обѣда, умѣющіе писать обучались арифметикѣ, а прочіе учились по азбукамъ, часословамъ и поалтирямъ, а послѣ обѣда всё читали зади; въ субботу до обѣда слушали воинскій артикулъ и Высочайшій уставъ, а послѣ обѣда въ среду и субботу, равно въ табельные и воскресные дни, ученій не было". Въ лѣтнее время съ 3 мая по 1 октября, по понедѣльникамъ и четвергамъ въ продолженіи всего дня было строевое ученіе. Всё воспитанники раздѣлялись на три класса. Въ первомъ классѣ обучающихся чтенію состояло отъ 50 до 70 чел. во второмъ классѣ обучались письму отъ 40 до 60 ч. и въ третьемъ классѣ отъ 30 до 40 чел. Экзамены производились одинъ разъ въ году, въ августѣ, командиромъ гарнизоннаго батальона, которому "была вѣрена полная надъ отдѣленіемъ дирекціи".

Для обученія воспитанниковъ при отдѣленіи состояло: 3 учителя арифметики и 3 русской грамоты, а всего 6 учителей. Учитель арифметики получалъ 120, а учитель русской грамоты 60 рублей въ годъ.

Зданіе, въ которомъ было расположено Псковское военно-сиротское отдѣленіе, представляло просторный, каменный весьма старый домъ, т.е. старый генераль-губернаторскій домъ, отведенный по распоряженію думъ. Въ этомъ домѣ, по донесенію полк. Батурина, "во многихъ комнатахъ отъ течи грозятъ паденіемъ потолка, крыша досчатая сгнила, а мѣстами провалилась. Окна и печи въ весьма худомъ состояніи".

Описавъ все это полк. Батурина добовляетъ, что въ завѣдываемомъ имъ отдѣленіи "все дѣлается согласно штата, приложеннаго къ Высочайшему повелѣнію отъ 23 декабря 1798 года, но никакихъ уставовъ о порядкѣ ученія при отдѣленіи не имѣется".

Въ 1803 г. для завѣдыванія военно-сиротскимъ отдѣленіемъ Высочайше повелѣно назначить отдѣльное лицо изъ числа достойнѣйшихъ офицеровъ гарнизонныхъ батальоновъ, со званіемъ смотрителя военно-сиротскаго отдѣленія. Первымъ смотрителемъ Псковскаго отдѣленія былъ шт.-кап. Лукашевичъ, человекъ заботливый и видимо порядкомъ надобвшій гражданскимъ властямъ свои жалобами на невозможность квартированія въ отведенномъ помѣщеніи безъ капитальнаго исправленія зданія. По заявленію ген.-м. Малаева, почти всё отдѣленіе терпѣли недостатки въ помѣщеніи, черезъ что возникали въ оныхъ болѣзни.

Въ 1817 г. губернаторскій домъ пришелъ въ такое состояніе, что по заявленію шт.-кап. Лукашевича, сталъ непригоднымъ не только для учебнаго заведенія, но и для обыкновеннаго жилья. Такъ напр. смотритель отдѣленія доноситъ, что "въ ночь съ 19 на 20 августа выбито вѣтромъ 17 рамъ", затѣмъ, по дру-

гимь его-же донесеніямъ, оказывается, что въ домѣ дѣрявая крыша, съ потолочнаго наката слѣзла вся глиняная смазка, штукатурка на стѣнахъ обсыпалась, полы гнилые и во многихъ печахъ обрушились своды, такъ что для топки онѣ не пригодны. Неоднократныя просьбы и сѣтованія смотрителя отдѣленія и бывшаго Псковскаго коменданта, полк. Денца, видимо наскучили гражданскому начальству и оно приказало составить смѣту на исправленіе этого зданія; но когда архитекторъ потребовалъ на это 700 руб., то власти остановились передъ такой затратой и пошли съ вопросомъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, на чей счетъ долженъ быть отнесенъ расходъ по ремонту помѣщенія для военно-сиротскаго отдѣленія. Черезъ нѣсколько лѣтъ волокиты главный штабъ арміи сообщилъ, что зданія, отводимыя для войсковыхъ помѣщеній гражданскими властями, должны быть отремонтированы на счетъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя ихъ отводили. Получивши такой отвѣтъ, гражданскія власти предписали архитектору составить новую смѣту на возобновленіе и перестройку стараго генераль-губернаторскаго дома, а такъ какъ по этой смѣтѣ потребовалось 203.000 рублей, то ген.-губернаторъ Паулуччи заблагодарсудилъ сдѣлать представленіе въ Министерство о при способленіи дома занимаемаго отдѣленіемъ, подъ присутственными мѣста, а старыя присутственные мѣста, (гдѣ нынѣ помѣщается корпусъ), отдать подъ помѣщеніе отдѣленія.

Въ апрѣлѣ 1824 года по Высочайше утвержденному положенію комитета Министерства "находящійся въ Псковѣ каменный домъ, въ которомъ помѣщался госпиталь, а въ то время судъ и архивы присутственныхъ мѣстъ, было приказано очистить и передать въ вѣдѣніе Псковскаго военно-сиротскаго отдѣленія.

Вслѣдствіи этого въ маѣ того-же года Псковскій полицмейстеръ донесъ гражданскому губернатору, съ представленіемъ подробной описи, о сдачѣ имъ въ вѣдомство Псковскаго военно-сиротскаго отдѣленія адъютанту его сѣятельства, графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, поручику Корбуту настоящаго зданія", т. е. зданія, занимаемаго нынѣ Псковскимъ Кадетскимъ Корпусомъ.

Какова была внутренняя жизнь этого заведенія до 1825 года свидѣній имѣется мало. Въ этомъ году былъ назначенъ начальникомъ Псковскаго военно-сиротскаго отдѣленія полковникъ Глазенапъ, человекъ больной и начальствовавшій всего только одинъ годъ. Въ маѣ 1826 г. Псковское отдѣленіе было принято майоромъ Крыжановскимъ. Съ этого періода имѣются уже болѣе подробныя свидѣнія о внутренней жизни и порядкахъ въ школѣ. Такъ, въ 1826 г. численный составъ отдѣленія былъ таковъ: въ большемъ возрастѣ состояло 86 кантонистовъ, въ среднемъ 494, въ меньшемъ 97, всего 677 чел., которые дѣлились на 4 роты. Изъ этого числа въ зданіи отдѣленія помѣщалось около 100 ч., а остальные были размѣщены по обывательскимъ квартирамъ у

"добровольныхъ содержателей", получавшихъ за каждаго кантониста по 30 копѣекъ въ мѣсяцъ на приварокъ и, кромѣ того, провіантъ по положенію.

Завѣдывали ротами на правахъ ротныхъ командировъ унтеръ-офицеры, которые имѣли въ своемъ распоряженіи, кромѣ нѣсколькихъ помощниковъ изъ учителей нижняго званія, еще надзирателей изъ инвалидовъ, такъ что весь педагогическій и административный персоналъ составлялъ до 40 человекъ.

Маіоръ Крыжановскій, принимая отдѣленіе, издалъ приказъ 3 іюня 1826 г., чтобы ротные командиры на дворѣ заведенія, при именныхъ спискахъ, представляли ему на смотръ кантонистовъ, живущихъ въ зданіи, а шт.-кап. Лукашеничу, который завѣдывалъ въ то время кантонистами, живущими "въ не отдѣленіи у родственниковъ и воспитателей", приказалъ представлять ему этихъ воспитанниковъ, "при конхъ должны находиться и сами содержатели".

Ознакомившись съ людьми, маіоръ Крыжановскій, издалъ "въ предупрежденіе нетерпимыхъ безпорядковъ и значительныхъ опущеній въ присмотрѣ ротныхъ командировъ за кантонистами" довольно полную, обстоятельную и не лишенную, по тому времени, интереса, инструкцію относительно внутреннего порядка и даже нѣкоторыхъ воспитательныхъ мѣръ, которыя онъ, "по примѣру С.-Петербургскаго отдѣленія" составилъ и предписалъ къ исполненію. Съ этого времени каждая рота была раздѣлена на три капральства, завѣдываніе каждымъ было поручено учителю. Для облегченія учителя, капральство дѣлилось еще на нѣсколько мелкихъ частей, которыми завѣдывали кантонисты изъ надежнѣйшихъ и носившихъ названіе десяточныхъ ефрейторовъ въ отличіе отъ ефрейторовъ капральныхъ, на каждое капральство по одному. По этой инструкціи десяточный ефрейторъ осматриваетъ каждое утро звѣренную ему часть, ѣдетъ на молитву, раздаетъ завтракъ и вообще отвѣчаетъ за исправность и порядокъ въ своемъ десяткѣ. Капральный ефрейторъ въ свою очередь, наблюдая за порядкомъ нѣсколькихъ десятковъ, докладываетъ о каждомъ безпорядкѣ и шалости кантонистовъ учителю. Капральный учитель изъ унтеръ-офицеровъ представляетъ собой нѣчто вроде воспитателя, хотя главнымъ образомъ смѣдитъ за "исправностью постелей, цѣлостью столовъ, стульевъ, кроватей, стѣнъ и чистотою рукъ кантонистовъ во время отхода ихъ ко сну".

Затѣмъ м. Крыжановскій объявилъ такое расписаніе дня: въ 5 утра кантонисты вставали, послѣ приведенія себя въ порядокъ, въ 6 строились на молитву, потомъ получали отъ десяточныхъ ефрейторовъ завтракъ, состоявшій изъ одного или полтора фунта хлѣба съ солью; до 8 приготавливали уроки, съ 8 одна половина шла въ классы, другая въ мастерскую. Въ II былъ обѣдъ изъ двухъ блюдъ, щи или супъ и каша; до 2 отдыхъ, а въ 2 вновь разводили кантонистовъ по классамъ и въ мастерскую,

гдѣ занимались до 7 вечера. Послѣ 7 былъ ужинъ, состоявшій изъ размазни, затѣмъ до 9 давалось время "для исполненія собственныхъ надобностей", около 9 строились на вечернюю молитву, перекличку и осмотръ рукъ.

Съ 9 декабря 1827 г. по Высочайшему повелѣнiю военно-сиротское отдѣленiе было переименовано въ полубатальонъ военныхъ кантонистовъ и въ командованiе ротами вступили шт.-кап. Лукашевичъ и поручикъ Ивановъ, помощниками ихъ пор. Зинovieвъ и прапорщикъ Емельяновъ.

Въ 1828 г. м. Крыжановскiй сдѣлалъ полубатальонъ барону Билингсгаузену. Незадолго передъ этимъ Псковскiй полубатальонъ кантонистовъ, согласно приказу начальника штаба военныхъ посемей, вошелъ въ составъ вновь сформированной 2-ой стрѣлковой учебной бригады кантонистовъ, начальникомъ бригады былъ назначенъ полковникъ Вохинъ, служившій Александровскаго звѣзды, помнившiй изъ всего воинскаго устава лишь одно выраженiе: "не оставлять проступковъ и нарушенiй подчиненныхъ безъ взысканiя" и широко пользовавшiйся данною ему властью.

Въ июнѣ 1830 г. Псковскiй полубатальонъ кантонистовъ былъ принятъ подпол. Грошевымъ. Какова была дѣятельность этого начальника, въ архивѣ свѣдѣнiй не сохранилось, но вѣроятно подполк. Грошевой былъ исправный и дѣятельный командиръ, если полк. Вохинъ, страшно громившiй въ приказахъ командировъ подчиненныхъ ему прочихъ полубатальоновъ, находившихся во 2-й учебной бригадѣ, нашелъ возможнымъ, послѣ осмотра Псковскаго полубатальона, объявить въ приказѣ, что онъ остался имъ доволенъ и что командиръ и его помощники вполне заслуживаютъ благодарности за здоровый видъ воспитанниковъ, свидѣтельствующiй о заботливости начальства.

Въ 1831 г. было предложено выводить кантонистовъ въ лагеря. Изъ дѣлъ Псковскаго полубатальона видно, что уже въ 1832 г. кантонистовъ выводили въ лагерь, гдѣ они располагались въ палаткахъ и гдѣ, кромѣ фронтowychъ занятiй, одинъ день въ недѣлю занимались повторенiемъ пройденныхъ въ году предметовъ, въ выстроенныхъ для этой цѣли баракахъ.

Въ 1835 году Императоръ Николай I изволилъ посѣтить Псковскiй полубатальонъ. О пребыванiи Его Величества сохранилась лишь надпись на витринѣ съ посудой: "Государь Императоръ Николай I, при осматриванiи Псковскаго полубатальона военныхъ кантонистовъ 17 мая 1835 г., изволилъ приготовить для кантонистовъ пищу кушать изъ сей посуды".

Въ 1835 году было куплено отъ приказа общественнаго призрѣнiя 2 каменныхъ флигеля, въ которыхъ когда-то помѣщалось народное училище.

Въ 1840 г. полубатальонъ принялъ майоръ Iосифъ Ивановичъ Якубовскiй. Во время его начальствованiя выдающимися событiями были: постройка церкви въ зданiи полубатальона и

переводъ Ревельскаго полубатальона въ Псковъ. Вотъ что удалось найти въ архивѣ по поводу церкви: бывшій ктиторъ церкви Спасо-Преображенія, учитель школы Зеленчевъ доносилъ полковнику Ермолину, начальнику Псковскаго училища военного вѣдомства уже въ 1859 г. слѣдующее: "что хотя письменныхъ свѣдѣній объ устройствѣ домовою Спасо-Преображенской церкви не имѣется, но, служа постоянно въ семьъ зданіи съ 1831 г. помню, что въ 1836 г., по просьбѣ командира 2-ой учебной бригады военныхъ кантонистовъ, полк. Вохина, псковскій купецъ и коммерціи совѣтникъ Степанъ Дмитриевичъ Воронинъ пожертвовалъ 18.000 рублей ассигнаціями на устройство церкви при батальонѣ. Когда была начата постройка и достаточно-ли было пожертвованной суммы, сказать не могу, помню только, что по составленному проекту постройки пришлось разломать прежде всю середину зданія до основанія на ширину 3 оконъ; по разломкѣ середины зданія, была заложена церковь или, вѣрнѣе, одинъ алтарь 6 августа 1836 года. Послѣ того всѣ работы какъ по устройству церкви, такъ и по другимъ передѣлкамъ зданія, производились подъ наблюденіемъ особой комиссіи, учрежденной въ г. Псковѣ, по Высочайшему повелѣнію, для постройки полковыхъ штабовъ и артиллерійскихъ парковъ внѣ города, причемъ вся постройка церкви была окончена въ 1840 году. Купецъ С. Д. Воронинъ, пріѣхавшій случайно изъ Москвы, гдѣ онъ жилъ по своимъ дѣламъ, въ Псковъ въ 1840 г., пожелалъ чтобы церковь была освящена въ его присутствіи, поэтому 6 августа 1840 года состоялось освященіе храма, но церковной утвари, облаченія и самаго священника для этой церкви въ то время еще не было. По распоряженію строительной комиссіи, былъ временно призванъ для отправления требъ и церковной службы при этой церкви одинъ изъ священниковъ 2-ой учебной бригады отецъ Щуровскій. Въ 1842 г. были высланы изъ Петербурга, по распоряженію департамента военныхъ поселеній, книги, облаченіе, церковная утварь и посуда, а въ 1844 г. купецъ Воронинъ подарилъ въ церковь бархатное облаченіе и бронзовую люстру. Новое-же устройство церкви при Псковскомъ училищѣ послѣдовало по случаю надстройки 3-го этажа надъ всѣмъ зданіемъ въ 1857 г. Такъ какъ прежній иконостасъ оказался малъ, то по этому случаю распоряженіемъ департамента военныхъ поселеній былъ заказанъ въ С.-Петербургѣ мастеру Гофману новый иконостасъ, который былъ поставленъ въ 1858 г. и принятъ отъ подрядчика, заступающаго работами, инженеръ-поручикомъ Тяжеловымъ по рапорту его 22 мая 1859 г., за № 170. Какова цѣнность этого иконостаса и образовъ, для заведенія осталось неизвѣстнымъ", говоритъ въ заключеніи Зеленчевъ. Въ 1893 году случайно узналъ пишущій эти строки, что образа для иконостаса писалъ академикъ Алексѣевъ и что стоимость иконостаса 6.000, а образовъ средняго числа по 100 рублей каждый, такъ что вся работа иконостаса съ постановкой

стоила 10 тысяч рублей.

Из этого описания истории возникновения церкви при нашем заведении ясно, что храмовой праздник в день Преображения Господня 6 августа был избран только потому, что 6 августа 1836 г. была закладка, а день закладки выбирала строительная комиссия в зависимости от удобств строительных работ, отнюдь не имея в виду цели заведения. Вследствие этого наш корпус, единственный из всех кадетских корпусов, празднует свой храмовой праздник без воспитанников и почти без служащих, которые в это время бывают в кадетском корпусе в отпуску. Цели воспитательные требуют чтобы этот семейный праздник корпуса, оставляющий глубокий след в душе каждого воспитанника был учрежден в такой день, когда вся семья в сборе. История, являясь в этом случае на помощь, указывает, что 24 ноября, день Святой Великомученицы Екатерины, был бы самым подходящим днем для нашего праздника. Каждый воспитанник школы, батальона, училища, гимназии, гимназии и корпуса в гор.Пскове должен благоговейно чтить память учредительницы Императрицы Екатерины II, которая в 1783 г. повелела открыть гарнизонную школу в гор.Пскове, что и было приведено в исполнение, по донесению полковника Батурина, в 1783 году.

23 декабря 1798 г. последовало Высочайшее повеление о переименовании гарнизонной школы в военно-сиротское отделение.

Постройка церкви закончилась в 1844 г. Первым настоятелем ее был назначен священник Армятов. Церковь была низкая и темная, т.к. оконъ на Губернаторскую улицу не было, зато над церковью къ сторонѣ Кутузовскаго сада была сдѣлана звонница съ колоколами.

Этот период жизни училища отличенъ появленіемъ въ стѣнахъ его нашего талантливаго гравера Лаврентія Авксентьевича Сѣркова, состоявшаго прежде, въ качествѣ воспитанника, а въ 1844 г. въ званіи учителя рисованія при школѣ кантонистовъ. На страницахъ журнала "Русская Старина" за 1881 г., въ статьѣ Н.П.Собко "Л.А.Сѣрковъ 1845-1848 г.", хорошо и подробно изложена жизнь и дѣятельность этого многострадальнаго художника, который будучи еще воспитанникомъ школы кантонистовъ въ г.Псковѣ, выказалъ не только любовь, но и призваніе къ живописи. Нарисованный имъ, итальянскимъ карандашомъ, портретъ Императора Николая Павловича, хранящійся въ залѣ I-ой роты Псковскаго кадетскаго корпуса, обратилъ на себя вниманіе начальства, которое, по окончаніи Сѣрковымъ курса въ батальонной школѣ, оставило его, какъ "выдающагося воспитанника", еще на два года при школѣ въ качествѣ учителя рисованія. Правомъ этимъ, согласно существовавшимъ тогда правиламъ, пользовались только завѣдомо способные воспитанники. Оставаясь въ качествѣ

учителя рисованія, Л.А.Сѣряковъ былъ назначенъ фельдфебелемъ съ окладомъ жалованія 12 рублей въ годъ.

Въ 1844 г. командиромъ Псковскаго полубатальона назначенъ полк.Маврикій Карловичъ Адлербергъ. При немъ численность полубатальона, по расформированіи Ревельскаго полубатальона, достигла 2.243 человекъ, а помѣщеніе оставалось все прежнее и не могло вмѣщать въ себя такую массу людей, такимъ образомъ три четверти батальона пришлось размѣстить по ротамъ въ окрестныхъ деревняхъ. Такъ были заняты деревни: Гнилица, Кресты, Бутырки, отстоящія отъ города въ 5-6-ти верстахъ.

Въ 1854 г.Псковскій батальонъ кантонистовъ былъ принятъ полк.Иваномъ Филипповичемъ Филатовымъ, которому пришлось проводить въ жизнь Высочайше утвержденное 10 іюня 1858 года положеніе объ училищахъ военнаго вѣдомства. Согласно этому положенію штатъ учащихся сокращенъ, введена должность инспектора классовъ, а учителя нижняго званія должны были замѣняться учителями въ классныхъ чинахъ. Готовилась коренная реформа во всемъ, но прежде чѣмъ говорить о ней надо заглянуть въ Новгородъ, гдѣ тоже былъ батальонъ кантонистовъ. По Высочайшему повелѣнію 31 декабря 1858 г. Новгородское отдѣленіе военныхъ кантонистовъ, съ состоящимъ при немъ неранжированнымъ батальономъ учебныхъ стрѣлковъ, было переименовано въ Новгородское училище военнаго вѣдомства. Было предписано оставить въ этомъ училищѣ солдатскихъ дѣтей 10-ти лѣтнаго возраста и все училище перевести въ Псковъ.

Званіе командира батальона въ здѣшнемъ заведеніи было уничтожено и назначенный въ томъ-же году полк. Ермолинъ названъ начальникомъ училища. По этому распоряженію изъ 12-и ротъ Новгородскаго батальона было выбрано въ 1-ую роту 98 ч. во 2-ую - 100 ч., въ 3-ю - 83 ч. и въ 4-ю - 79 ч., всего 360 человекъ, которые 16 августа 1859 г. выступили во Псковъ съ новымъ начальникомъ го главѣ.

Въ сентябрѣ 1859 г. были назначены въ Псковское училище инспекторомъ классовъ надворный совѣтникъ Фурсовъ, старшій лѣкарь над.совѣтникъ Сокальскій, а настоятелемъ церкви и законоучителемъ священникъ Андрей Сенаторскій.

Жизнь училища вступала мало по малу въ новый фазисъ, все обновлялось, старые порядки замѣнялись новыми, ротные командиры получили инструкцію по воспитательной части.

Въ маѣ 1859 г. была окончена надстройка 3-го этажа надъ главнымъ зданіемъ и пристройка боковыхъ крыльевъ, выходящихъ на Губернаторскую улицу

3 мая 1859 г., съ благословенія архіепископа Псковскаго Евгенія была освящена церковь наша въ томъ видѣ, въ какомъ она сохранилась до послѣдняго времени. Помѣщеніе воспитанниковъ значительно увеличилось, но вмѣстить въ себя всю массу служащихъ и воспитанниковъ, около 600 чел., конечно, не могло

безъ ущерба дѣлу, а между тѣмъ новая инструкція для училища очень возвысила воспитательныя требованія.

Въ ноябрѣ 1859 г. Императоръ Александръ II извоилъ посѣтить Псковъ и Псковское училище военного вѣдомства.

Произведеннымъ смотромъ Государь остался доволенъ.

Въ день отвѣда Его Величества воспитанники училища были выстроены на платформѣ желѣзной дороги, Государь благодарилъ начальника и на память подарилъ училищу образъ Святого Князя Гавріила Псковскаго, хранившійся въ церкви корпуса. Кромѣ образа, подареннаго корпусу Государемъ, сохранилась на память и посуда, изъ которой Государь извоилъ отвѣдать пиву. На витринѣ, въ которой хранилась эта посуда, было написано: "Государь Императоръ Александръ II, при осматриваніи Псковскаго училища военного вѣдомства 10 ноября 1859 года, извоилъ приготовить для воспитанниковъ пиву кушать изъ сей посуды".

Вотъ какой составъ училища былъ къ этому смотру: отъ Псковскаго полубатальона кантонистовъ оставалось 560 чел. и 360 ч. было переведено изъ Новгорода всего 920 ч., распределенныхъ на 8 полуротъ. Изъ этихъ 920-ти ч. 360 новгородскихъ и 149 псковскихъ кантонистовъ составили училище военного вѣдомства, а остальные 411 ч. размѣщались по деревнямъ на прежнемъ основаніи.

Начальство надъ училищемъ было вѣрено полк. Ермолину по прежнему было 4 ротныхъ командира: капитаны Ходуновъ, Досковъ, Остергаузенъ и Никланъ и 4 ихъ помощника, 28 учителей нижняго званія, инспекторъ классовъ надвор. советникъ Фуровъ, командиръ музыкантской команды кап. Игитевъ, экономъ шт.-инж. Стоцкій, казначей пор. Лукашевичъ, писмоводитель колл. секретарь Петровъ, свящ. Сенаторскій, старшій дѣкарь Сокальскій и младшій лѣкарь Юшкевичъ и 7 преподавателей изъ классныхъ чиновъ, всего 52 человекъ.

Нельзя обойти молчаніемъ священника Сенаторскаго, на долю котораго выпала видная роль въ исторіи училища. Это былъ высокій, плотный старикъ съ благообразнымъ лицомъ древняго патріарха, одною вышнностью своею внушавшій къ себѣ уваженіе. Крупныя черты лица сообщали ему энергичное выраженіе, а добрые сѣрые глаза, окаймленные широкими, сѣдыми бровями, смотрѣли съ какой-то дѣтской кротостью. Онъ былъ ворчливъ ужасный, но три четверти ворчливости его были дѣломъ привычки, а одна четверть напускной строгости, всё это знали, не исключая воспитанниковъ, среди которыхъ онъ пользовался не только уваженіемъ, но и любовью. Онъ сильно картавилъ и букву "р" замѣнялъ "г", поэтому первое время понять его говоръ было трудно. Уроженецъ Кіевской губерніи, онъ сохранилъ въ себѣ всё черты малороссійскаго характера, не исключая хитрости, но хитрости не злой, не корыстной, а той, которая только забавля-

ется человѣкомъ, поставленномъ ея-же въ смѣшное положеніе.

Природный свѣтлый умъ въ сочетаніи съ тактичностью и широкимъ русскимъ добродушіемъ пополнили пробѣлы богословскаго образованія, которые въ другомъ священникѣ рѣзали-бы глаза.

Сама предшествующая жизнь этого старика, выдержавшаго вмѣстѣ съ Севастопольскимъ гарнизономъ II-ти мѣсячную осаду, придавала ему необыкновенное обаяніе въ средѣ его юныхъ питомцевъ, которые даже природныя недостатки батюшки, какъ на примѣръ картавость, объясняли себѣ не иначе какъ легендарнымъ рассказомъ о плѣнѣ этого старика въ непріятельскомъ станѣ.

Между воспитанниками сложилось сказаніе, какъ турки захватили Сенаторскаго, зарыли его въ землю по горло и въ такомъ положеніи оставили его на произволь судьбы. Это такъ по дѣйствовало, будто-бы, на Сенаторскаго, что онъ, будучи выкопанъ, проходившимъ мимо русскимъ солдатомъ, лишился на нѣкоторое время языка, а впоследствии, хотя и началъ говорить, но сдѣлался косноязычнымъ. Легенда эта переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе и самъ отецъ Андрей навѣрно не смогъ-бы ее опровергнуть. Въ представленіи воспитанниковъ онъ былъ не только священникъ, но и герой, находившійся въ рекогносцировкѣ противъ горцевъ при Бугирскомъ полку на Кавказѣ, что было извѣстно имъ изъ приказа по училищу 22 августа 1864 г. № 491. Любя отца Андрея за его доброту, они боялись его за ворчливость. Всѣ свои бѣды и неудачи съ учителями и воспитателями они несли священнику, который, выслушавъ, ихъ-же журилъ, но журилъ отечески, любовно.

Не меньшимъ уваженіемъ пользовался онъ и со стороны служащихъ. Военные воспитатели только что поступившіе въ то время въ училище, всегда прибѣгали къ его помощи, прося отеческаго внушенія прощрафившемуся воспитаннику. Впрочемъ часто въ этомъ отношеніи онъ самъ шелъ намъ на встрѣчу, узнавши впередъ отъ воспитанника о его продѣлкѣ. Въ этихъ случаяхъ отецъ Андрей былъ неоцннимъ. Похуривши воспитанника, онъ и нашего брата не пропуститъ, поворчитъ бывало: "ну ужъ эти мнѣ молодые воспитатели, нѣтъ чтобы съ терпѣніемъ да съ выдержкой такъ и ломаютъ сплеча", укоризненно говорилъ старикъ, встрѣчая воспитателя, по его мнѣнію, неправильно наказавшаго воспитанника.

Полковникъ Ермолинъ въ рапортѣ своемъ въ управленіе училища военнаго вѣдомства съ просьбою о назначеніи о. Андрея изъ Новгорода въ Псковъ характеризуетъ его такъ: "человѣкъ заслуженный, съ основательными познаніями въ догматахъ вѣры, съ кроткимъ характеромъ и рѣдкою любовью къ дѣтямъ.

Въ 1860 году были введены награды за успѣхи и поведеніе: записываніе на красную доску и т. п., лучшіе-же воспитанники удостоивались ношенія погонъ; за дурное поведеніе за-

писывали на черную доску и надѣвали сѣрые куртки.

Въ 1859 году, повидимому, впервые праздновали храмовой праздникъ 6 августа. На дворѣ училища было устроено гуляніе съ музыкой, зданіе и улица были иллюминированы.

Новый начальникъ училища полк.Ермолинъ былъ человѣкъ дѣльный и очень энергичный начальникъ. Чувствуя во всемъ недостатокъ, за исключеніемъ численнаго состава учащихся, онъ занялся самъ преобразованіемъ внѣшняго вида училища, предоставивъ въ учебномъ отношеніи полный просторъ инспектору классовъ Фурсову, который не уступалъ по энергіи, пониманію и благимъ намѣреніямъ начальнику училища. Фурсовъ былъ занятъ съ утра до ночи и не покладая рукъ работалъ надъ введеніемъ новыхъ порядковъ въ училище.

Вслѣдствіи неоднократныхъ просьбъ и ходатайствъ начальства, по распоряженію Псковской городской управы, было отведено училищу мѣсто въ четыре десятины на Завеличѣ для постоянного лагеря, гдѣ съ все время и находился.

21 января 1863 года послѣдовалъ приказъ Военнаго Министра объ учрежденіи должности главнаго начальника военно учебныхъ заведеній съ подчиненіемъ ему всѣхъ кадетскихъ корпусовъ и училищъ военнаго вѣдомства.

Въ 1864 году почему-то вздумалось ввести въ училищѣ судъ общества офицеровъ. Выбрали суде", посредниковъ, но суду этому ни разу не пришлось проявить своей дѣятельности, по крайней мѣрѣ случаи собранія суда по приказамъ не видно, вѣроятно общество не давало къ тому повода.

Начальство очень строго относилось къ военному элементу, такъ напримѣръ пор. Кожинъ за нощеніе длинныхъ волосъ былъ арестованъ на 7 сутокъ на хлѣбѣ и водѣ.

Въ слѣдующемъ году училище начало понемногу терять своихъ лучшихъ дѣятелей: въ іюнѣ инспекторъ классовъ Фурсовъ получилъ мѣсто директора Шавельской гимназіи, а на его мѣсто былъ назначенъ кад. совѣтникъ Скандовскій. Черезъ годъ и полк.Ермолина замѣнилъ полк.Гаринъ. Старшій врачъ статскій совѣтникъ Сокальскій уволенъ въ отставку, а его мѣсто занялъ над. совѣтникъ Гомолицкій. Прочій педагогическій составъ перемѣнился почти весь.

Съ 1866 года начался опять кипучій періодъ дѣятельности училища. Въ августѣ полк.Гаринъ получилъ распоряженіе, чтобы Псковскому училищу военнаго вѣдомства "теперь-же (т.е. съ августа 1866 г.) приступить къ преобразованію въ военно начальную школу, примѣняясь къ проектамъ будущихъ военно-начальныхъ школ". Въ приказѣ по училищу полк.Гаринъ говоритъ, что согласно проекту о военно-начальныхъ школахъ все училище будетъ раздѣлено на четыре возраста, по 4 отдѣленія въ каждомъ, а въ каждомъ отдѣленіи по 25 воспитанниковъ. Для начала приказано сформировать 4-й самый младшій возрастъ изъ 6-и

отдѣлений, причѣмъ какъ нравственный, такъ и физическій надзоръ за воспитанниками отдѣлений былъ возложенъ на воспитателей: "ни ротный командиръ, ни его помощники не имѣли права накладывать взысканій на провинившагося воспитанника, а всецѣло предоставлять это дѣло воспитателю". Для наблюденія за воспитанниками назначался ежедневно дежурный воспитатель.

Воспитателями въ шести отдѣленіяхъ 4-го возраста были назначены: Ивановъ, Евсѣевъ, Парфеновъ, Геллевъ, Александровъ и Гончаровъ. Прочія роты, предполагалось перестроить постепенно, по мѣрѣ окончанія воспитанниками курса въ старшихъ классахъ.

Въ маѣ 1867 года, предписывая закрыть приемъ въ школы учителей нижняго званія, главное управление предлагало состоящимъ на службѣ учителямъ, если они желаютъ продолжать службу держать экзаменъ на званіе учителя при уѣздномъ училищѣ, или представить свидѣтельство изъ учительскихъ семинарій.

Въ концѣ 1867 года начальникомъ школы былъ назначенъ полк. Попелло-Давыдовъ, а инспекторомъ классовъ над. совѣтникъ Голубиновъ. На ихъ долю выпало введеніе цѣлага ряда мѣропріятій въ училищѣ, только что подвергшемся коренной реформѣ.

Въ школѣ были введены танцы, хоровое пѣніе, перешитное и столярное мастерства, а для желающихъ уроки стенографіи. Въ октябрѣ 1866 г. вмѣсто 3-хъ часовъ классныхъ занятій назначено 4, введены журналы дежурствъ по возрастамъ для ежедневной записи всего, что представляла жизнь воспитанниковъ интереснаго въ психологическомъ отношеніи.

17 іюля 1868 года, приказомъ по Военному вѣдомству, Псковское училище переименовано въ военную прогимназію, для подготовки молодыхъ людей для поступленія въ окружныя инженерскія училища, только что открытыя въ то время. Въ слѣдствіи этого значительная часть воспитанниковъ, не подававшихъ надежды къ успѣшному окончанію курса, была переведена въ школу, учреденную въ то же время при Псковскомъ губернскомъ батальонѣ; такъ какъ въ 1868 г. приема въ прогимназію не было, то къ началу учебнаго курса оказался большой некомплектъ воспитанниковъ.

Въ декабрѣ 1866 г. инспекторъ классовъ над. совѣтникъ Голубиновъ замѣненъ полк. Цытовичемъ, который въ январѣ 1869 г. получилъ мѣсто начальника С.-Петербургской военно-фельдшерской школы, а вмѣсто него инспекторомъ классовъ назначенъ капитанъ Острогорскій.

Все, знавшіе полк. Попелло-Давыдова, единогласно утверждаютъ, что онъ человѣкъ безпримѣрной энергіи, самъ входилъ во всѣ подробности воспитательнаго дѣла: здѣсь онъ училъ воспитателя, тамъ — воспитанника; въ самые критическіе моменты, безъ всякаго зова, являлся на помощь воспитателю въ возрастѣ въ классѣ бывалъ наставникомъ и руководителемъ преподавате-

лей. Время начальства полк. Попелло-Давыдова признается золотымъ звѣномъ въ исторіи училища.

Порядокъ, чистота, полное благоустройство въ хозяйственномъ отношеніи и значительный подъемъ воспитательнаго и учебнаго дѣла, всѣми признаваемая характеристика этого періода.

Въ 1871 году прогимназія лишилась полк. Попелло-Давыдова, назначеннаго директоромъ I-ой Московской военной гимназіи, а на его мѣсто прибылъ полк. Левковецъ. Въ этомъ-же году назначенъ новый инспекторъ классовъ, подполк. Андреевъ.

Этотъ періодъ, равно какъ и послѣдующій за нимъ періодъ директорства полк. Пышенкова, назначеннаго въ іюль 1876 г. на эту должность, ничемъ особеннымъ не проявилъ себя въ жизни училища.

13 іюля 1876 года послѣдовало Высочайше утвержденное положеніе Военнаго Совѣта о переформированіи Псковской военной прогимназіи въ Псковскую военную гимназію.

Полк. Пышенкову и коллег. совѣтнику Андрееву, назначенному на должность инспектора классовъ въ 1875 году привелось вводить новую реформу.

Въ 1876 г. былъ первый пріемъ воспитанниковъ въ военную гимназію, въ первый и второй классы. Въ октябрѣ 1879-80 учебнаго года послѣдовало распоряженіе о закрытіи военно-прогимназическихъ курсовъ, а въ 1882 г. былъ первый выпускъ въ военныя училища воспитанниковъ, окончившихъ полный семилѣтній курсъ образованія.

Въ 1882 г. военныя гимназіи переименованы въ кадетскіе корпуса, а названіе возрастовъ замѣнено ротами.

Съ этого времени и Псковская военная гимназія начала именоваться Псковскій кадетскій корпусъ.

Для характеристики учебно-воспитательнаго дѣла позволю себѣ сослаться на отчеты учебныхъ заведеній и на мнѣнія лицъ, которымъ приходилось имѣть дѣло съ воспитанниками нашего корпуса. Такъ напримѣръ, изъ отчетовъ, ежегодно присылаемыхъ военными училищами, видно, что кадеты нашего корпуса какъ по успѣхамъ, такъ и по поведенію всегда состояли въ числѣ первыхъ. Особенно хорошую репутацію составили себѣ наши воспитанники въ Александровскомъ и Константиновскомъ училищахъ. Бывшій начальникъ 2 военнаго Константиновскаго училища, покойный генералъ Анчутинъ, во Всеподданѣйшемъ отчетѣ за 1884, 1885 и 1886 годы, далъ такую аттестацію кадетамъ нашего корпуса, находившимся въ названномъ училищѣ: "Изъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, за разсматриваемый періодъ времени, наилучшій контингентъ безспорно далъ училищу Псковскій кадетскій корпусъ. Можно сказать даже болѣе, что съ кадетами этого корпуса не можетъ идти въ сравненіе ни одинъ изъ прочихъ корпусовъ, имѣвшихъ въ училищѣ своихъ столь-же многочислен-

ныхъ представителей.

Положительно почти всѣ безъ исключенія кадеты этого корпуса отличались воинской порядочностью, скромностью и симпатичностью, какъ вполне благовоспитанные молодые люди.

Съ нравственной стороны не только никто изъ нихъ не заслужилъ упрека, но напротивъ того, можно указать на многихъ, которые оказали благотворное вліяніе на товарищей. Къ учебному дѣлу относились съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ. Что же касается до усвоенія ими служебныхъ порядковъ и требованій, то въ этомъ отношеніи они не имѣютъ себѣ подобныхъ, большинство ихъ отличались такимъ рвеніемъ, которое можетъ служить ручательствомъ, что изъ нихъ выйдутъ знатоки и любители военного дѣла".

Все вышесказанное даетъ право сдѣлать выводъ, что общій результатъ учебно-воспитательной дѣятельности стоялъ на надлежащей высотѣ, поэтому остается пожелать, чтобы будущіе кадеты поддержали въ свою очередь ту добрую славу, которую, благодаря труду и сознательному отношенію къ требованіямъ дисциплины, оставили о себѣ ихъ многочисленныя предшественники.

-.---.---.--

Выпустивъ въ 1901 году свои "Матеріалы для исторіи Псковскаго кадетскаго корпуса, ген.-м. Ушаковъ, бывшій воспитатель корпуса, не упоминаетъ ни о ген.-м. Курбатовѣ, принявшемъ корпусъ отъ полк. Пышенкова, въ 1888 г., ни о ген.-л. Боголюбовѣ, вступившемъ въ должность директора въ 1892 году. Надо думать, что за эти годы въ корпусѣ "никакихъ происшествій не случилось", а потому ген.-м. Ушаковъ и не нашелъ нужнымъ ихъ описать.

О ген.-л. Боголюбовѣ извѣстно только, что это былъ сухой и строгій начальникъ, не пользовавшійся особенной любовью кадетъ, давшихъ ему прозвище "Бурбоновъ"; по большей части, даваемые кадетами прозвища, какъ воспитателямъ и преподавателямъ, такъ и своимъ-же одноклассникамъ, были очень мягки и однимъ словомъ достаточно вѣрно опредѣляли характеръ лица, получившаго данное прозвище.

Во время директорства ген.-л. Боголюбова, съ 1892 по 1902 годъ, корпусъ четыре раза удостоился посѣщенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича и кромѣ того одинъ разъ кадеты были вызваны на вокзалъ для свиданія съ Его Императорскимъ Высочествомъ.

Въ 1902 году ген.-м. Боголюбовъ сдѣлалъ должность директора корпуса ген.-м. Шильдеръ, пробывшему на этомъ посту почти до конца 1906 года. Эти четыре года (1902-1906) были самымъ свѣтлымъ періодомъ въ жизни корпуса. Каковъ былъ новый директоръ, показываетъ случай когда ген.-м. Шильдеръ провелъ трое сутокъ у изголовія тяжело больного кадета, не покидалъ его ни

на минуту, самъ за нимъ ухаживалъ и кормилъ, а когда, благодаря такому заботливому уходу, больной сталъ поправляться, нанялъ за свой счетъ сестру милосердія, наказавъ ей неотлучно находиться при больномъ до полного его выздоровленія.

Событіями 1904-05 г.г. въ первый разъ была нарушена мирная жизнь корпуса, когда, однажды, кадеты I-ой роты, вооружившись винтовками, по собственной инициативѣ, вышли изъ зданія корпуса для разгона манифестантовъ, въ стычкѣ съ которыми былъ тяжело раненъ въ голову кадетъ Недвѣдскій.

При ген.-м.Шильдерѣ корпусъ еще пять разъ удостоился видѣть въ своихъ стѣнахъ Августѣйнаго Главнаго Начальника военно-учебныхъ заведеній; Великій Князь оставался иногда по два-три дня, проводя почти все время среди кадетъ, какъ на занятіяхъ, такъ и въ свободные часы и за столомъ.

Самымъ выдающимся событіемъ въ жизни корпуса было полученіе имъ знамени, прибавка и оснащеніе котораго, сопровождавшееся парадомъ въ присутствіи Великаго Князя Константина Константиновича, состоялись 20 февраля 1906 года въ манежѣ 93 пѣхотнаго Иркутскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича полка.

Въ 1906 году ген.-м.Шильдеръ, назначенный командовать Л.Гв.Семеновскимъ полкомъ, покинулъ корпусъ, а на его мѣсто прибылъ ген.-м. Родіоновъ, скончавшійся въ 1912 году.

Въ 1907 и 1909 годахъ корпусъ вновь удостоился посѣщенія Августѣйнаго Начальника; Его Императорское Высочество изволилъ оставаться въ корпусѣ по два дня, проводя ихъ, какъ обычно среди кадетъ.

Кадетъ нашего корпуса, Владиміръ Гранбергъ II, будучи въ 1922 году въ Выборгѣ, случайно нашелъ стихотвореніе, написанное "Къ посѣщенію Псковскаго Кадетскаго Корпуса Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ".

"Когда-бъ, подобно Вамъ, свободно и умѣло
Имѣлъ я счастье лирой управлять,
Себѣ-бы не желалъ я лучшаго удѣла,
Какъ Вашу доброту и милость прославлять.

Удѣлъ скромнѣ мой...

Мнѣ врядъ-ли быть поэтомъ,

Царю готовясь жизнь я посвятить,

Пока-же не продусь на вѣки съ этимъ свѣтомъ,

Мнѣ царственный Вашъ обликъ не забыть".

-.---.---.--

Въ 1911, 1912 и 1913 годахъ на между-корпусныхъ сестя занятіяхъ въ С.-Петербургѣ нашимъ корпусомъ былъ взятъ первый Императорскій призъ по гимнастикѣ. Призъ этотъ былъ переданъ дядимъ и для того, чтобы онъ остался за взявшимъ его корпу-

сомъ, его надо было брать три года подрядъ, что и было сдѣлано нашими кадетами. Гор.Псковъ устроилъ своимъ кадетамъ, по возвращеніи ихъ изъ Петербурга, послѣ этой побѣды, торжественную встрѣчу.

Въ 1912 году на должность директора корпуса былъ назначенъ ген.-л.Осиповъ. А въ 1913 году произошло крайне неприятное для кадетъ событие: буквы на погонахъ "П.К." были замѣнены буквами "Пс.К." Насколько это было оскорбительно, видно изъ того, что сорокъ лѣтъ спустя, уже въ эмиграціи, въ 1953 году, однимъ изъ кадетъ было написано по этому поводу слѣдующее стихотвореніе:

Бѣлая выпушка, черный погонъ,
Трафаретныя буквы, траурный фонъ
Предусмотренъ судьбою; данъ намъ "П.К."
И охры налетъ закрѣпленъ на вѣка"...

А.Б.

Нововведеніе это было сдѣлано потому, что многіе генералы въ отставку путали Псковичей съ Полочанами, у которыхъ были на погонахъ тѣ же буквы "П.К.", хотя по вѣту погоны рѣзко различались: черный - у Псковичей, алый - у Полочанъ.

.....

Съ 1882 г. установилась традиція передачи "Звѣриады"! 7-ой выпускной классъ передавалъ, замѣщавшему его 6-ому классу, тетрадь, въ которой были записаны всѣ "Звѣриады" ежегодно сочиняемыя выпускнымъ классомъ. "Звѣриада" состояла изъ 100 куплетовъ по 4 строки и была стихотворнымъ прощаніемъ съ корпусомъ выпускныхъ кадетъ, въ ней давалась характеристика воспитателей, преподавателей и всѣхъ должностныхъ лицъ отъ директора корпуса и до низшихъ служащихъ и описывалось семилѣтнее пребываніе въ стѣнахъ корпуса. Происходила передача обыкновенно на масляной недѣлѣ и скрытно отъ начальства, которое, конечно, было прекрасно освѣдомлено обо всемъ, но не мѣшало этой традиціи, если она не выходила изъ извѣстныхъ рамокъ порядка. Начиналась "Звѣриада" словами:

- "Бойся Бога, сыне, и начальства и прячь отъ него сію святыню, сказано бо естъ: -Не мечите бисера передъ свиньями-".--

Храня традиціи Псковскія,
Храня преданія старины,
Начнемъ мы пѣсни выпускныя,
Помянемъ корпусные дни.

Прощайте юные кадеты,
Вамъ не понять насъ никогда
На васъ ярмо еще надѣто,
А мы свободны навсегда.

Мы будемъ пѣть и въ нашей пѣснѣ
Жизнь корпусная отразится,
Опишемъ всѣхъ звѣрей безъ лести,
За что ихъ просимъ не сердиться...

Пусть правда вами руководить
И Звѣриада цѣлый вѣкъ живетъ,
Кадетъ утѣху въ ней находить,
А звѣрь портретъ свой узнаеть.

Легкій цукъ существовалъ только во 2-ой ротѣ и былъ вполне осмысленъ, т.к. приучалъ кадетъ къ вѣжливости по отношенію къ старшимъ. Если какой-либо кадетъ позволялъ себѣ извѣстную вольность или запанибратство по отношенію къ старшему его по возрасту, то послѣ обѣда, съ разрѣшенія дежурнаго офицера, кадетъ 5-го класса игралъ на корнетѣ "сборъ", это значило, что всѣ кадеты 4-го класса должны были съѣсть по своимъ мѣстамъ въ классныхъ помѣщеніяхъ, тогда дежурный по ротѣ вызывалъ провинившагося въ "музыкалку", гдѣ его ждали судьи изъ 5-го класса. Явившись, въ сопровожденіи дежурнаго, въ музыкалку и отрапортовать о своемъ прибитіи, виновный выслушивалъ обвинительный актъ, послѣ чего подвергался, въ зависимости отъ проступка, соответствующему взысканію. Кадеты этотъ цукъ понимали и оправдывали, почему протестовъ или жалобъ никогда не бывало.

Съ воспитателями и педагогами отношенія были хорошія зависѣло это исключительно отъ нихъ самихъ, если педагогъ понималъ кадетскую душу, былъ справедливъ и не старался исподтишка изловить кадета на какой-либо проказѣ, почти всегда безъ обидной, то его любили, въ противномъ-же случаѣ изводили и изводили иногда жестоко, но это бывало рѣдко, въ большинствѣ своемъ воспитатели и преподаватели были опытными педагогами, знавшими хорошо кадетскую психологію и традиціи.

Учились кадеты очень прилежно и недаромъ въ кадетскомъ "Дуравлѣ" поется:

"На шпаргалки портачи,
То зубрили Псковичи".

Фельдфебели въ военныхъ училищахъ изъ окончившихъ Псковскій корпусъ были обычнымъ явленіемъ, такъ напримѣръ въ 1915 году курсовой офицеръ Павловскаго военного училища, при разбивкѣ юнкеровъ по ротамъ, сказалъ о Псковичахъ, что это безъ сомнѣнія будущіе портупей-юнкера, если не фельдфебели.

Дисциплина въ корпусѣ была крѣпкая и поддерживалась самими-же кадетами.

Три раза въ году: на масляницу, 14 ноября и 16 декабря бывали балы, привлекавшіе массу гостей и бывшихъ воспитанниковъ корпуса, ставшихъ юнкерами, а то и дослужившимися уже до генеральскихъ чиновъ. Помѣщенія 1-ой и 2-ой ротъ превращались въ артистически убранные танцевальные залы, каждый со своимъ оркестромъ, отъ стоявшихъ въ Псковѣ пѣхотныхъ полковъ (93 Иркутскій, 94 Енисейскій, 96 Омскій), классы-же превращались въ гостинны разныхъ эпохъ и стилей, въ зимніе сады со множествомъ зелени и уктныхъ, прохладныхъ уголковъ, гдѣ такъ хорошо и приятно было отдохнуть, а то и поужаживать. Въ спальняхъ устраивались буфеты съ изобиліемъ различныхъ бутербродовъ, пирожныхъ, фруктовъ и прохладительныхъ напитковъ. Въ дни ба-

ловъ квартиры воспитателей опустошались, мебель ихъ перетаскивалась въ здание корпуса для украшенія гостинныхъ.

Въ 1911 г. были введены военные прогулки, кадеты отдѣленіями, а иногда и по-ротно съ оркестромъ, уходили за городъ на цѣлый день, проводя его въ разнаго рода военныхъ играхъ, учась ориентировкѣ и другимъ военнымъ премудростямъ. Въ 1-й ротѣ прогулки эти были болѣе дальними и длились 5-6 дней.

На Рождественскіе и Пасхальныя каникулы корпусъ пустѣлъ, многіе разъѣзжались по домамъ, а оставшіеся пользовались извѣстной свободой, ходили въ театръ (Пушкинскій), въ циркъ или въ отпускъ къ однокашникамъ, жившимъ въ Псковѣ.

Лѣтомъ разъѣздъ былъ еще больше, а тѣ кто никуда не уѣзжали отправлялись въ лагерь на берегу рѣки Великой, на Завеличье, гдѣ много занимались спортомъ, особенно плаваніемъ.

Въ царскіе дни и 19 апрѣля, корпусный праздникъ, служили торжественный молебенъ, производился парадъ, кончавшійся церемоніальнымъ маршемъ, послѣ котораго подавался традиціонный завтракъ: зеленныя щи съ яйцомъ, осетрина по-русски, ветчина съ горошкомъ, мороженое и фрукты.

Къ церемоніальному маршу на правомъ флангѣ 1-ой роты пристраивались, съѣзжавшіеся на праздникъ, бывшіе воспитанники корпуса и принимали участіе въ маршѣ, какъ кадеты. Незамѣннымъ участникомъ этого торжества былъ фельдфебель 1 выпуска изъ корпуса Сергѣй Ивановичъ Зубчаниновъ, Предводителемъ Псковскаго Дворянства и членъ Государственнаго Совѣта, помѣщикъ Псковской губерніи и бывший офицеръ Л.Гв.Сапернаго батальона. Онъ сдѣлалъ очень много добра кадетамъ, остававшимся въ корпусѣ во время каникулъ.

Въ 1916 году ген.-л.Осипова смѣнилъ ген.-м.Большевъ, оставшійся на посту директора до послѣдняго дня существованія корпуса, который въ 1919 году былъ переименованъ въ гимназію военнаго вѣдомства и въ 1920 году расформированъ.

Съ приближеніемъ нѣмцевъ къ Пскову рѣшено было перевести корпусъ въ Казань, куда онъ прибылъ въ августѣ 1917года и размѣстился въ зданіи Духовной Академіи на Арскомъ полѣ.

Во время октябрьскаго возстанія корпусъ былъ два дня подъ артиллерійскимъ обстрѣломъ, но Богъ хранитъ. На третій день 1-ая рота разобрала винтовки и пошла на помощь юнкерамъ несмотря на то, что директоръ корпуса и нѣкоторые воспитатели этому противились.

Выступленіе было неудачнымъ, дорога къ юнкерамъ была отрѣзана красными и кадеты подъ обстрѣломъ должны были вернуться въ корпусъ, который четыре часа спустя былъ окруженъ и взятъ большевиками. Дѣло могло кончиться плохо, но капитанъ-русь Махалинъ, хлѣбопекъ Кукушкинъ и нѣкоторые другіе низшіе служащіе зацѣпили кадетъ. Корпусъ остался и помогъ отряду генерала Каппеля при освобожденіи имъ Казани отъ большевиковъ.

Въ концѣ августа или началѣ сентября 1918 года большевики снова стали угрожать городу и кадеты, оставивъ въ зданіи Академіи все свое имущество, были выведены за 5 верстъ, на Архіерейскую дачу, откуда черезъ 3-4 дня спѣшно, походнымъ порядкомъ направились дальше на Лаишевъ (60 верстъ), гдѣ погрузились на пароходъ и поплы сначала внизъ до Тетюши, но затѣмъ вернулись назадъ въ р. Каму и дальше по р. Бѣлой до Уфы; простоявъ тамъ нѣкоторое время, перекочевали въ гор. Иркутскъ и размѣстились въ зданіи Духовной Семинаріи, гдѣ приступили къ прерваннымъ занятіямъ, окончившимся съ Иркутскимъ возстаніемъ красныхъ въ 1920 году.

Кадеты, выступивъ противъ повстанцевъ, дрались съ ними, защищая до послѣдней возможности стѣны своего зданія; въ неравной борьбѣ многіе погибли, а оставшіеся въ живыхъ были взяты въ плѣнъ, но Господь хранилъ славныхъ воиновъ: комиссаръ, взявшій корпусъ, бывшій офицеръ и не коммунистъ, спасъ ихъ отъ вѣрной смерти въ че-ка, внеся въ списки Оренбургскихъ казаковъ, которыхъ большевики спѣшили отправить на родину, какъ элементъ ненадежный. Оказавшись свободными, кадеты понемногу стали пробираться въ добровольческія части и въ рядахъ этихъ бѣлыхъ частей продолжали борьбу съ красными.

Одному изъ кадетъ нашего корпуса удалось организовать партизанскій отрядъ, успѣшно дѣйствовавшій противъ большевиковъ въ Сибири. Судьба этого кадета, къ сожалѣнію, не извѣстна, но будемъ надѣяться, что Богъ поможетъ ему и его отряду благополучно выбраться за границу и оны, прочтя воспоминанія своихъ однокашниковъ, приплетъ подробный рассказъ о своемъ подвигѣ.

Во внутренней жизни корпуса за 1917 - 1920 годы произошли слѣдующія измѣненія: въ связи съ переименованіемъ въ гимназію военного вѣдомства, было приказано снять погоны и воспитателямъ стоило много труда и краснорѣчія доказать кадетамъ, что противъ рожна переть бессмысленно; Верховнымъ Правителемъ, адмираломъ Колчакомъ, былъ утвержденъ нагрудный знакъ корпуса; была введена 5-ти балльная система; шинели изъ солдатскаго сукна замѣнили прежнія черныя.

Помѣщенный на выпускныхъ листахъ выпуска 1919 года и утвержденный въ 1918 г. адм. Колчакомъ, нагрудный знакъ корпуса представляетъ собой крестъ Св. Ольги, черный съ бѣлымъ кантомъ и перекрещивающимися мечами Псковскихъ Князей Святыхъ Довмонта и Гавриила, въ серединѣ креста гербъ города Пскога, увѣнчанный Императорскою короной и окруженный словами девиза корпуса: "Чести моея никому не отдамъ". На крестѣ вензеля: сверху Императора Николая II, слѣва Императрицы Екатерины II основательницы Псковской гарнизонной школы и справа Императора Александра III, соизволившаго переименовать военную гимназію въ кадетскіе корпуса и внизу "1783", годъ основанія

Псковской гарнизонной школы.

Гербъ города Пскова: на лазурномъ полѣ щита барсъ, съ обращенной назадъ головой, надъ барсоиъ бѣлое облако, изъ котораго опускается рука съ тремя вытянутыми перстами.

Свѣдѣнiя о знакѣ корпуса сообщены кадетами: Дмоховскимъ (выпуска 1903 г.) и Б.Филимоновымъ (вып.1919 г.).

Знамя корпуса осталось въ Казани и хранилось у отца Василия. Въ 40-выхъ годахъ, при посѣщенiи о.Василiя, однимъ изъ нашихъ кадетъ, уже въ другомъ городѣ, онъ видѣлъ это знамя въ полной сохранности, но что съ нимъ стало потомъ неизвѣстно.

Будемъ вѣрить, что съ помощью Господа Бога воскреснетъ Россiя, а съ нею и нашъ славный корпусъ и что, спасенное отцемъ Василиемъ, знамя вернется на свое мѣсто на лѣвомъ клиросѣ корпусной церкви.

-.-.-.-.-.-

Въ 1920 году корпусъ пересталъ существовать, но кадеты остались и приняли дѣйственное участие въ борьбѣ съ поработителями Государства Россiйскаго.

Въ 1925 г. въ Парижѣ было основано Объединенiе Псковскаго Кадетскаго Корпуса, цѣлями котораго были: образованiе кассы взаимопомощи и покоронной, собиранiе всевозможныхъ свѣдѣнiй о корпусѣ и налаживанiе связи съ однокашниками.

Въ 1928 году въ Парижѣ возникъ подѣ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксенiи Александровны Союзъ Россiйскихъ Кадетскихъ Корпусовъ подѣ предсѣдательствомъ генеральнаго штаба ген.-л. Алексѣева (кадетъ Полоцкаго к.к.), въ составъ котораго, въ числѣ другихъ корпусовъ, вошло и Объединенiе нашего корпуса.

Во время войны 1939-44 г.г. связь между членами Объединенiя была нарушена, многiе кончили свой жизненный путь, многiе переѣхали въ другiя страны.

Въ настоящее время (1956 г.) Объединенiе Псковичей насчитываетъ 35 человекъ въ разсѣянныхъ сущихъ.

Каждый годъ, въ день корпуснаго праздника, Псковичи поминаютъ своихъ усопшихъ однокашниковъ, молятся о недугующихъ и просятъ Господа о дарованiи силъ здравствующимъ для продолженiя борьбы за возрожденiе Россiи и родного корпуса.

Последніе дни корпуса во Псковѣ.

Въ началѣ смуты порядоки жизни въ стѣнахъ корпуса не нарушались, читаемыя нами газеты были полны оптимизма и вѣры въ будущее, а хранители нашей юности, офицеры воспитатели и педагоги говорили, что это такъ и должно быть; вообще ничего не предвѣщало какой-либо катастрофы.

Броженіе нашихъ умовъ началось со слѣдующаго случая: одинъ разъ, во время утренней прогулки, на Губернаторской улицѣ, какія-то штатскія личности снабдили насъ листовками, оказавшимися, при прочтеніи, знаменитымъ приказомъ № I.

Вернулись мы въ корпусъ взволнованные и возмущенные, почувствовавъ, что въ нашей жизни начинается какая-то жуткая ломка и перемѣна.

Собираясь по вечерамъ у классной печи, мы по своему, по кадетски разбирались теперь въ революціонныхъ событіяхъ. Всѣ мы принадлежали къ военному сословію. Даваемые въ корпусѣ воспитаніе и образованіе готовили изъ насъ будущихъ кадровыхъ офицеровъ Русской Арміи. Наши понятія о долгѣ офицера передъ родиной были несложны: въ мирное время быть исправнымъ по службѣ, въ случаѣ-же войны сумѣть, если понадобится, умереть за ВѢРУ, ЦАРЯ и ОТЕЧЕСТВО.

Въ политикѣ мы не разбирались, но теперь, прочитавъ этотъ дикій приказъ, мы скорѣе сердцемъ чѣмъ умомъ, почувствовали приближеніе російской разрухи и вмѣстѣ съ нею крушеніе нашихъ личныхъ, скромныхъ жизненныхъ плановъ.

Какъ возможно, разсуждали мы, проходить церемониальнымъ маршемъ передъ президентомъ республики и лихо салютовать ему палкой. Президентъ презрѣнный плакъ, представлялся намъ въ кучономъ пиджакѣ, съ перхотью на воротникѣ и въ брякахъ въ полоску.

И выводъ напрашивался одинъ, хотя никто его не высказывалъ, что безъ Царя Россія тоже будетъ кучою, неудобной и нескладной. Думало-ли такъ наше начальство не берущъ судить, на наши вопросы на эту тему, отвѣты были общіе, вродѣ того, что роль Династіи Романовыхъ въ судьбахъ Россіи закончилась, что Петербургскій переворотъ подвинулъ Россію въ историческомъ процессѣ впередъ на сто лѣтъ и т.д. и т.д. Подобныя рѣчи было особенно дико слушать отъ командира строевой роты полковника Масина, строгаго и требовательнаго начальника.

-. - . - . - . - . - .

Командующій Сѣвернымъ фронтомъ, генералъ Русскій назначилъ, на Базарной площади, смотръ войскамъ Псковскаго гарнизона, на которомъ онъ предполагалъ дать разъясненія о текущихъ событіяхъ. Кадеты, какъ всегда, стояли по главѣ выстроившейся колонны войскъ, но въ этотъ разъ, противъ обыкновенія,

наша строевая рота была безъ винтовокъ. Помню еще, что на пустомъ пространствѣ передъ строемъ, оставленномъ исключительно для прохожденія высшаго начальства, разгуливалъ студентъ съ какой-то дѣвицей въ синемъ пальто. Онъ и она были явно семитическаго племени. По нашей старшей ротѣ прошелъ ропотъ негодованія: "Смотри, жидъ передъ строемъ! Сволочь! Подъ ж.... его!"

Профиль съ горбатымъ носомъ и блестящимъ на солнцѣ пенсне не разъ презрительно обращался въ нашу сторону. Возмущеніе наше росло, но сдѣлать мы ничего не могли: — свобода—.

Вдругъ раздѣлась команда: "Смирно, равненіе на право, господа офицеры!" и передъ нами пронесся автомобиль, на которомъ начальникъ Псковскаго гарнизона, стоя и размахивая рукою гнѣвно отдавалъ какія-то приказанія. Промчавшійся автомобиль остановился на лѣвомъ флангѣ. Тамъ произошло какое-то смятеніе. Какъ мы узнали потомъ, въ этотъ моментъ бравый генераль, гроза земгусаровъ, былъ какой-то властью арестованъ.

Эти маленькія событія какъ-бы ослабили впечатлѣніе отъ появленія Главнокомандующаго передъ фронтомъ. Генераль Рузскій обошелъ войска и затѣмъ, остановившись противъ насъ, сдѣлалъ знакъ разстроить ряды и приблизиться къ нему. Нового ничего онъ намъ не сказалъ, упомянулъ объ отреченіи Государя, указалъ, что передъ Бременнымъ Правительствомъ тяжелая задача довести войну до побѣднаго конца и потому призывалъ всѣхъ и каждого къ исполненію своего долга передъ родиной. Въ концѣ рѣчи, между прочимъ, посоветовалъ воинскимъ чинамъ не злоупотреблять опиртными наитками.

Чѣмъ кончился этотъ смотръ не помню. Въ числѣ двадцати кадетъ, раньше назначенныхъ, я былъ откомандированъ на Сергіевскую улицу для поддержанія порядка на время возвращенія войскъ по своимъ казармамъ. Это напоминало скорѣе манифестацію, но никакъ не прохожденіе воинскихъ частей.

Сперва прошли учадіеся не учадіеся, телеграфисты не телеграфисты, чертъ ихъ тамъ разбереть; за ними штабъ генерала Рузскаго: писаря, перемѣшавшіеся въ братскомъ единеніи съ офицерами. Потомъ проковыляли четыре дѣвицы, по тетрадкѣ поющія: "Мы жертвою пали". За дѣвицами прослѣдовала какая-то часть, за нею ученики, за учениками еще толпа съ музыкой и красными знаменами...

Но вотъ блеснулъ мѣдью духовыхъ инструментовъ, подъ звуки бодрого марша, изъ за поворота съ Великолуцкой улицы на Сергіевскую, появились ряды черныхъ линелей.

За оркестромъ, впереди первой роты, шель стройный ея командиръ полковникъ Масино. За нимъ, соблюдая строгое равненіе и взводную дистанцію, давая ногу, шли наши славные кадеты Псковичи. Несмотря на революціонное сознаніе, какъ обычно, вдоль строя, забѣгая впередъ передъ музыкантами, востор-

женно галопировали мальчишки.

"Охъ, почему они такъ идутъ", услышала я вдругъ позади себя женскій, пріятный голосъ. Я обернулся. Поднявшись слегка на носки, чтобы лучше видѣть, хорошо обитая дамочка съ голубыми глазами, съ какимъ-то грустнымъ недоумѣніемъ смотрѣла на проходящихъ кадетъ. "Почему они такъ идутъ!" повторила она. "А какъ-же имъ идти?" удивился повольно я. "Ну зачѣмъ такая официальность... лучше-бы такъ" и она показала рукой, какъ это было-бы лучше, т.е. въ полномъ безпорядкѣ, бараньими стадами.

Мы прикнули къ концу нашей колонны, которая свернула въ томъ-же порядкѣ на Губернаторскую улицу и подошли къ воротамъ корпуса. Въсѣ нашъ плацъ былъ полонъ народу. Посрединѣ его, на внесениомъ столѣ, въ заднемъ полуубокѣ, съ красной лентой черезъ плечо, какая-то личность разсказывала толпѣ исторію революціоннаго движенія въ Россіи. Толпа пропустила насъ и мы спокойно вошли въ зданіе корпуса и быстро взбѣжали по лѣстницѣ въ ротное помѣщеніе.

"Рота стой, на лѣво, смирно!" Полковникъ Масино прошелся передъ строемъ. Мы ждали обычной благодарности за отлично проедшій смотръ. "Господа", раздался въ тишинѣ голосъ ротнаго командира, "служителя ушли на митингъ и вамъ придется самимъ себя обслуживать за столомъ".

Черезъ нѣсколько дней намъ было приказано одѣться въ парадные мундиры и приготовиться идти въ церковь. Съ удивленіемъ мы узнали о распорядженіи свыше привести насъ къ присягѣ на вѣрность Временному Правительству.

Въ ожиданіи команды строиться кадеты 7-го класса демонстративно ходили группами по ротному помѣщенію, предѣвъ подъ погонъ бѣлый платокъ, обозначающій вѣрность Монархіи.

Присягать какимъ-то дядямъ, засѣвшимъ въ Таврическомъ дворцѣ въ Петербургѣ, представлялось намъ чѣмъ-то несерьезнымъ и необязательнымъ. Вернувшись изъ церкви, многие говорили, что во время чтенія текста присяги они вмѣсто трехперстнаго сложенія держали въ карманѣ кукишь.

Въ этомъ смутномъ настроеніи мы развѣжались на Пасхальные каникулы.

А между тѣмъ революціонныя событія развивались ускореннымъ темпомъ и съ каждымъ днемъ все больше и больше становились для насъ ошутительной реальностью. "Великая и безкровная" стала настойчиво заявлять свои права на нашу повседневность. Вернувшись въ корпусъ съ Пасхальныхъ праздниковъ, мы убѣдились, что впредь спокойной, налаженной жизни въ стѣнахъ нашего учебнаго заведенія уже не будетъ.

Въ одну изъ субботъ, когда всѣ кадеты были у всенощной, на Сергіевской улицѣ происходила въ это время очередная народная манифестация. Когда манифестанты стали приближаться

къ Губернаторской въ нашей пвейцарской появились двѣ дѣвицы весьма нескладнаго вида, пожелавшія говорить съ "представителемъ отъ кадетъ". Швейцаръ Василій поднялся въ церковь и доложилъ объ этомъ дежурному офицеру, послѣдній послалъ для переговоровъ вице-фельдфебеля Акулова. Дѣвицы представились Акулову отъ какой-то революціонной организаціи и попросили его ввести воѣхъ кадетъ, съ оркестромъ, на улицу для усилена происходившей манифестаціи и для гурьманна солидарности съ народными чувствами. "Мы этого сдѣлать не можемъ, кадеты сейчасъ въ церкви", твердо отвѣтилъ вице-фельдфебель. Дѣвицы переглянулись и не знали какъ поступить. Воспользовавшись ихъ замѣтательствомъ, Акуловъ поклонился, по привычкѣ повернулся "кругомъ" и быстро вбѣжавъ по лѣстницѣ, вернулся въ церковь.

Мы были очень довольны стѣтомъ нашего фельдфебеля, но тотъ свою находчивость объяснилъ видомъ революціонныхъ дѣвицъ: "Мордвороты, гладильныя доски, ноги-лижи, просто разговаривать не хотѣлось".

Это-ли событіе или другія данныя побудили нашего ротнаго командира, полковника Масино, сказать передъ ротой суровое слово осужденія. Смысль его рѣчи заключался въ томъ, что мы не понимаемъ народа, идемъ противъ него и недалеко тотъ часъ, когда придется за все это жестоко расплачиваться.

Мы привыкли слушать разнось за непорядокъ въ строю, за нарушеніе обычной дисциплины, "за тихое ученіе и громкое поведеніе", но подобныя вещи намъ пришлось слышать впервые, и мы впервые глубоко обидѣлись и возмущились и также впервые можемъ быть за всю исторію корпуса мы совершили антидисциплинарный поступокъ, потребовавъ полк. Масино въ наше классное помѣщеніе для объясненій.

Поблѣдившій вице-фельдфебель пошелъ въ дежурную комнату исполнять наше щекотливое порученіе. Мы удали бури.

Ротный командиръ вошелъ въ классъ, принявъ рапортъ дежурнаго и обѣдая воѣхъ, какъ обычно, глазами строгаго начальника, спокойнымъ голосомъ спросилъ: "Вы меня знали, господа?" Мы, какъ умѣли, изложили ему наше недоумѣніе и огорченіе. Онъ внимательно выслушалъ, а затѣмъ произнесъ краткое слово, поразившее насъ не столько силой личнаго убѣжденія, сколько новизною нѣкоторыхъ мыслей. Впервые мы узнали, что онъ до перевода въ нашъ корпусъ состоялъ воспитателемъ при молодыхъ Великихъ Князяхъ.

"Жизнь дворцовую я могъ наблюдать вблизи и хорошо ее знаю", подчеркнул онъ, "и могу васъ увѣрить, что представители Дома Романовыхъ не способны болѣе управлять Россіей". Какъ неплохой ораторъ, онъ кратко разъяснилъ намъ почему до какого тулика Царское Правительство довело Россію.

Прошло много лѣтъ. Мы не мало пережили, не мало увидѣли. На наши юношескія воззрѣнія легли новыя наслоенія жи-

тейскаго опыта и политической мудрости, и теперь это столкновение стараго педагога и начальника съ молодыми кадетами кажется вещью естественной и логичной.

Полковникъ Масино, видимо, состоялъ въ политической партіи, держалъ ея программы и говорилъ то, что по программѣ этой полагалось говорить. Убѣжденія его сложились давно, прошли сквозь испытанія внутренней борьбы и кристаллизовались потомъ въ ясную для него политическую идею. Для насъ-же, неискушенныхъ еще жизнью, было странно видѣть какимъ это образомъ нашъ строгій ровный командиръ, послѣдній офицерскій мундиръ, символъ вѣрности и чести, могъ совмѣщать въ себѣ долгъ присяги съ ненавистью къ Царствующему Дому.

Результаты нашего объясненія оказались неожиданными.

"Господинъ полковникъ", обратился кто-то къ нему, "вы говорите, что мы мало знаемъ народъ, оторваны отъ его жизни, посудите сами, какъ можемъ мы что-нибудь знать, сидя въ этихъ четырехъ стѣнахъ? Разрѣшите чаще выходить въ городъ для общенія съ народомъ и также посѣщать митинги". Вотъ невольна улынулись, кромѣ командира. "Это не лишено здраваго смысла", отвѣтилъ онъ, "я дамъ вамъ отвѣтъ черезъ несколько дней".

И действительно, намъ было разрѣшено выходить послѣ обѣда въ городъ до полуночи, на предметъ посѣщенія докладовъ, рефератовъ и политическихъ митинговъ. Одѣвшись, какъ всегда, по формѣ, выдвасывая съ ногъ до головы, мы входили въ журнальную комнату и лихо отдавая честь, рапортовали: "Господинъ полковникъ, кадетъ строевой роты, перваго звюда (звѣна рекъ) просить разрѣшенія идти на митингъ". На митинги мы не ходили народную жизнь не изучали, но усевдно посѣждали въ городѣ знакомыхъ и ухаживали за гимназистками.

--- --

Корпусное начальство предоставило нашъ гимнастическій залъ для культурныхъ собраній учащихся г. Пскова. По вечерамъ, какіе-то бородатые дяди читали тамъ передъ юной аудиторіей скучныя лекціи по политической экономіи, объ революціонномъ движеніи, о конституціи въ Англіи и т.п.

Въ одно изъ воскресеній какая-то организація устроила собесѣдованіе для гимназистокъ старшихъ классовъ. Кадеты гурьбой повалили на столъ невиданное зрѣлище.

Предсѣдатель предложилъ спросить: можетъ-ли женщина быть министромъ? Начались безтолковыя пренія. Выступавшія ораторши путались и краснѣли. Но стоило только сказать слово гимназисткѣ, которую кадеты хорошо знали, какъ ея выступленіе покрывалось громомъ нашихъ дружныхъ аплодисментовъ. Сбитый окончательно съ толку, польщенный оваціей, красный какъ пюль, златоустъ въ юбкѣ смущенно прятался за спины своихъ подругъ.

Эта игра къ общественности была какъ-то перенесена

на одинъ вечеръ въ здание Маринской женской гимназіи. Было объявлено о собраніи всѣхъ женщинъ г. Пскова. Насъ кадеть тоже пригласили и даже съ оркестромъ.

Я хочу между прочимъ отмѣтить, что въ эти сумбурные дни всеобщаго распада, вѣдымавшейся исподволь слѣпой ненависти ко всему, что не шло въ шагъ съ революціей, въ эти дни крѣпли связи между учащимися платскихъ учебныхъ заведеній и нами. Лишенные руководствъ, предоставленные сами себѣ, мы невольно жались другъ къ другу, вѣнчъ сердцемъ предчувствуя надвигающуюся катастрофу.

На женскомъ собраніи было произнесено много рѣчей и пожеланій, но мнѣ запомнилось только выступленіе одной добродушной старушки: "Госноди, какъ хорошо", воскликнула она, "будемъ чаще такъ собираться и будемъ"... она ласково и любовно всѣхъ оглядѣла, "и будемъ чай пить!"

—

Перваго мая послѣ утренняго чая, поднявшись въ роту, мы обнаружили въ умывалкѣ, тынутые изъ цейхгауза, высокие, смазные сапоги, въ которыхъ мы обыкновенно ходили на военные прогулки. Около десяти часовъ мы были вызваны звонкомъ изъ классовъ и получили приказъ одѣваться по походному для участія въ перво-майской манифестаціи.

Вернувшись обратно въ классы, мы послали вице-фельдфебеля къ ротному командиру сказать, что на манифестацію мы не пойдемъ. Акуловъ вернулся вмѣстѣ со мной. Ротный командиръ сказалъ, что если мы не исполнимъ приказа, то не получимъ аттестатовъ. "Не надо аттестатовъ!" зашумѣли мы. Прошло полъ часа, никто къ намъ не приходилъ. Кто-то пробѣгалъ мимо дежурной комнаты, видѣлъ въ ней Масино, прислонившагося къ стѣнѣ и утиравшего платкомъ слезы. Отъ этого извѣстія мы притихли. Но мы также поняли, что надо что-то предпринимать. Занятія въ такихъ условіяхъ не могли идти нормально. Намъ ничего не задавали, уроковъ не объясняли, стѣнбокъ не ставили. Кромѣ того ходили упорные слухи объ эвакуаціи въ Казань, а тутъ еще столкновеніе съ начальствомъ на идеологической почвѣ. Начальство, какъ и мы, находилось въ полномъ небыденіи о судьбахъ нашего корпуса.

Послѣ долгихъ споровъ мы рѣшили идти путемъ, указаннымъ намъ нашимъ-же начальствомъ. Директоръ корпуса ген.-л. Большевъ ходилъ съ краснымъ бантомъ, командиръ роты говорилъ намъ революціонныя рѣчи, слѣдовательно надо было дѣйствовать согласно духу времени т.е. "сознательно и организовано".

Мы собрались въ музыкалкѣ и послали двухъ представителей на казирту директора. Черезъ 15 минутъ ген. Большевъ вошелъ въ музыкалку. Раздалась команда: "Смирно!" растерявшійся отъ такого приема директоръ сказалъ что-то вродѣ: "Очень

радь, молодежь" и усёлся на подставленный ему стулъ.

Николай Бороздинъ, избранный нами для переговоровъ, изложилъ ему наши пожеланія: выдать намъ аттестаты по годовымъ отміткамъ и не ожидая выпускныхъ экзаменовъ, распустить всѣхъ по домамъ. Генераль согласился съ нашими требованіями и объявилъ, что сегодня-же съ вечернимъ поѣдомъ выѣдетъ въ Петроградъ для детального доклада въ Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

Черезъ четыре дня пришелъ для насъ благоприятный отвѣтъ: намъ объявили, что мы можемъ разъѣзжаться по домамъ.

Нездолго до отъѣзда я получилъ отъ своей сестры съ фронта письмо, въ которомъ она меня поздравляла съ окончаніемъ корпуса и со вступленіемъ на путь самостоятельности. Скажу откровенно, что я этому пути не радовался; думаю, что тѣ же настроенія переживали и мои товарищи.

Грозная туча народныхъ бѣдствій уже гремѣла и росла на горизонтѣ. Все больше и больше она закрывала свѣтлый небосклонъ той жизни, въ которой мы росли и воспитывались.

Вл. Айзовъ (вып. I 1917)

---:---:---:---

Юморъ изъ кадетской жизни.

Передъ географической картой, второй ученикъ А, рассказываетъ о кавказскихъ племенахъ и народностяхъ.

Преподаватель С. Г. Пархоменко переходитъ на вопросы:

-Чѣмъ занимаются главнымъ образомъ горные жители?

-Они разводятъ барановъ.

-Не помните, какой породы?

-Курдючной.

-Почему у нихъ имѣется этотъ курдюкъ?

-Потому что они ведутъ сидячій образъ жизни!

---:---:---:---

Лишение юности.

1917 годъ... Безпощадно ломаетъ судьба старыя, привычныя рамки жизни. Резко проводится граница между прошлымъ и будущимъ.

Тѣ, кому въ этотъ страшный семнадцатый годъ было по пятнадцать, шестнадцать и семнадцать лѣтъ, оказались лишенными юности, ибо все лучшее, юные годы пришло провести этому поколѣнью въ самомъ нектѣ революціоннаго пожара.

Сегодня - ребенокъ, сидѣвшій въ классѣ за уроками, завтра съ винтовкой въ рукахъ лежа въ окопѣ превращался онъ въ добровольца - солдата.

Сегодня еще дѣтскія радости, озорные набѣги въ чужие сады, игры въ "казаковъ и разбойниковъ", завтра ледяные походы, беспощадная борьба на фронтахъ гражданской войны.

Безъ сожалѣнія вырвано съ корнями цѣлое поколѣние изъ привычной, родной почвы. Беспощадно брошено въ вихрь событий. Безжалостно предоставлено самому себѣ.

Не доучившись въ школахъ, корпусахъ, гимназіяхъ и институтахъ, у суровой жизни доучивалось это поколѣние. Заглушалась жестокой и быстро обгущей реальностью тоска юной души по потерянной юности.

Нѣтъ числа могиламъ, нѣтъ счета погибшимъ. Нѣтъ юности выжившимъ. Таковъ приговоръ жестокой судьбы...

Этимъ - лишеннымъ юности - и посвящается настоящая повѣсть.

---.---.---.---

Уже нѣсколько дней въ городѣ неспокойно, но разбѣренная, корпусная жизнь продолжается попрежнему. Правда и вчера и сегодня преподаватели какъ-то разбѣянно ведутъ занятія и, кажется, съ еще большимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ кадеты, ждутъ звонка, объявляющаго о концѣ урока. Правда, что такъ называемый "низшій персоналъ" корпуса, все эти дядьки, служители, уборщики помѣщеній уже нѣсколько недель переставшие аккуратно выполнять свои обязанности, съ какими-то злобнымъ недружелюбиемъ поглядываютъ на кадета. Но разбѣренная жизнь продолжается. Уроки начинаются и кончаются въ положенное время. Такъ-же за незнаніе урока стѣвится плохая отмѣтка, такъ-же отправляется подъ арестъ или получаетъ нагоняй отъ воспитателя нарушившій дисциплину кадетъ.

Сухо, нудно и монотонно объясняетъ очередной урокъ преподаватель химіи. Съ этой злосчастной химіей у Николая всегда неладитъ. Хорошо еще, что все очередныя формулы можно передъ урокомъ записать на рукавѣ гимнастерки и потомъ увѣренно и смѣло вывести ихъ мѣломъ на доскѣ. И пусть себѣ преподаватель объясняетъ, вначитъ сегодня уже никого больше не

вызоветъ и можно спокойно заняться чтеніемъ.

Пасмурный, холодный октябрьскій день. За окнами изъ мелкаго сита поливается дождь обнаженныхъ деревьевъ. Въ классѣ монотонно раздается голосъ преподавателя, котораго никто не слушаетъ. У одного на колѣняхъ недочитанный романъ, другой занятъ рисованіемъ, третій спѣшитъ сдать изъ тетради товарища очередную задачу по алгебрѣ. Каждый занятъ своимъ дѣломъ, какъ и преподаватель — своимъ.

"Бумъ! Бумъ! Бумъ! рѣзко и неожиданно нарушаютъ эту монотонность нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ. На партахъ сразу веселое скивленіе. Все кто вскакиваетъ чтобы подбѣжать къ окну. Съ рѣзкимъ звенящимъ шумомъ разрывается передъ самыми окнами класса шрапнельный снарядъ и черезъ разбитыя стекла въ комнату влетаютъ горюхи свинца.

—"Ложитесь на полъ. Прочь отъ оконъ!"—кричитъ взволнованный преподаватель, но повскакивавшіе съ мѣсто кадеты спѣшатъ подобрать хоть по одной шрапнелинѣ "на память".

—"Володька, дай мнѣ одну, у тебя уже нѣсколько".

—"А ты чего-же ушами хлюпаешь?"

—"Господа, тите, не гадите!"

—"Осторожнѣе. Вы мнѣ порвали тетрадку!"

—"Эй! Смотрите, какъ Павликъ-то поблѣднѣлъ."

—"Смирно!" — раздается среди этого шума команда вбѣжавшаго въ комнату дежурнаго офицера-воспитателя, приказывающаго всѣмъ выйти изъ класса.

Взволнованной, галдящей гурьбой, толкая другъ друга выходятъ изъ класса кадеты въ узкій, длинный и всегда мрачный корридоръ уже гудящій, уже полный кадетъ изъ другихъ отдѣленій. Во всей ротѣ прекращены занятія; да и не только во всей ротѣ, прекращены занятія во всемъ корпусѣ, такъ какъ уже нѣсколько врѣзавшихся въ стѣны зданія осколковъ шрапнельныхъ снарядовъ и развороченнаго снарядомъ спаленна, ясно показываютъ что прицѣлъ взятъ именно по зданію Казанской Духовной Академіи, въ которомъ размѣстился эвакуированный изъ Пскова кадетскій корпусъ.

Все чаще раздаются орудійные выстрѣлы. Время отъ времени къ нимъ присоединяется трескъ пулеметовъ. Слышна и безпорядочная стрельба изъ винтовокъ. Сомнѣнія нѣтъ, за стѣнами зданія, на Арскомъ Полѣ идетъ бой. Конечно, тамъ юнкера.

—"Господа, а мы что-же? Будемъ такъ сидѣть?"

—"Слушайте, нужно какъ-то помочь юнкерамъ?"

—"Я вчера встрѣчался въ городѣ съ юнкерами. Они говорили, что будутъ защищаться и что рассчитываютъ на насъ."

Разбившіеся на группы кадеты начинаютъ обсуждать вопросъ о томъ, какъ быть и что дѣлать. А за стѣнами зданія идетъ бой. Первый бой, первая схватка между возставшимъ казанскимъ гарнизономъ и юнкерами. На крайнѣ города, на Арскомъ

Полѣ, около зданія Духовной Академіи рѣдкой цѣпью залегли юнкера. Противъ нихъ возставшій казанскій гарнизонъ, густой массой наполнившій находящіяся за городомъ казармы, митингующій уже опьяненный и спиртомъ и запахомъ человѣческой крови.

Тысячныя толпы людей въ солдатскихъ шинеляхъ, порвавшія съ военной дисциплиной, вышедшія изъ повиновенія и почувствовавшія свободу творить что хотятъ, но еще не совсѣмъ увѣренныя въ своей силѣ и безнаказанности, разжигаемыя агитаторами, выходятъ на сцену Россійской исторіи, начиная ея новыя страницы. Страницы крови, братоубійственной гражданской войны, страницы разрушенія, уничтоженія, разстрѣловъ, кроваваго разгула и звѣрствъ. Потомъ, много позже перевернутся и эти страницы. Выцвѣтеть и поблекнетъ кроваво-красный кумачъ яркихъ бантовъ, украшающихъ шинели митингующихъ толпъ. Не одна сотня агитаторовъ, разжигающихъ звѣрскую злобу въ этихъ толпахъ, сама ляжетъ съ просверленными свинцомъ черепами въ напитанную кровью Россійскую землю. Не одинъ изъ безшабашныхъ, на все наплевавшихъ удалцовъ почешетъ у себя въ затылкѣ. Но все это будетъ потомъ, много позже. Пока-же, митингующія, вооруженныя толпы послали юнкерамъ требованіе сдаться и получивъ отрицательный отвѣтъ, начали обстрѣль города.

Молчаливо оцетинившейся цѣпью лежатъ юнкера. Цыганскимъ таборомъ шумятъ красныя казармы, непрерывно обстрѣливающія городъ снарядами. Какъ пчелы въ разбуженномъ ульѣ гудятъ въ зданіи корпуса кадеты. Все чае въ разныхъ углахъ слышна одна и та же фраза:

— "Нужно послать делегатовъ къ юнкерамъ, чтобы выяснитъ будутъ-ли для насъ патроны и какъ отнесется къ намъ юнкерское начальство?"

Володя всегда отличавшійся смѣлостью, выдѣлявшійся изъ всего класса своими качествами природнаго вожака подходитъ къ Николаю, что-то говорящему въ одной изъ группъ и держа его за рукавъ, отводитъ въ сторону.

— "Всю роту выводить сразу нельзя. Сначала надо пробраться двумя-тремя, выяснитъ все и потомъ уже выступать. Ты понимаешь, что придется вѣдь пробиваться черезъ корпусное начальство, которое уже во власти комитета нашихъ низшихъ служащихъ". Шепчетъ Владиміръ Николаю и оба рѣшаютъ, что именно такъ и надо начинать.

— "Ты согласенъ сегодня вечеромъ пробраться со мною къ юнкерамъ?" спрашиваетъ Володя.

— "Конечно, но надо, чтобы изъ седьмого класса ктонибудь былъ съ нами. Мы всетаки еще шестой классъ. Въ ротѣ то старшіе они, а не мы."

Въ этомъ году "шестой классъ — второе отдѣленіе", въ прошломъ году "5-ый классъ — II отдѣленіе", два года тому назадъ "4-ый классъ — II отдѣленіе", все тотъ-же составъ, пере-

жающий из класса в класс, шель первым в корпус по своим продолжкам и, как говорилось среди воспитателей, по своему "громкому поведению". Сергѣй, Володя, Гриша, Александръ, Николай, все лучшие ученики отдѣленія, являлись въ то же время самыми беспокойными съ точки зрѣнія корпусного начальства. И вотъ сейчасъ опять эти пять человекъ, вѣрнѣе пять мальчиковъ каждому изъ которыхъ нѣтъ еще и семнадцати лѣтъ, берутъ инициативу въ свои руки и рѣшаютъ во что бы то ни стало выйти на Арское Поле на помощь юнкерамъ. Сергѣй, Володя и Николай вечеромъ должны пробраться къ юнкерамъ, чтобы заручиться согласіемъ юнкерскаго начальства. Гриша и Александръ должны будутъ ждать въ классѣ, чтобы черезъ открытое окно указать условными сигналами свободный путь для возвращенія делегатовъ въ стѣны корпуса.

Медленно, постепенно хмурый осенній день уступаетъ мѣсто беззвѣздной, сырой и холодной ночи. Постепенно затихаетъ безалаберный, но жестокий обстрѣлъ города. Утихаютъ пулеметы и только изрѣдка какой нибудь изъ разгулявшихся красногвардейцевъ выпускаетъ наудачу обойму патроновъ изъ своей винтовки. Мертвая тишина въ помѣщеніи I-ой роты. Кадеты выстроены, подается команда дежурнаго офицера и отбивая шагъ, рота спускается по мрачнымъ, слабо освѣщеннымъ лѣстницамъ въ подвальное помѣщеніе - столовую на вечерній чай.

Не первый разъ приходится пользоваться и Николаю и Сергѣю и Владимиру этими минутами, чтобы удрать изъ строя. И сейчасъ темныя ниши встрѣчнаго корридора скрываютъ ихъ и рота входитъ въ столовую уже безъ Николая, Сергѣя и Владимира. Разливающий чай "дядька", за небольшую изду не замѣчаетъ пустыхъ мѣстъ, какъ и исчезнувшихъ съ этихъ мѣстъ въ карманы Гриши и Александра трехъ порцій хлѣба, сахара и масла. Вернувшіеся товарищи съѣдятъ свои порціи въ спальнѣ, послѣ обхода дежурнаго офицера. Сейчасъ-же имъ, конечно, не до того.

Выждавъ, когда рота исчезла въ столовой, три делегата быстро выбѣгаютъ изъ своего убѣжища и черезъ нѣсколько минутъ они уже въ глубинѣ парка у каменной стѣны, являющейся послѣднимъ препятствіемъ. Разъ, два, три, уроки гимнастики не остаются безъ пользы и послѣднее препятствіе преодолено.

Прижимаясь къ стѣнѣ, другъ за дружкой, пробираются они къ Арскому Полю, но не сдѣлавъ и десятка шаговъ, неожиданно для нихъ, вспыхиваетъ лучъ прожектора, ослѣпляющей и заставляющей остановиться. Рѣзко нарушаетъ тишину ночи проснувшійся пулеметъ. Дежурившій на улицѣ красный броневикъ безжалостно беретъ на мушку трехъ мальчиковъ, боязливо прижавшихся къ стѣнѣ. Кругомъ сыплются куски кирпича и извѣсти, отбиваемые пулями отъ стѣны. Что-то кричатъ съ броневика. Гдѣ-то сбоку раздается безпорядочная винтовочная стрѣльба. Но безмолвно, неподвижно и растерянно стоятъ у стѣнки три кныхъ кадетика, получаю-

цихъ такъ неожиданно для себя боевое крещеніе. Первымъ приходитъ въ себя Володя.

"Бѣжимъ. Они вѣдь стрѣляютъ въ насъ. Скорѣе, скорѣе надо добѣжать до угла. Тамъ уже безопасно."

И всѣ трое срываются съ мѣста и спотыкаясь бѣгутъ къ спасительному углу, куда уже не завернуть ни прожектору ни пулемету.

"Бѣгомъ, бѣгомъ къ юнкерамъ."—командуетъ Володя и вся тройца несется по Арскому Полю.

"Кадеты! Кадеты идутъ."—раздается въ темнотѣ и бѣжить по цѣпи юнкеровъ радостная вѣсть. Изъ темноты подходятъ нѣсколько юнкеровъ, пожимаютъ дружелюбно руки, ведутъ къ полковнику. Выслушавъ Володю, полковникъ обнимаетъ всѣхъ трехъ крѣпко цѣлуетъ и креститъ, какъ родныхъ сыновей.

"Храни васъ Боже, милые дѣти. Я-то уже старъ. Вамъ же, дорогіе, черезъ многое пройти придется. Конечно, я васъ приму. Сегодня весь день подъ обстрѣломъ выносили и перевязывали раненыхъ гимназистки. Кругомъ молодежь. И для васъ будетъ мѣсто. Размѣщу васъ вотъ за этой оградой. А какъ же ваше начальство? Значитъ бунтуете. Ну, ничего, ничего." успокаиваетъ онъ смутившагося Володю.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое крадучись возвращаются обратно, пересѣкаютъ аллею парка, приближаясь къ окну изъ котораго должны быть даны условные сигналы.

Гриша съ Александромъ давно уже сидятъ въ темномъ помѣщеніи класса, куда пробрались сразу послѣ вечерней молитвы. Изъ открытаго окна ихъ обоихъ обдаетъ осенней ночной сыростью, обимъ холодно, оба дрожатъ. Въ рукахъ у Александра маленкій электрической фонарикъ. Черезъ каждыя пять минутъ, высунувшись изъ окна онъ дважды зажигаетъ его на нѣсколько секундъ и напрягаетъ все свое вниманіе, чтобы уловить малѣйшій шорохъ, чтобы знать наконецъ, что делегация вернулась, что все обошлось благополучно, что можно спокойно вернуться въ спальню и лечь подъ теплое сѣдяло.

Да, делегация вернулась. Въ отвѣтъ на дважды сверкнувшій свѣтъ фонаря, изъ парка раздалось кошачье мяуканіе и въ то же время три сгорбленныхъ тѣни промелькнули черезъ дворъ.

"Ну, слава Богу, вернулись"—шепчетъ Александръ Гришѣ и оба пробираются изъ пустого, темнаго класснаго помѣщенія въ теплую и уютную спальню. Въ спальнѣ никто не спитъ. Володя Сережа и Коля только что рассказали о результатахъ своего путешествія къ юнкерамъ и во всѣхъ углахъ спальни шепотомъ, но горячо и напряженно идетъ обсужденіе деталей затрапнаго выступления.

Шесть часовъ утра. Рѣзко и назойливо дребезжитъ звонокъ, нарушающій и рвущій наполовинѣ крѣпкіе, предразсвѣтные юношескіе сны. За окнами еще темная ночь, но въ кадетскихъ

спальнях уже полнымъ свѣтомъ горятъ лампочки. Потягивалось, позевывая, но сейчасъ-же вспоминала особенность сегодняшняго дня, быстро выдвзаятъ изъ подъ одеялъ кадеты. Уже лепчутся группами въ умывалькѣ. Уже вѣсть о результатахъ вчерашней вылазки къ юнкерамъ успѣла объять всѣхъ и отъ одного къ другому передается однѣ и тѣ же фразы:

— "Сразу послѣ перваго урока быстро одѣвать шинели и строиться. Съ приказаніями дежурнаго офицера не считается. Командуетъ ротой фельдфебель роты. Кто труситъ пусть остается въ классѣ."

И послѣ перваго урока, едва раздастся сигналъ, шумными группами, толкая другъ друга, выдвзаятъ изъ классовъ кадеты, быстро одѣваютъ шинели и привычно занимаютъ свои мѣста въ строю.

Не соображавшій въ первую минуту что происходитъ, дежурный офицеръ-воспитатель смотритъ на эту быстро разворачивающуюся сцену съ тупымъ обалдѣніемъ, но черезъ нѣсколько минутъ догадывается въ чемъ дѣло. Угрозамъ, крикомъ, угрозами пытается онъ удержать кадета отъ этого рѣшительнаго шага, но его никто не слушаетъ.

Летитъ гонимомъ дежурный дядька къ директору корпуса. Дежурный офицеръ послалъ его съ вѣстью о томъ, что первая рота вышла изъ повиновенія, что въ ротѣ бунтъ, что рота уходитъ къ юнкерамъ.

Въ черныхъ туго подтянутыхъ ремнями шинеляхъ, съ силой но бьющими сердцами, четко повинуются рота командамъ своего фельдфебеля.

— "Смирно! На пра-во!" — звучно командуетъ вице-фельдфебель, — "Рота пагомъ марш!"

И стройнымъ монолитомъ, четко отбивая шагъ, рядъ за рядомъ начинаютъ проходить кадеты мимо расперяно и молчаливо окружившей директора группы корпуснаго начальства...

Но, увы! Въ этотъ самый моментъ, дрогнувшія рѣдкія цѣпи юнкеровъ подъ натискомъ сзвѣрзлихъ толпъ уже отходили къ центру города, оставляя Арское Поле во власти бунующаго революціоннаго моря сѣрыхъ распоясанныхъ шинелей.

Подъ шумъ орудійныхъ выстрѣловъ и пулеметной трескотни, правый флангъ роты, прорвавшійся черезъ баражъ "низкихъ служащихъ" корпуса, едва успѣвшій выйти изъ зданія, былъ встрѣченъ ружейной стрѣльбой красногвардейцевъ. Кто-то изъ персонала корпуса, не растерявшись, успѣлъ закрыть желѣзные ворота парка, ведущія къ зданію корпусу. Бунующая, злобная волна распоясанныхъ шинелей и красныхъ бантовъ, натолкнувшись на закрытыя ворота, пробовала ворваться внутрь, но ворота выдержали неуверенный натискъ и волна покатилаь дальше, къ центру города, преслѣдуя отступающихъ юнкеровъ. безпорядочно стрѣляя въ воздухъ. На этомъ и оборвалась, начатая кадетами, "лебединая

пѣсьн".

Тяжело, до слезъ тяжело было возвращаться въ помещеніе роты, снимать шинели, расходиться по классамъ. Послѣ перваго подъема тяжелый маршъ на сердце. Не смлино разговорить каждый замкнулся въ себя. У многихъ на глазахъ слезы. Съ Арскаго Поля временами слышно доноситься звуки интернаціонала. Въ здании корпуса зловоніе вѣтра.

Синее небо. Мелкій, ароматный воздухъ. Теплые лучи солнца. Первые почки на деревьяхъ. Весна 1918 года. Самое начало весны. Этой весной вся Россія принята въ движеніе. Изъ центра къ границамъ, съ границъ къ центру двигались встречными потоками русскіе люди. Бабыи народомъ все станицы и полустаницы. Перегруженные поѣзда перестали считаться съ расписаніями. Подъ дулами нагановъ работали машинисты и комегары. На дѣе непримиримыхъ лагеря начала дѣлиться этой весной Россія. Подъ трехцвѣтные флаги и красныя знамена собирались лихіе бойцы. Каждый шелъ со своей правдой. Во имя этой правды братья шелъ на брата и сынъ на отца.

Послѣ грозныхъ октябрьскихъ дней, кое-какъ дотянувъ до весны, спѣшило корпусное начальство распустить кадетъ на лѣтніе каникулы. Володя, Сережа и Коля вмѣстѣ рѣшили пробираться въ свой родной Псковъ, занятый пѣмецкими войсками. Корпусное начальство попросило ихъ взять съ собой одного малыша изъ втораго класса.

Расцѣловавшись съ остающимися друзьями кадетами, выслушавъ серію напутственныхъ наставленій отъ воспитателя, Володя, Сережа, Коля и маленький Олегъ раннимъ весеннимъ утромъ покинули уютное, мрачное, разбитое снарядами здание корпуса

Черныя кадетскія шинели, но нѣтъ на нихъ больше погонь съ бѣлыми кантомъ. Когда-то блестящія мѣдныя пуговицы съ двуглавыми орлами затянута чернымъ, какъ трауромъ. На Володѣ и Сережѣ тѣ же кадетскія фуражки, но нѣтъ на нихъ больше красного околыша. Сережаны удрали съ нихъ кокарды, чернымъ трауромъ закрыли красный околышъ. У Коли вмѣсто фуражки мѣховою треухъ. Голова маленькаго Олега ежеминутно толчетъ въ солдатской папахѣ. Месяць весеннюю кашу изъ грязи и снѣга кадетскіе салоги, смачетъ съ предмета на предметъ безпокойная мысль. Отсюда, съ береговъ широкой Волги - рѣки, черезъ бурлящіе города, черезъ десятки заставъ, гдѣ поѣдомъ, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на крестьянской телѣгѣ, придется добираться до дома. Есть о чемъ подумать, есть о чемъ побезпокоиться. Сняты погони, затянута трауромъ пуговицы, но развѣ не видно, что это кадеты? Развѣ спасетъ это отъ желающаго поглумиться надъ "буржуазнымъ отродіемъ", празднующаго свою побѣду, "пролетарія"? Знаютъ все четверо, что не спасетъ и каждая встречная сѣрая шинель заставляетъ сильнѣе биться юные сердца.

Группа людей вооруженных ломami, лопатами, метлами скалывает лед, сгребаетъ съ тротуара остатки снѣга, сметаетъ въ кучи грязь. Среди этой группы важно разгуливаютъ два семнадцатилѣтнихъ подростка въ солдатскихъ шинеляхъ и папахахъ. За плечами винтовки, вокругъ пояса пумететныя ленты. Рабоче - крестьянская власть установила трудовую повинность для Россійской интеллигенции. Чтобы согнаны на работу "буржуи" не разбѣжались, ихъ караулятъ "товарищи" изъ только что созданной красной гвардіи.

Важно разгуливаютъ стерегущіе "буржуевъ" красногвардейцы. Робко проходятъ кадеты.

- "Товарищи кадеты, здорово!" - кричитъ одинъ изъ красногвардейцевъ, "на югъ пробираетесь, къ Корнилову?"

- "Дома!" - отвѣчаетъ Володя.

- "Смотрите, лучше не лѣзьте. Все равно будете биты."

- "Да мы и не лѣземъ" - говоритъ Сергѣй, подталкивая остановившагося было Олега.

Еще не наступилъ періодъ звѣриной ненависти, еще не наполнились сердца безпощадной жестокостью, еще не напитала ихъ жизнь злобой, не успѣла напоить ихъ желчь. Еще по человѣчески говорили другъ съ другомъ эти юноши, мальчишки, дѣти. Обреченная на жертву молодежь еще только начинала разбиваться на два непримиримо враждующихъ лагеря.

Площадная брань въ перемѣшку съ визгливыми женскими причитаніями непрерывно виситъ въ воздухѣ. Всѣ помѣщенія вокзала густо забиты народомъ. Заплечные мешки, корзинки, узлы загородили всѣ проходы и выходы. Люди спятъ вповалку на грязномъ, залусканномъ мелухою отъ сѣмечекъ полу, на скамейкахъ, столахъ, подоконникахъ. У кассы длинный хвостъ очереди. На путяхъ съ боемъ берутся вагоны.

Сережа съ Олегомъ оставлены караулить вещи. Володя и Коля пытаются протискаться къ кассѣ за билетами. Оба скоро убѣждаются, что попытка эта бесполезна и что надо дѣйствовать какъ-то иначе. За хорошую взятку какой-то желѣзнодорожникъ снабжаетъ ихъ изъ подъ полы билетами и черезъ четверть часа людской потокъ вталкивается всѣхъ четверехъ въ залепанный, ободраннй, искалѣченный революціей вагонъ.

- "Эй, вы шпана! Маршъ на верхнія полки, и смирно сидѣть а не то..." - командуетъ одинъ изъ матросовъ въ лихо заломленной на бокренъ безкозыркѣ, съ наганомъ у пояса.

Какъ мыши въ норку при видѣ кота, быстро забиваются мальчишки на верхнія полки. Сергѣй съ Володей, Коля съ Олегомъ. Весь низъ купе занимается матросами "красой и горлостью" октябрьской революціи. Боязливо заглядываютъ въ купе и сейчасъ-же парашахотся въ стороны ищущіе мѣста пассажиры.

Забитый людьми составъ весь день стоитъ на станціи,

нѣтъ паровоза. Къ вечеру, наконецъ, полвляется паровозъ и поѣздъ медленно начинаетъ ползати, скрипя и лязгая желѣзомъ о желѣзо, постукивая и подпрыгивая вагонами на скрѣпахъ рельсъ и желѣзнодорожныхъ стрѣлкахъ. Нахороchnый дымъ густыми тучами гуляетъ по вагонамъ, смѣшиваясь съ запахомъ распиваемаго матросами "самогона". Весело, разухабисто наяриваетъ гармонка все громче раздаваясь, заглушающіе лязгъ вагона, шьяные голоса. Лихо, весело, безшабашно гуляютъ побѣдители, этотъ "авангардъ мировой революціи", опьяненные свободой, самогономъ и кровью.

- "Эй, вы тамъ, товарищи кадеты, а ну-ка дай я на васъ посмотрю." - кричитъ вверхъ разгулявшійся матросъ въ кожанной курткѣ.

- "Брось, ты Иванъ. Оставь ребятъ въ покоѣ. Не натѣшился еще, что-ли?" - вступаются за мальчиковъ двое другихъ.

- "Эй, вы, небось давно проголодались? Чате." - суетъ на верхъ одинъ изъ матросовъ едва начатую буханку хлѣба и кругъ колбасы.

- "Корми, корми на свою голову," - не унимается матросъ въ кожанкѣ, "не былъ ты въ Москвѣ въ то время, когда намъ пришлось съ такой вотъ кадетней драться. Съ виду сопляки, а жару дали. Небось и эти куда нибудь къ своимъ пробиваются".

- "А поймемъ съ оружіемъ, тогда и посчитаемся, а пока пей, гуляй товарищи на страхъ буржуямъ... Даешь!" - обращается защитникъ мальчугановъ къ затихшему было гармонисту. И вновь разухабистая, силовъ состоящія изъ покабели частушки начинаютъ состязаться съ шумомъ и лязгомъ вагона.

Медленно движется поѣздъ. Монотонно постукиваютъ колеса. Убаживающе покачиваются вагоны. Утихаетъ постепенно гуляющая внизу матросни.

Не дойдя нѣсколько верстъ до Москвы, жалобно свиститъ остатками пара измученный паровозъ. Стучаются другъ о друга буферами вагоны. Поѣздъ останавливается среди чистаго поля. И будетъ онъ стоять такъ, пока не подвезутъ топлива и вновь не разогрѣютъ остывающее брюхо паровоза.

- "Москву намъ лучше обойти стороною" - шепчетъ Володя "послѣ только что кроваво-подавленного возстанія, на вокзалахъ, конечно, заставы."

- "Давайте слѣзать. Изъ пассажировъ уже кое-кто вылѣзъ. Вниманія на себя мы не обратимъ". - предлагаетъ Коля и черезъ нѣсколько минутъ, вылѣзшему черезъ окно Сережѣ осторожно и тихо, чтобы не разбудить хмельнымъ сномъ спящихъ матросовъ, передаются вещи и съ ними маленькій Олегъ. Володя и Коля прыгаютъ слѣдомъ. Всѣ четверо быстро спускаются съ желѣзнодорожной насыпи и исчезаютъ въ густо растущемъ вдоль полотна кустарникѣ.

Стоитъ неподвижно бастующій поѣздъ. Волнуясь, крича

и ругаясь суетится сердитые комиссары, выгоняя изъ вагоновъ народъ, чтобы организовать караванъ за топливомъ. Какія-то двѣ ошарушки, вывалившись на желѣзнодорожную насыпь съ безчисленнымъ количествомъ узелковъ и мѣлочекъ, начинаютъ громко дѣлать рабоче-крестьянскую власть, но сейчасъ-же испуганно утихаютъ, увидя подходящаго въ кожаной курткѣ челоуѣка.

Теплое, весеннее солнце высоко стоитъ въ небѣ. Весело хурчить вдоль насыпи поливодный ручей. Легкій вѣтерокъ нѣжно ласкаетъ распускающіяся почки деревьевъ. Ча пороче, неурѣзанные, грубо и фальшиво начатые дѣлами аккорды интернационала, дружно и весело отвѣчаютъ природа радостнымъ гимномъ веснѣ.

Четверо сутокъ истрачено было на то, чтобы обойти сосѣдними съ ней деревнями, сторону, пугающую Москву. Первую ночь провели въ какой-то маленькой деревушкѣ, радужно привятыне крестьянской семьей. Въ полумракѣ вечернихъ сумерекъ, вздыхая, причитая и охая, рассказывала хозяйка кадетамъ объ ужасахъ города Москвы, о валяющихся неубранными трупахъ юнкеровъ и кадетъ, о жестокой расправѣ съ непокорными. Утромъ хозяинъ согласился довезти на телегѣ воиухъ четвероюхъ до сосѣдней деревни и рассказали, какъ и какими путями и селами лучше всего обойти Вѣлокаменную.

Но не всегда, какъ въ этой первой деревнѣ, сопутствовало счастье кадетамъ. Изъ слѣдующей деревни пришлось среди ночи огородами и садами угодить въ сосѣдній лѣсокъ. Встретившие прибитіемъ въ деревню какого-то отряда красной гвардіи, гостеприимные хозяева разбудили мальчиковъ и вывели ихъ за околицу. Цѣлый день послѣ этого, голодные, усталые и напуганные, бродили они по грязнымъ весеннимъ дорогамъ, колесили по мокрымъ тропинкамъ, пересѣками вязкии, напоенныя влагой поля. Одну ночь провели въ лѣсу, на холодной и мокрой хвѣ, подъ густыми, колючими лапами елей, дрожа съ смрости и предразсвѣтнаго холода, боясь развести костеръ, чутко прислушиваясь къ каждому шороху, ожидая все время какой-то погони. Маленькій Олегъ совершенно выбился изъ силъ. Нѣсколько разъ предательскія смезинки запали изъ глазъ его на дѣтскія щеки, нѣсколько разъ и Володѣ и Колѣ и Сержѣ приходилось подбадривать и вливать новья силы въ эту дѣтскую душу, на плечи которой злая судьба водрузила крестъ взрослого челоуѣка.

Четверо сутокъ блужданія кругомъ Вѣлокаменной, Златоглавой, Третьяго Рима. Четверо сутокъ почти безъ сна и пищи. Четверо сутокъ нервного напряженія. Четверо сутокъ и Москва обойдена. На маленькой станціи вновь взяты билеты, вновь заняты съ боемъ мѣста въ искалѣченномъ революціей поѣздѣ и сно ва можно чутко дремать подъ монотонное постукиваніе колесъ о скрѣпи рельсъ, подъ методичное покачиваніе бѣгущаго вагона.

Крѣпкимъ, дѣтскимъ сномъ усталого ребенка спить ма-

ленькій Олегъ и снится ему, что онъ уже дома, что милая мама радостно встрѣчаетъ его и что нѣтъ никакой революціи, и что совсѣмъ не разстрѣланы отецъ, и что старшая сестра совсѣмъ не ушла изъ дома съ новыми строителями Земли Русской, а что она здѣсь-же, около мамы слушаетъ рассказы Олега о корпусѣ...

Стучать по рельсамъ вагоны. Крѣпкимъ сномъ спитъ маленький Олегъ. Дремлетъ прижавшись къ сосѣду Сережа, тихо о чемъ-то шепчутся Владиміръ и Николай. И всѣмъ этимъ Владимірамъ, Сергѣямъ и Олегамъ, какъ и Степанамъ, и Иванамъ, и Потрамъ уже намѣчены судьбой тяжелыя дороги и заготовлены на го ловы терновые вѣнцы.

Большая узловая станція "Бологое" вся забита товарными поѣздами. Поломанные лазаретные фургоны, снарядные ящики, пулеметы, сѣдла, походныя кухни, кубы пресованной соломы и сѣна въ беспорядкѣ разбросаны по платформамъ. Со всѣхъ сторонъ раздаются нервные свисты паровозовъ, пробивающихъ себѣ путь среди всего этого казеннаго имущества, спасеннаго новой властью отъ быстро занимавшихъ окрایی Россіи оккупационныхъ нѣмецкихъ войскъ.

Въ направленіи западной границы поѣзда ходятъ только разъ въ сутки. Билеты выдаютъ только до слѣдующей большой станціи "Дно". Какъ ѣхать дальше и можно-ли вообще дальше ѣхать, здѣсь ничего не знаютъ.

"Доберетесь - тамъ узнаете" - говоритъ кадетамъ съ трудомъ разсканный ими, выбивающійся изъ силъ, измотанный и усталый начальникъ станціи.

Послѣ долгаго блужданія по лабиринтамъ запасныхъ путей, послѣ многократныхъ разспросовъ, наконецъ, составъ отправляющійся на западъ. Съ трудомъ отыскивается свободное мѣсто въ теплушкѣ и въ ожиданіи отхода поѣзда всѣ чет веро жуютъ въ сухоматку, раздобытый Володей на станціи, кусокъ черстваго хлѣба. Нѣсколько часовъ катается взадъ и впередъ по запаснымъ путямъ поѣздъ, нѣсколько разъ, отбѣжавъ отъ станціи, возвращается назадъ, словно забывъ что-то взять съ собой. Наконецъ, отрывается окончательно отъ станціи и ускоряя эжешинутно свой ходъ, дымя изъ трубы копотью и выпуская изъ подъ колесъ облако пара, поѣздъ направляется рѣшительно на западъ, къ границѣ.

Въ теплушкѣ общій разговоръ, все тѣ же боязливые вопросы: "что-то будетъ?" Какъ зритель, сидящій въ театрѣ, смотрѣлъ обыватель Россійскій на активное меньшинство, вышедшее на сцену и только задавалъ себѣ одинъ и тотъ-же вопросъ: "Чѣмъ-то все это кончится?" Не многимъ еще ясно было тогда, что прежде, чѣмъ "все это кончится" смететъ революціоннымъ вихремъ и съ галерки и съ первыхъ мѣстъ обывателей Россійскихъ, что жестокая судьба заставитъ и ихъ, сегодняшнихъ зри-

телей принять участие въ дѣйстви и погоняетъ кого съ винтовкой, кого съ залпными мѣшками по полямъ и лѣсамъ всероссийскимъ. И прежде чѣмъ будетъ "конецъ", до дна будетъ вынута чаша страданій, до основанія будетъ разрушена и выбита изъ мозговъ вредная мысль о томъ, что "моя тата съ крав" и калечить желѣзомъ выжжено будетъ это обывательски-зрительное отношеніе къ исторической жизни своей Родины. Но далеко еще до этого конца. Еще только начинается выходить на сцену первое изъ обреченныхъ поколѣній. Тѣ же, которымъ назначено судьбою принять участие въ самомъ мрачномъ періодѣ Русской исторіи, кому назначено выковывать изъ хаоса новую, невѣдомую Россію, еще лежатъ въ лѣлькахъ, пачкаютъ пеленки, сосутъ материнскую грудь

Медленно подходить поѣздъ къ послѣдней передъ границей станціи "Карамышево" и сейчасъ-же отдѣляется частями ч.к. Въ эти смутные, кровавые годы, каждая вновь обрѣзанная граница сейчасъ-же превращается въ "спекулянтовъ" все населеніе приграничной полосы. По старинкѣ, какъ въ древнія времена шла мѣновая торговля въ приграничныхъ лѣсахъ и оврагахъ. Разрослась, рожденная ненормальной жизнью, корпорація спекулянтовъ-мѣшечниковъ, развивалась бойкая торговля изъ подъ горы на границахъ, перекидываясь съ границъ на базары и площади городовъ и селеній. Гдѣ только могла, ч.к. дѣлала облавы на мѣшечниковъ. Подъ ругань, вопли, причитанія и бабій рѣвъ, трясетъ мѣшки и корзины ч.к. Грубня, безстыдные руки лѣзутъ въ карманы, подъ подолю бабьихъ юбокъ, хватаютъ за грудь. Безпощадно отбирается содержимое спекулянтскихъ мѣшковъ, увеличивается количество арестованныхъ.

- "Зачѣмъ мы не выбросили револьверы" - шепчетъ Сережа. Но, увы, уже поздно думать объ этомъ.

- "Что въ чемоданахъ?" - обращается чекистъ къ кадетамъ

- "Бѣлье... Книги..."

- "Куда ѣдете?"

- "Если будетъ можно - домой."

- "Бумаги." Калетн показиваютъ отпускные билеты. Негрмотный чекистъ передаетъ ихъ своему начальнику. Повертѣвъ въ рукахъ отпускные билеты, тотъ отдаетъ ихъ назадъ и требуетъ раскрыть чемоданы. Слегка ковырнувъ по бѣлью и книгамъ и рѣшивъ, что дѣйствительно хозяева чемодановъ не принадлежатъ къ сословію мѣшечниковъ, начальникъ отряда разрѣшаетъ кадетамъ покинуть вагонъ, но сейчасъ-же спохватывается:

- "А оружія у васъ нѣтъ?"

- "Нѣтъ."

- "Обыци-ка ихъ, Митричъ, прежде чѣмъ выпустить." И грубня руки Митрича заперли по кадетскимъ карманамъ. Съ поднятыми вверхъ руками стоятъ кадеты. Дрожить маленькій Олегъ. Замираютъ сердца у Сережи и Коли, съ блѣднымъ лицомъ и сжаты-

ми губами стоит Володя, держа в одной из рук носовой платокъ.

-Нѣтъ ничего."-- заявляетъ Митричъ и кадеты выходятъ наконецъ изъ вагона.

-Володя, проскочили..." - шепчетъ Николай, а улыбающійся Володя показываетъ носовой платокъ, въ которомъ завернута обойма патронъ. И весело входятъ все четверо въ маленькое вокзальное помещеніе, весело раскладываются на своихъ вещахъ, чтобы передохнуть и подумать, какъ пробираться дальше. Весело все въ четверемъ. Быстро забаты только что мелькнувшия опасныя минуты. Безлечная юность беретъ свое. Жесткая жизнь еще не успѣла прижечь эти души суровымъ клеймомъ. Шестнадцати лѣтніе мальчики живутъ еще послѣдними днями своей юности, послѣдними днями своей короткой весны.

Пропуски до границы надо брать здѣсь-же на станціи у комиссара. Володя и Коля идутъ къ комиссару. Въ маленькой комнаткѣ за досчатымъ, грязнымъ столомъ, заваленномъ бумагами, газетами, обѣдками хлѣба, залитымъ чернилами, сидитъ густая, черная, выщаяся певичка. Блѣдное, безъ кровинки лицо. Блѣлая холеная руки. Неизмѣнная кожанная тужурка. Неизмѣнный паганъ у пояса.

-Вамъ чего?"

-Пропускъ до границы."

-Зачѣмъ?"

-Возвращаемся къ роднымъ."

Долго и внимательно рассматриваетъ комиссаръ отпускные кадетскіе билеты. Исключительно и нѣсколько разъ осматриваетъ съ головы до ногъ Володю и Колю. Долго думаетъ и рѣшаетъ пустить или нѣтъ и наконецъ важно ставитъ печать и расписывается на кадетскихъ билетахъ.

-До границы и вамъ пропускъ даю, а дальше меня уже не касается. Пустьъ васъ чѣмъ или нѣтъ, не мое дѣло." Поблагодаривъ комиссара, кадеты спѣшатъ выйти изъ комнаты грознаго начальства.

-А, кадетики! Что вы здѣсь дѣлаете? Здорово-же васъ изуродовала октябрьская, ни погоны, ни кокарды, ни околыша. Даже пуговицы трауромъ закрыли." - съ веселымъ смѣхомъ обращается къ кадетамъ, столкнувшись съ ними въ дверяхъ дѣвушка. Изъ подъ кожанной фуражки нескороно выбиваются наружу русые косы, въ кожаную тужурку спрятана дѣвичья грудь. Кадеты вѣжливо и немного расперянно уступаютъ дорогу.

-Вы куда?" - уже немного начальнически обращается къ Николаю дѣвушка въ кожаной курткѣ.

-Пробуемъ домой."

-Что-жъ не по душѣ новая власть?" - прямо смотря въ глаза Николаю, задаетъ вопросъ дѣвушка. Коля молчитъ не находя что отвѣтить. Молчитъ и Володя.

- "Ну, ну. Передайте родному Пскову мой привѣтъ. Скажите тамъ, что мы еще вернемся." - и дѣвушка исчезаетъ за дверьми комиссаровой комнаты. Но долго звучитъ ея смѣхъ и сказанныя фразы въ ухахъ Николая, долго остается въ памяти ея пристальный взглядъ и эти сурово сведенныя брови, и эти непокорныя косы ни за что не хотящія прятаться подъ кожаной фуражкой.

- "Давайте скорѣе удирать. Не нравится мнѣ встрѣча съ этой дѣвченкой." - говоритъ Володя, сѣша выйти изъ здания станціи.

Подвернувшійся случайно крестьянинъ за нѣсколько парскихъ рублей беретъ довести на подводѣ до самой границы. Черезъ нѣсколько минутъ, покрытыя свѣжими почками березки веселымъ шумомъ встрѣчаютъ въѣзжающихъ въ лѣсъ кадетъ. Уже передъ самымъ городомъ Псковомъ, на виду у нѣмецкой заставы вынырнули съ проселочной дороги на шоссе и остановились. Безразлично прогуливавшійся по ту сторону колючей проволоки нѣмецкій часовой останавливается около рогатки, перегородившей шоссе, внимательно смотритъ, стараясь понять, что происходитъ. И очевидно, происходитъ для него что-то ненормальное, потому что не давъ кадетамъ подойти къ рогаткѣ, онъ быстро вскидываетъ винтовку на перевѣсъ и во все горло кричитъ: - "Назадъ!" -

- "Лѣбезная встрѣча." - замѣчаетъ Сережа.

- "Все равно, идемте." - говоритъ Володя и кадеты подходятъ къ самой рогаткѣ, стараясь объяснить часовому кто они и зачѣмъ идутъ. Уви! Никакое знаніе языка не можетъ сдвинуть съ мертвой точки часового. На всѣ краснорѣчивыя объясненія, просьбы, уговоры одинъ отвѣтъ: - "Назадъ." - Володя, наконецъ, сердится и проситъ вызвать офицера. Но отвѣтъ все тотъ-же.

- "Ничего онъ намъ не сдѣлаетъ, хоть я гроить своей винтовкой," - говоритъ Коля - "сидемъ здѣсь и будемъ сидѣть, когда его будутъ смѣнять, обратимся къ караульному начальнику." - И всѣ четверо разсаживаются вдоль придорожной канавки. Часовой еще нѣсколько разъ кричитъ имъ "назадъ", но смѣющіяся въ отвѣтъ на его крикъ юныя лица, очевидно, не внушаютъ ему больше опасенія и онъ опять отходитъ отъ рогатки и начинаетъ методично шагать назадъ и впередъ вдоль проволоки.

Прячется солнце за синевю далекаго лѣса, бѣлый туманъ поднимается съ влажныхъ низинъ, когда, наконецъ, смѣняется нѣмецкій часовой и кадеты добираются до лейтенанта.

- "Конечно, конечно. Да, да. Кадеты. Вы можете свободно идти въ городъ. Къ тому-же вы уже въ городѣ. Идите домой васъ никто не тронетъ." - говоритъ лейтенантъ. Конечно тяжелое путешествіе, съ радостно бьющимся сердцемъ каждый сѣшитъ къ себѣ домой.

- "Милому, родному Пскову привѣтъ", - вспоминаются Коля слова мимолетно встрѣченной дѣвчушки и радостно повторяетъ

онъ ихъ, быстро шагая по знакомымъ улицамъ родного города.

Прячется солнце за синевую далекаго лѣса. Бѣлый туманъ поднимается съ влажныхъ низинъ. Въ зданіи вокзала наступилъ полумракъ долгихъ вечернихъ сумерокъ. Давно, забравъ свой туго набитый бумагами портфель, ушелъ комиссаръ. Давно укатилъ назадъ поездъ, выгрузившій добравшихся до границы кадетъ. Давно наступила тишина на маленькой пограничной станціи, но все еще сидитъ, не уходя изъ комиссарской комнаты Надя, эта дѣвучка съ русыми косами, въ кожаной курткѣ и мужскихъ сапогахъ. Вздурожжила дѣлній рой мимолетнал встрѣча съ кадетами, замутила дѣлній рядъ вывозовъ, казавшихся ясными, четкими, неоспоримыми.

"Почему такъ сопротивляется часть населенія власти, несущей освобожденіе, разбивающей цѣпи?" — думаетъ Надя "Вотъ эти кадеты, конечно, они не съ нами. Убѣжали въ нѣмцамъ. За Царя бы воевали, а отъ народа бѣгутъ. Въ то время, какъ другіе утопали въ богатствѣ и роскоши, мы жили въ тѣснотѣ, жили въ нуждѣ. Съ этой несправедливостью должно быть покончено. Побѣда одержана. Остается только провести въ жизнь программу партіи". И кажется Надѣ, что близки совсѣмъ эти дни, когда озаренная яркимъ солнцемъ справедливости, Родная земля заживетъ мирной, радостной жизнью. И вѣтъ у ней не малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и она сама въ эти радостные дни будетъ еще молода и будетъ жить, окруженная съ пѣсней работающими, всѣмъ удовлетворенными, счастливыми, добрыми, ласковыми и привѣтливыми людьми, достигшими райскаго блаженства на грѣшной землѣ.

Прячется солнце за синевую далекаго лѣса. Бѣлый туманъ поднимается съ влажныхъ низинъ. Но вмѣсто тумана и уходящаго за далекаго лѣса солнца, мелькаютъ передъ глазами Нади заманчиво-счастливыя картинки будущаго рая и влекутъ къ себѣ ея горячее юное сердце. И оправдывается этимъ яркимъ миражемъ и сегодняшняя суровая дѣйствительность и разрушеніе стараго міра и вывозъ въ "разходъ" непокорныхъ... Лѣсъ рубятъ цепки летятъ.

"Добрались до дома. Рассказываютъ вѣроятно сейчасъ о томъ, какъ удалось уйти стъ коммунистической властью," возвращается мысль дѣвучки къ мимолетной встрѣчѣ съ кадетами и вопреки ея волѣ, тоскуетъ сердце по оставленнымъ роднымъ и хочется хоть однимъ глазкомъ взглянуть, что-то сейчасъ дѣлается дома, хочется приласкаться къ покинутой матери. Одиноко сидитъ въ комнатѣ пустого вокзала юная коммунистка Надя и такъ ясно для нея, что старое уже обречено безвозвратно и такъ неоспоримо для нея, что обречены и эти кадеты съ ихъ старыми понятіями, вѣрой и традиціями, и не знаетъ только эта юная дѣвучка, что судьба и ее включила въ свой списокъ обреченнаго поколѣнія.

Дѣлится на два лагеря молодежь, неся съ собою кусочки разбитой правды и много крови прольется прежде, чѣмъ изъ этихъ кусочковъ сложится примиряющій синтезъ.

Ярко свѣтитъ весеннее солнце. Восело шумять молодой листвою верхушки деревьевъ. Заботливо-радостно чирикаютъ птички. Упорно и сильно пробиваются сквозь взрыхленную землю свѣжіе ростки зелени на огородахъ. Пучками стрѣлокъ лезетъ изъ земли лукъ. Зеленый ковромъ покрыла свою грядку скороспѣлая редиска. Прежде чѣмъ дать обычную рѣзную зелень, высушила изъ земли свои зеленые усики морковь, производя развѣдку: не ошиблась-ли она временемъ и достаточно-ли тепло нагрѣть воздухъ. Выжили зелеными локонами играетъ на солницѣ горошекъ, обвивая своими юными завитками попадающуюся на пути крапиву и полынью. Принимался капустная рассада спѣшить сбросить съ себя пожелтѣвшіе нижніе листья. Полной жизнью живутъ огороды. Въ потѣ лица своего добываютъ пропитаніе обрабатывающія ихъ безработныя семьи поковской городской интеллигенціи. Затормозилась трудовая жизнь въ оккупированномъ нѣмцами городѣ. Нѣтъ работы. Нѣтъ заработковъ. Голодающіе горожане начали весной организовываться въ трудовыя артели, заарендовывать пригородные участки огородовъ и работать въ потѣ лица трудовыми обществами на землѣ, стараясь обезпечить себя на долгую, пугавшую голодомъ зиму. Ярко свѣтитъ весеннее солнце. Капаютъ потъ со вспотѣвшихъ лицъ. Болитъ отъ лопаты свѣжія мозоли на рукахъ. Нокоть спинные хребты отъ постоянного непривычнаго сгибанія. Ковыряютъ лопатами земной шаръ многострадальные интеллигенты Земли Россійской. Не признавшіе коммунизма, трудовыми артелями обрабатываютъ огороды. По книгамъ учатся сажать и ухаживать за овощами. Какъ дѣти радуются какому новому зеленому ростку. Съ гордостью любуются вечерами на дневные труды рукъ своихъ.

-"Какъ хорошо у васъ все растетъ," - говоритъ Ирина, подходя къ отдыхающему съ лопатой въ рукѣ Николаю, "а у насъ что-то плохо выходитъ. Должно быть что-нибудь не такъ съ дѣлами".

Ирина, сестра Олега, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ блужданія вокругъ города съ какимъ-то изъ многочисленныхъ социалистическихъ учреждений, вернулась домой усталая и разочарованная. Нужда и лишения, временами переходящая въ голодъ, заставили и эту семью вѣздаться за лопаты.

Покрыто загаромъ лицо семнадцатилѣтней дѣвочки. Опухли отъ работы и крапивныхъ ожоговъ нѣжныя руки. Складки заботы четко намѣтились между тонкихъ бровей. Съ утра до вечера проводитъ она время на этомъ огородѣ, коная неумѣло землю, гнѣвая сорную траву, таская изъ сосѣдней канавы воду для полива. Маленькій Олегъ выбивается изъ силъ, чтобы помочь се-

стрѣ, но немного могутъ сдѣлать въ эту страдную весеннюю пору дѣтскія, никогда не работавшія руки. А время не ждетъ. Каждый упущенный день безплодно отомстить за себя при сборѣ урожая.

Облокотясь на лопату, участливо смотритъ Николай на подошедшую къ нему дѣвушку. Освѣжающе-приятно продуваетъ вѣтерокъ его мокрую отъ пота рубаху, сушитъ соленыя капли на лбу и щекахъ. Новыя силы вдвухаетъ въ окрѣпшіе, втѣнувшіеся въ работу мускулы.

- "Ничего, Ирочка, будетъ и у васъ все хорошо. Сейчасъ вотъ dokonчу и помогу вамъ."

Зарождается въ рыхлой землѣ новая жизнь. Нѣжные ростки появляются на свѣтъ Божій изъ разбухенныхъ весной сѣмянъ. Зарождается любовь въ разбухенныхъ весной сердцахъ Ирины и Николая и ея первые побѣги весело и ликующе тянутся ввысь къ солнцу, къ небу, къ прекрасному и неземному.

Близится вечеръ. Низко къ горизонту подошло солнце, готовясь уступить мѣсто теплой, зовущей на отдыхъ ночи. Кончается трудовой, рабочій день новоспеченныхъ тяжелымъ бытіемъ огородниковъ. Прячутся лопаты и грабли, освѣжаются потныя лица холодной водой. Отмываются выпачканныя кормилицей-землей руки. Ирочка, Коля и Олегъ вмѣстѣ возвращаются по шумнымъ вечернимъ улицамъ.

- "Володя съ отцемъ уѣхалъ въ южную Добровольческую Армію. Но здѣсь тоже предполагается организація арміи для борьбы съ коммунистической властью и отправка на югъ добровольцевъ приостановлена." - говоритъ Коля Олегу. Пробѣгаетъ облачко по лицу Ирочки. Женскій инстинктъ дуще мужского ума угадываетъ въ эти дни будущее. Пробѣжавшее облачко бросаетъ свою тѣнь въ душу дѣвушки и на мгновение сжимается сердце, смутно предчувствуя впереди и горе и слезы и грусть и тоску.

- "Ирочка, мы завтра рѣшили съ Олегомъ гулять." - говоритъ Коля, предлагая завтра Ирочкѣ прогулку на лодкѣ. И нѣтъ больше облачка на лицѣ Ирочки. Исчезло предчувствіе горя и слезъ. Весело забѣгая впередъ рисуетъ мысль радостное завтра.

Немного времени даетъ судьба первому революціонному поколѣнію на нормальную жизнь. Крутя въ вихрѣ, затливая въ водовороты, ослѣпляя вспышками молній, оглушая раскатами грома, ведетъ она это поколѣніе черезъ лабиринты противорѣчій и парадоксовъ, заставляетъ пройти суровую школу, въ которой за незнаніе урока подвергають пыткамъ, а за провалъ на экзаменѣ расплачиваются жизнью. И нѣтъ въ этой школѣ ни Рождественскихъ, ни Пасхальныхъ каникулъ, нѣтъ лѣтняго отдыха при переходѣ изъ класса въ классъ. Безпрерывными звеньями тянется цѣпь изнуряющихъ будней и только изрѣдка, случайно нѣсколько мгновеній перерыва нарушаютъ это суровое ученіе у жизни. И въ эти счастливые мгновенья молодость настойчиво напоминаетъ о себѣ и зоветъ, шагающее черезъ свою юность поколѣніе, зоветъ

въ волшебную страну воздушныхъ замковъ, прекрасныхъ принцевъ и спящихъ красавицъ.

.. "Цѣлый день отдыха," - думаетъ Ирочка, "прогулка на лодкѣ... Съ нимъ... Съ Колей." И весело забѣгая впередъ рисуетъ Ирочкина мысль счастливо-радостное завтра.

Килить работа въ безчисленныхъ пропагандныхъ отдѣлахъ. Шныряютъ черезъ границу коммунистическіе агенты. Провѣлявъ о созданіи противобольшевицкой арміи во Псковѣ, готовится совѣтская власть придушить въ зародышѣ это начинаніе.

- "Прохладали на югѣ, не хлопать здѣсь". Летитъ строгій приказъ изъ центра, подавая жару и удваивая темпы работы въ приграничной красной полесѣ.

Съ увлеченіемъ молодости, вся цѣликомъ отдается работѣ Надежда. Темными штрихами вокругъ глазъ расписалось на лицѣ ея утомленіе. Но развѣ можно отдыхать въ эти горячіе дни засѣданій, митинговъ, совѣщаній, планированія? Развѣ можно заснуть въ эти дни суеты, напряженія, подготовки похода на Псковъ? Вчера здѣсь-же, на маленькой станціи у одиноко стоящаго семафора разстрѣляли восемь человекъ, пробиравшихся въ оккупированную нѣмцами зону. До сихъ поръ въ ушахъ Надежды звучитъ сухіе, рѣзко обрывающіе человѣческое бытіе, выстрѣлы. До сихъ поръ слышится она безнадежно-тоскливые, придавленно-хрипные стоны уходящихъ изъ жизни. Но въ планетарныхъ масштабахъ витаютъ коммунистическія мысли. Что значать по этимъ масштабамъ маленькія жизни нѣсколькихъ существъ. Всей силой материалистической логики мозгъ спыхивающую въ сердца дѣвушки жалость. Лѣсъ рубятъ - щепки летятъ.

Килить работа въ формируемыхъ частяхъ рабоче-крестьянской арміи. Вербуются новые добровольцы, а упирающихся просто забираютъ на службу. Некогда церемониться въ это горячее время, на всѣхъ границахъ зашевелился небобитый вразъ. Того и гляди обовѣетъ, какъ пез петлей, молодую социалистическую республику. Бьютъ тревогу коммунисты. Загоняютъ въ казармы народъ отряды чрезвычайной комиссіи. Подъ дучами нагановъ превращаютъ согнанныя толпы въ воинскія части бывшіе офицеры Императорской Арміи. Кто изъ страха, кто по призванію, кто стремясь отомстить старому режиму за недоученіе своевременно очередного ордена или производства. Разныя причины, но дѣйствіе одно. И растетъ рабоче-крестьянская армія. Увеличивается количество боеспособныхъ частей. Продвигаются къ границамъ новые полки и эскадроны, подвѣзжаютъ новыя батареи.

Подвѣзхаль къ границѣ со своимъ эскадронемъ и Михаилъ двоуродный братъ Николая. Бѣдному мальчику, наконецъ, удалось осуществить свою мечту: онъ носитъ форму, онъ военный. Онъ докажетъ теперь своимъ многочисленнымъ двоуроднымъ братьямъ кадетами, что онъ не хуже ихъ вѣхъ. По слабости здоровья не

принять онъ былъ въ кадетскій корпусъ. Въ маленькомъ городкѣ Старая Русса не было ни гимназій, ни реальнаго училища. Пришлось поступить въ городское училище и съ дѣтскихъ лѣтъ окунуться въ новый для него мiръ, такъ отличавшійся отъ того, въ которомъ жили его многочисленныя двоюродныя братья и сестры. Замкнутый мiръ кадетскихъ корпусовъ и институтовъ, далекимъ и чужимъ былъ этотъ мiръ для Михаила. Мечтавшему съ дѣтства о томъ, чтобы быть какъ папа, военнымъ, маленькому мальчику рано пришлось пережить свою дѣтскую трагедію, когда по слабости здоровья его не приняли въ кадетскій корпусъ. Эта маленькая дѣтская трагедія взрыла почву въ душѣ Михаила для сѣмянъ протеста противъ существующаго. Мiръ городской бѣдности, окружившій его въ городскомъ училищѣ имѣлъ этихъ сѣмянъ съ избыткомъ. Быстро пошла жизнь мальчика по революціонной дорогѣ. Къ моменту революціи онъ былъ уже "сознательнымъ борцомъ" за новый мiръ...

Кипитъ работа въ ч.к. города, временно обосновавшейся въ одномъ изъ соседнихъ селеній около Карамшево. Съ нетерпѣніемъ ждуть чекисты счастливаго дня возвращенія въ родной городъ Псковъ. То-то будетъ кара недорѣзаннымъ городскимъ буржуамъ. Заработаютъ красныя наганы и винтовки. Свѣжей кровью обогарятся мрачные подвалы. Длиннымъ спискомъ человѣческихъ жертвъ отмѣтитъ свой праздникъ возвращенія въ городъ ч.к. Готовятся къ этому празднику черныя списки буржуевъ. Стучать пишущія машинки, безпрерывно происходятъ засѣданія. Идетъ генеральная репетиція готовой къ постановкѣ на городской сценѣ кровавой трагедіи. Главное дѣйствующее лицо председатель ч.к. девятнадцатилѣтній гимназистъ Алеша. Богатые родители. Счастливая, безмятежная юность. Лучшій ученикъ въ гимназій. Покоритель сердець псковскихъ гимназистокъ. Это было до революціи, а теперь председатель ч.к.

Богатые родители Алексѣя отъ скуки и бездѣлья бѣснись съ жиру. Лазили по праздникамъ въ народъ, воображая, что отъ пикниковъ въ деревнѣ народъ ихъ приметъ за своихъ. Подчеркнуто хамили въ отношеніи религіи, плевали на свое отечество, свинными рылами подкапывали корни питающаго ихъ дерева. И росъ Алеша у этихъ "передовыхъ" родителей однобоко развитымъ существомъ, цивилизованъ до предѣла, культурности ни на грошъ. Много такихъ однобокихъ наполняло ряды перваго революціоннаго поколѣнія. Быстро рывдвигались они на руководящія посты, неся свою однобокую правду, прыгая на одной ногѣ, видя однимъ глазомъ. Безпощадная жестокость ко всякому иначемыслящему характеризовала этотъ слой пореволюціонной молодежи.

Спасибо съ жиру бѣсившимся старорежимнымъ богачамъ, отблагодарили они Землю Россійскую, до отвала кормившую ихъ, подготовили себѣ сѣмя, воспитали наслѣдниковъ. Какъ пошли эти наслѣдники по землѣ гулять, да наганами въ рукахъ поигрывать,

такъ и самимъ родителямъ жарко стало.

- "Что?.. Родители?.. Сыновья благодарность?.. Чепуха товарищ! Къ стѣнкѣ проклятаго буржуа, насосавшагося крови трудового народа! Плевать мнѣ на то, что онъ мой отецъ. Къ черту буржуазные предрасудки, когда идетъ борьба классовъ".

И занесены въ черные списки родители Алексѣя, оставшіеся въ оккупированномъ нѣмцами Псковѣ. Вѣтеръ сѣяли, милые родители, подинайте-же теперь бурю. Готовятся черные списки буржуевъ подъ руководствомъ одиобокаго фанатика Алексѣя.

- "Смерть капиталистамъ, товарищи!" Лѣсъ рубятъ - щепки летятъ.

Кипитъ работа на красныхъ границахъ оккупированнаго города, но и въ городѣ начинается чиститься, покрывшаяся ржавчиной винтовка, смазывается пулеметъ, проверяется панорама орудія. Но не много добровольцевъ удается собрать "Особому Добровольческому Корпусу". На югъ увезли весной поѣзда добровольцевъ. Выкачала изъ города сливки Южная Добровольческая Армія, изъ снятого молока приходится сбивать масло Сѣверо-Западнымъ организаторамъ.

Не обращая вниманія на дерущихся лядишекъ, отпраздновала природа свой пышный весенній праздникъ, насладились вдоволь жаркимъ лѣтомъ и готовится къ встрѣчѣ холодной зимы, къ отдыху, къ сну. Желто-красными, сухими кленовыми листьями покрыты аллеи Городского сада. Легкой вечерней прохладой дышатъ деревья. Золотомъ играетъ заходящее солнце на желтыхъ вѣткахъ. Успокаиваетъ тишина мятежную душу, наполняетъ сердце любовью.

- "Значитъ это рѣшено? Значитъ..." недоговариваетъ Ирочка, низко склоняя голову, чтобы скрыть предательски блеснувшія на рѣсницахъ слезинки.

- "Ируся, милая, а какъ-же иначе?" - тихо говоритъ Николай. Дѣйствительно для Ирочки и Коли иначе и быть не можетъ. Правда, на которой они воспитались, указываетъ имъ путь. Этотъ путь - борьба съ коммунистической властью, въ своемъ гордомъ безуміи, пошедшей противъ Бога, сжигающей души, отрицающей семью и родину.

Всего нѣсколько дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ было сказано: "Люблю" другъ другу. Всего нѣсколько счастливыхъ, радостныхъ, быстро мелькнувшихъ дней и уже нависли надъ воздушнымъ замкомъ юности грозовыя тучи и уже готовится жестокая дѣйствительность превратить въ ничто едва начавшуюся волшебную сказку. Грустная юность. Грустная сказка любви. Прикавшись другъ къ другу сидятъ на скамейкѣ Николай и Ирина. Легкой вечерней прохладой дышитъ Городской садъ. Золотомъ играетъ заходящее солнце на желтой листьѣ. Къ волшебнымъ и сказочнымъ замкамъ тянутся юныя души, но къ грѣшной и суровой землѣ прижимается ихъ грозная дѣйствительность.

Весело гуляли по многоводной рѣкѣ Великой маленькіе парходики, катая обитателя изъ города къ соседнимъ дачнымъ мѣстамъ, къ Талабскимъ островамъ, къ устью рѣки, впадающей въ озеро. Было это въ давно прошедшее мирное время. Не было тогда ни красныхъ, ни бѣлыхъ и тихо шла жизнь, убавкивая руле-выхъ Россійскаго корабля, пряча за яснымъ горизонтомъ собирающіяся грозовыя тучи. Весело гуляли тогда маленькіе дачные парходики. Гуляютъ они и сейчасъ, но мало веселаго въ этихъ прогулкахъ. Нѣтъ праздничныхъ лицъ на открытыхъ палубахъ, не раздаются радостный смѣхъ веселой молодежи. Грузится маленькій парходикъ очередной группой чойманскихъ и арестованныхъ въ городѣ коммунистовъ, грустно спускается внизъ по рѣкѣ до самаго озера и... пустымъ возвращается назадъ. Жирѣетъ въ озе рѣ рыба, но рыбаки съ острововъ не довольны: перестала городской обыватель рыбу ѣсть.

Только что вступилъ въ Бѣлую Армію Николай, только что взялъ въ руки винтовку и оказался назначеннымъ въ одну изъ группъ, дѣлавшихъ обыски въ подозрительныхъ квартирахъ.

Вчера арестовали родителей Алексея. Шикарно одѣтая дама настойчиво-возмущенно требовала своего немедленного освобожденія. Уже придавленный знаменъ стедъ Алексея автоматически, молча подчинился своимъ конвоирамъ... Сегодня нагрянули въ квартиру сторожа одной изъ женскихъ гимназій.

- "Вы сейчасъ уѣзжали, что у васъ ничего нѣтъ, а это что?" - Въ рукахъ у Николая нѣсколько коммунистическихъ листовъ, маленькая толстая пропагандная брошюрка и пара писемъ, въ которыхъ любящая родителей дочь высказываетъ уѣбренность въ скорой встрѣчѣ и побѣдномъ возвращеніи въ городъ власти трудящихся. Испуганно-растерянными стоятъ хозяйка квартиры. Чуть свѣтъ разбудили ихъ настойчивые звонки. Пришедшіе съ обыскомъ бѣлогвардейцы обмарили всѣ углы и ничего не нашли, извиняясь за причиненное безпокойство. Задержался одинъ Николай. Заинтересовала его книжная полка: что читають жители этой квартиры? Началъ просматривать и выпали изъ толстыхъ книгъ и письма и листочки. О листовкахъ мать и сама не знала. Не трогаетъ она книгъ, не до того ей. Все это не ея, а дочери. Какъ ушла, такъ все и осталось. Письма-же хотѣлось сохранить, всетаки хоть какая-то память о любимой. И капають слезы и дрожить, прерывается голосъ объясняя это Николаю. Въ нерѣшительности стоитъ передъ плачущей женщиной Николай, еще не загрубѣло юное сердце, не привыкло къ этого рода работѣ. Блуждаетъ разсѣянно глазами по стѣнкамъ, по развѣшаннымъ въ рамкахъ фотографіямъ. Задорно-смѣющимся взглядомъ смотритъ на него со стѣны фотографія дѣлушки.

- "Кого она мнѣ напоминаетъ?" - думаетъ Коля - "Гдѣ видѣлъ я это лицо?" - И вдругъ сразу пронеслись въ мозгу фразы

- "А, кадетики, здорове-же васъ изуродовала октябрьская

ни погоня, ни кокарда, ни околыша." Ну, конечно, это-же она, эта дѣвушка съ русыми косами, въ кожанной курткѣ и мужскихъ сапогахъ.

- "Это ваша дочь?" - спрашиваетъ Коля, показывая на портретъ смѣющейся дѣвушки.

- "Да."

- "Я видѣлъ ее на станціи Карамышево. Жива. Здорова. Милому Пскову просила передать привѣтъ. Сейчас-же сожгите и письма и листовки. Не такое теперь время, чтобы играть съ огнемъ. Пусть лучше не летитъ сюда эта дѣвушка въ кожанной курткѣ." - И бросая на столъ письма и брошюры и листовки, быстро выходитъ Николай изъ квартиры. Радостно удивлена мать Надежды, легко вдыхаетъ отецъ. Что случилось съ этимъ блогвардейцемъ? Быстро идетъ по проснувшимся улицамъ Коля, разумъ доказываетъ, что онъ смѣлѣе глупость, но почему-то легко на сердцѣ. Не загрубѣло еще вное сердце, не привыкло присутствовать на человѣческой бойнѣ.

Короткими, хмурыми днями, утреннимъ холодкомъ и вечерней сыростью отмѣчаетъ свое прибытіе на гнѣвную землю ноябрь. Низко нависло надъ городомъ небо. Рѣдко удается пробиться сквозь тучи теплымъ солнечнымъ лучамъ. Пусты, покрытыя лужами, аллеи Городского сада. Не влекутъ къ себѣ пропитанныя влагой холодно-скользкія скамейки. Не шепчутъ волшебныхъ сказокъ обнаженные вѣтви деревьевъ. Еще раздѣляетъ колючая нѣмецкая проволока враговъ, но начали уже посягать пули на границѣ. Да и сама проволока ненадежно проводитъ черту между бѣлымъ и краснымъ. Митингуютъ въ оккупированномъ городѣ нѣмецкіе солдаты, снижается авторитетъ майоровъ и лейтенантовъ, падаетъ суровая нѣмецкая дисциплина, черви разложенія проникли въ оккупационныя войска и методично точатъ, превращая въ труху, казалось-бы крѣпкій фундаментъ. Работаетъ безъ устали красная агентура. Вызывающе - смѣло ведетъ себя пригородный крестьянинъ, нагло держатъ себя городскія слободы и посады, безъ удержу стараются бабы языки разносить по городу красочныя, смачныя небывицы.

Въ штабѣ блага добровольческаго движенія царитъ нервное волненіе. Вчера весь городъ охваченъ былъ паникой: утромъ вошли въ него красныя кавалерійскія части, причалили къ берегу около Псковскаго Собора, пришедшіи изъ далекаго озера, вооруженный маленькой пушечкой, красный пароходъ. Паника быстро улеглась: оказалось, что перешли на бѣлую сторону два красныхъ партизанскихъ отряда. Разсыпались по улицамъ перекрасившіеся въ бѣлый цветъ красные партизаны. Кто въ чемъ одѣтъ, но вооружены до зубовъ. Начальники отрядовъ сейчас-же расклеили по столбамъ и заборамъ успокаивающую псковичей летучку: "Долой совѣтскую власть..." Скрѣпили ее своими подписями: штабъ

-ротмистры Балаховичъ и Перемыкинъ.

Шепеткомъ, на ушко, тайно, по секрету покатилаь по городу новая волна слуховъ. Заработала полнымъ ходомъ бабій телеграфъ: красные выслали, молъ, ихъ впередъ, чтобы хитростью захватить городъ. И радуются одни, волнуются другіе. Въ бѣломъ штабѣ тоже подъ радостными масками глухое волненіе: а ну, какъ дѣйствительно это просто красный троинскій конь? Вошли въ городъ со своими батками вооруженные до зубовъ головорѣзы, а начнутъ бунтовать даме усмирить нечѣмъ, весь Особый Добровольческій Корпусъ по своей численности меньше заолнившихъ улицы партизанъ. Штабные страхи оказались напрасни: честно рѣшили партизанскіе батки быть на бѣлой сторонѣ, честно рѣшили биться съ коммуной.

"Ты видѣла, какое къ намъ подошло подкрѣпленіе?" - спрашиваетъ Коля Ирину.

"Да видѣла, но всетаки страшно мнѣ, милый. Не хорошо все кругомъ."

Дѣйствительно мало хорошаго несъ съ собой этотъ хмуро-холодный ноябрь. Илотнымъ кольцомъ обложили красныя части еще занятый нѣмцами городъ. Стало известно и въ штабѣ и горожанину, что за нейтралитетъ въ приближающейся схваткѣ кушленъ нѣмецкими солдатами у красныхъ комиссаровъ свободный выходъ къ себѣ на родину. Митингуетъ на улицахъ толпами нѣмецкій солдатъ. Шныряютъ черезъ проволоку делегаты. Грузятся поезда завоеваннымъ имуществомъ. Покидаютъ нѣмцы оккупированный городъ. Прокатилась и по Германіи волна революціи. Въ нѣмецкомъ изданіи показываетъ еще разъ судьба міру знакомыя революціонныя картинки.

Для охраны города и созданія городской милиціи объявлена мобилизація въѣхъ учащихся старшихъ классовъ. Появились на улицахъ и перекресткахъ иные милиціонеры, первый разъ взявшіе въ руки ринтовку. Улыбаются на своихъ сыновей, держащіеся въ сторонкѣ отъ собнтія папани и мамани. За дѣтскую базу принимаютъ въ слѣпотѣ своей начавшуюся кровавую трагедію.

"Пусть не волнуются жители. Бадита города обезлечена". Объявляется въ очередной летучкѣ штабомъ, уже реквизировавшимъ и нагружающимъ вещами лодки для переправы черезъ рѣку Великую къ намѣченнымъ путямъ отступленія.

На небольшія группы разбивается начальствомъ юная городская милиція. Каждой группѣ указывается зданіе, въ которомъ она должна засѣсть какъ въ крѣпости, если въ городъ прорвется случайно какая нибудь красная часть. Смѣяана съ городской милиціей и часть добровольцевъ. По расчету это должно укрѣпить духъ и увеличить боеспособность мобилизованныхъ.

Николай включенъ въ группу, крѣпостью или вышелошкой

для которой будет служить одно из Больших зданий Кохановского бульвара. Сергѣй и Олегъ съ многими другими засядутъ грозными войнами за Кремлевской стѣной. Бурную схватку пришлось выдержать со своими родными Сережѣ, вступившему въ Вѣдую армію. Въ богадомъ, пригородномъ ивѣнѣ укрылись ротные Сергѣя отъ тяжести и лишений городской жизни. Близоруко расчитывая сидѣть въ немъ какъ въ берлогѣ страшную зиму.

- "Чу куда тебя тянетъ? Не обойдуси тамъ безъ тебя," разсержено въ сотнй разъ повторяетъ отецъ Сергѣя.

- "Сереженька, милый, ну чего тебѣ еще не хватаетъ?" - навивно спрашиваетъ любящая мать, окружая слюими заботами родного мальчика.

- "Не могу сидѣть въ этой берлогѣ. Пока не вступилъ въ армію, не взялъ въ руки винтовку, казалось мнѣ, что я подлецъ, что кого-то предаю, что я чему-то измѣнилъ. Вступилъ и легко стало. Знаю, что выполнилъ долгъ. Знаю, что съ вами, со вѣскими вами, дорогие друзья-кадеты буду я въ эти смутно-суровые дни. Конечно, родители мои поплачутъ. Не понять какъ-то имъ нашихъ переживаній. Не въ томъ мѣрѣ они живутъ и все имъ кажется, что черезъ нѣсколько недель какъ-то невѣдомой силой этого бунта усамирять, разсадятъ снова вѣгъ на старыя мѣста" - говоритъ Сережа Колѣ, радостно встрѣтившись съ нимъ около зданія штаба.

- "Ты куда?"

- "Пойдемъ вмѣстѣ къ Олегу. Тебѣ и мнѣ пора держать въ рукахъ винтовки, но маленького Олега нужно османошить, онъ, кажется, съ тобой въ одной группѣ?" - говоритъ Коля, направляясь вмѣстѣ съ Сережей къ дому, гдѣ живутъ Олегъ и Ирина.

Тянутся изъ города тяжело нагруженные подводы, окруженные беспорядочно пагающими нѣмецкими солдатами. Стоятъ на перекресткахъ дежурные выне милиціонеры, неувѣренно держа въ рукахъ винтовки. Втихомолку собираются къ бѣгству послѣдъ за нѣмецкими частями барскіе особняки. Волнуются, не зная какъ быть, городскія квартиры. Радостно готовятся встрѣтить красноныхъ освободителей городскіе подвалы и тѣсныя слободскія лацуги.

- "Страшно мнѣ, Коля, не хорошо все кругомъ," - прощаясь съ Николаемъ, шепчетъ блѣдная Ирина, и крестить ея дрожащая рука уходящихъ на свои посты Николая, Олега и Сергѣя и долго сидитъ она въ опустѣвшей столовой со своими грустными думами

- "Господи Боже мой, ну зачѣмъ Тебѣ все это нужно, эти людскія страданія, эта кровавая распря, этотъ жестоко-авѣриннй разгулъ?" - шепчетъ съ тоскою Ирина. Но кто-же ей отвѣтитъ на вопросъ?

Измѣна красному знамени двухъ пограничныхъ отрядовъ послужила сигналомъ къ наступленію на обнесенный колючей про

волокой городъ.

—"Впередъ, товарищи, съ лица земли сотремъ бѣлыхъ гадюкъ, мѣшающихъ мирно жить трудовому народу. Смѣло впередъ!"

Трещать винтовки и пулеметы, бухаютъ орудія. Приходитъ въ движеніе собранная на границѣ красная сила. Высоко въ небѣ догадается первый долетѣвшій до города шрапнельный снарядъ. Замираетъ скромно въ воздухѣ бѣлое облачко разрыва и сейчасъ же спѣшитъ смѣшаться съ окружающими е.о тучками, какъ-бы стѣсняясь нарушить своимъ присутствіемъ мирное житіе городского обывателя. Слѣдующіе за первымъ снаряди уже болѣе смѣло держатъ себя въ отношеніи обреченнаго города, рвутся надъ самыми крышами, сбивая дымовныя трубы, заглядываютъ въ богатые особняки, нпряють въ бѣдные подвалы, свинцовымъ дождемъ сыплютъ по опустѣвшимъ улицамъ и площадямъ. Къ полудню слыпитъ притаившійся въ квартирахъ горожанинъ пулеметную стрѣльбу, а къ вечеру свистать уже въ городѣ пули, рвутся ручныя гранаты, сыпется штукатурка со стѣн и потолкавъ, звенятъ битыми осколками стекла витринъ.

—"Впередъ, впередъ, товарищи. Смѣло впередъ!" - Распаленные красной ненавистью къ классовому врагу, наступаютъ на бѣлую цитадель авангарды мирового пролетариата. Мирно отбиваются отъ сжимающаго кольцо красныхъ частей рѣдкія цѣли защитниковъ города. Но силы слишкомъ неравны. Бой проигранъ заранѣе. Съ первыми выстрѣлами вынесенъ судьбою жестокой приговоръ отчаяннымъ смѣльчакамъ, рискнувшимъ оказать сопротивление красному потоку.

—"Впередъ, товарищи," - кричитъ командиръ, ворвавшійся первымъ въ городъ, краснаго эскадрона, въ которомъ служить Михаилъ. Гудко разносится топотъ копытъ бѣшенно несущихся по мостовой лошадей. Беспорядочно сверлятъ передъ собой пулями воздухъ, опьяненные побѣднымъ маршемъ, всадники. Шаркаются въ сторонн задержавшіеся въ городѣ нѣмецкіе солдаты.

—"Мы побѣдили! Городъ въ нашихъ рукахъ." - Радосно мелькаетъ мысль въ мозгу, быстро несущагося впередъ, Михаила.

Еще держатся на подступахъ къ городу отчаянные смѣльчаки. Сидитъ въ намѣченныхъ бѣлымъ начальствомъ мшцеловкахъ юная городская милиція, но центръ города занятъ уже красными, проведенными пригороднымъ крестьянствомъ черезъ рѣдкіе бѣлые посты со стороны Зяпскова. Отдѣльными небольшими группами спѣшатъ выскочить изъ осужденнаго города отступающіе защитники. Дробью изъ охотничьихъ ружей обсыпаютъ ихъ слободы, вилами и кольями встрѣчаютъ пригородныя деревни.

—"Пошли нашей кровушки. Довольно!"

Безжалостно приканчиваются на улицахъ раненные. Ворвавшимися въ городскую больницу красными прикалываются здѣсь же на койкахъ больные. Съ раскроманнымъ надвое черепомъ лежитъ около зданія Городской Управы попавшій подъ горячую ру-

ку красного головоръза нѣмецкій лейтенантъ. Трещатъ замки у винныхъ погребовъ. Запахомъ спирта насыщается воздухъ. Битыми бутылками покрываются тротуары. Къ безпорядочной стрѣльбѣ присоединяется разгульная пѣснь и площадная брань пьянѣющихъ побѣдителей.

Жиденькимъ залпомъ, переходящимъ сейчасъ-же въ безпорядочно-неувѣренную стрѣльбу встрѣчаетъ зданіе Кохановскаго бульвара показавшихся на улицѣ красныхъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ перваго смутенія, отвѣчаетъ зданію красный думетъ и нѣсколько винтовокъ. Руководимый осадной комиссаръ предлагаетъ сдаться, но сейчасъ-же падаетъ на мостовую, харкая кровью. Врѣзаясь въ красное бѣлая пути, увеличивая количество жертвъ революціи. Сболевшие сопротивленіемъ и потерями коммунисты подматываютъ броневикъ. Трухой рассыпается кирпичъ мѣшалась съ колычими брызгами стекаетъ. Въ одной изъ комнатъ подъ командой молодого поручика жмутся къ стѣнкамъ пить, еще оставшихся живыми, задитниковъ. Было четырнадцать при началѣ осады. Девять лежатъ на паркетномъ полу. Не поднимаютъ больше ихъ ни разрывы снарядовъ, ни плачь матерей. Юныя души покинули юныя тѣла.

"Дѣло наше дрянъ" - говоритъ Коля Борису, маленькому юркому гимназисту, жмущемуся рядомъ съ нимъ къ стѣнкѣ.

"Мы все равно отсюда выскочимъ. Я знаю ходъ на чердакъ, оттуда на крышу, тамъ есть лѣстница для трубочистовъ. Спустимся внизъ. Рядомъ Ботанической садъ. Тамъ кустами и оврагами удеремъ." - Шепчетъ Борисъ.

"Черезъ нѣсколько минутъ мы побѣждены." - думаетъ съ тревогой Коля, быстро и зло еще разъ разряжая въ окно горячую винтовку. - "А какъ-то въ другихъ мѣстахъ? Что съ Олегомъ? А милая, любимая Ирина? Что съ ней?"

Сжимается тоскливо сердце и такъ тяжело на дулѣ, такъ безнадежно-мрачно рисуется въ воспаленномъ мозгу будущее, что хочется здѣсь-же, какъ ребенка, заплакать. Но нѣтъ времени даже на это: мѣтко пушенная красными гранатами зловѣще кружится на залитомъ кровью полу. Сейчасъ конецъ. Сейчасъ безжалостно вопьются въ тѣло ея острые, горячіе осколки. Быстро срывается со своего мѣста поручикъ и падаетъ животомъ на гранату.

"Спасайтесь... Да храните васъ Богъ." - Едва успѣваетъ онъ крикнуть оцѣпенѣвшимъ юнцамъ. Глухо разрывается граната. Ёдкимъ дымомъ и запахомъ горѣлага тѣла наполняется воздухъ комнаты. Брызгами свѣжей, горячей человѣческой крови обдаетъ, потерявшихъ начальника, юныхъ бойцовъ. Въ безпорядочно разорванные ключья еще теплаго мяса превращаетъ красная граната самоотверженно отдавшего свою жизнь бѣлаго офицера. Вѣчная память молодому герою!

Безпомощными почувствовали себя осиротѣлые юные за-

питники. Нѣтъ больше жоака-руководителя, нѣтъ больше ни за-
дора, ни храбрости. Смѣлые, отчаянные воины превращаются въ
испуганныхъ, растерянныхъ мальчиковъ, не знающихъ, что дальше
дѣлать.

- "Сопротивляться безцѣльно. Сдаваться тоже нельзя, за-
хватить - не простятъ," - говоритъ взволнованно Коля - "нужно
драться. Васъ двое здѣсь знающихъ входы и выходы. Сейчасъ по-
слѣдній залпъ и сразу врассыпную. Я и Борисъ, послѣ залпа,
еще по разу разрядимъ свои винтовки. Вы-же моментально сматъ-
вайтесь."

Срывается послѣдній залпъ. Горохожъ разсыпался вмес-
трѣли, но кое-кто застылъ внизу, посылая очередныя проклятія
бѣлымъ бандитамъ.

- "Счастливаго пути!" - кричитъ Борисъ тремъ срывающимся
изъ комнаты юноцамъ.

- "Ну, Боря, еще разокъ по краснымъ, а потомъ быстро на
чердакъ," - командуетъ Коля, вставляя сѣбѣю обойму. Летятъ по-
слѣднія пули изъ оконъ, высккивая неосторожно вылѣзшихъ на
открытое мѣсто осаждающихъ. Летятъ беспорядочно мысли, силясь
рѣшить дальнѣйшіе шаги и дѣйствія. Куда бѣжать? Гдѣ скрывать-
ся? Есть-ли возможность выбраться изъ занятого врагомъ горо-
да?

- "Будь что будетъ. Рѣшимъ." - Шепчетъ Коля Борису и
оба мчатся къ спасительной лѣстницѣ на чердакъ. Хорошо знако-
мы Борису чердакъ и слуховое окно съ чердака на крышу, и эта
отвѣсная лѣстница изъ зацементированныхъ въ стѣну желѣзныхъ
прутьевъ. Черезъ нѣсколько минутъ, трясущіеся, тяжело дыша,
сидятъ они въ оврагѣ Ботаническаго сада, тревожно прислушива-
ясь къ поливающему пустое окно, красному дулему. Сѣрые осен-
нія сумерки и морозящій холодный дождь служатъ хорошимъ при-
крытіемъ для бѣглецовъ. Пусто и мрачно въ саду. Влагой покры-
тая отжиршая желтая трава и искры, гниющіе листья заставля-
ютъ скользить и падать пробирающихся по склону ограда юношей
Обжигаетъ нещадно руки умиравшая крапива. Царапающъ лицо, раз-
дѣтныя безжалостной осекою, вѣтви колючаго кустарника. Но вре-
мя-ли обращать вниманіе на эти мелочи? Только-бы выбраться,
только-бы подалеже уйти отъ этого страшнаго мѣста.

- "Я прямо домой. Почему они могутъ знать, что я учас-
твовалъ? Только-бы добраться домой." - Шепчетъ Борисъ.

- "А я попробую бѣжать. Но сначала тоже домой. Нужно
сбросить съ себя это." - Показываетъ Коля на свою форму.

- "Ну прощай. Можетъ, дастъ Богъ, еще встрѣнимся." Прот-
ягиваетъ руку Боря.

- "Прощай, дорогой." - Крѣпко пожимаетъ Коля протянутую
руку и оба исчезаютъ въ темнотѣ.

Добравшись до знакомаго пролома въ стѣнѣ, осторожно
осматриваетъ Коля пустую улицу, быстро перебѣгаетъ дорогу и

мчится къ дому, гдѣ въ одной изъ квартиръ, волнуясь и проливая слезы, испуганно-нервно прислушиваясь къ стрѣльбѣ, притаились его мать и сестра.

- "Мамочка, милая! Скорѣе что нибудь переодѣться. Еще можетъ быть успѣю проскочить." - Едва вбѣжавъ въ комнату обращается запыхавшійся Коля къ матери. Сжимается больно материнское сердце. Слезы печали блещутъ на глазахъ.

- "Колышка, родной мой." - Только и можетъ сказать страдающая мать. Да и что больше скажешь?

- "Не бойся, милая. Прoberусь. Не плачь, родная." - Какъ бы чувствуя, что происходитъ въ душѣ любимой матери, успокаиваетъ ее Коля - "Ты понимаешь, мамочка, не могу я оставаться съ ними. Они идутъ противъ Бога."

Горячо обнимаетъ своего любимого сына, страдающая мать, крестить дрожащей рукой, крѣпко вбивается въ губы послѣднимъ, прощальнымъ поцѣлуемъ. Черезъ четверть часа, вмѣсто вбѣжавшаго въ квартиру кадета, выходитъ на улицу мальчишка не въ мѣру большихъ, грязныхъ сапогахъ, въ заплатанныхъ брюкахъ, въ рваной, съ чужого плеча, курткѣ и обѣломъ треухѣ на головѣ. Быстро сбѣжитъ онъ по темнымъ, зловѣщимъ улицамъ.

- "Сейчасъ, вотъ еще немного и я на мосту. Только-бы удалось черезъ мостъ на Завеличье, а дальше ужъ легко." - Думаетъ онъ.

Гуляетъ по главнымъ улицамъ быстро пьянѣющей побѣдитель. Полные погреба спиртныхъ напитковъ оставили въ подарокъ ушедшіе нѣмцы. Пробуетъ заграничные ликеры и коньяки россійской пролетарій. Недопитыя бутылки здѣсь-же размашисто разбивается на мелкіе осколки о стѣны: "Да здравствуетъ рабоче-крестьянская власть! Смерть врагамъ народа, врагамъ трудящихся!"

Осторожно, трусливо, вжимаясь въ стѣны домовъ пробирается въ темнотѣ какой-то человекъ. Теплая шуба съ барашковымъ воротникомъ, барашковая шапка, резиновые галоши.

- "Стой, товарищ. Ты куда?" - Кричатъ изъ замѣтившей его группы, гуляющихъ около виннаго склада, красноармейцевъ.

- "А ну-ка подходи сюда!" - Командуютъ ему.

- "Здравствуйте, товарищи. Наконецъ-то освободили насъ отъ этого иностранно - капиталистическаго гнета. Давно васъ ждали, давно тосковали по рабочей власти." - Поетъ соловьемъ подходящій къ группѣ человекъ.

- "Знаемъ мы вашего брата." - Прерываетъ его соловьиною трель красноармеецъ.

- "Такъ ты, товарищ, значить тоже нашъ?" - Съ улыбкой говоритъ другой.

- "Похожъ онъ на пролетарія. Какъ разъ повѣрили." - Раздается въ группѣ.

- "А ну-ка посмотрим нашъ ты аль нѣтъ. Покажь руки!" Командуетъ красноармеецъ въ лихо заломленной на затылокъ папахѣ, шаркающей отъ поглаженного спирта: - "Руки покажь, говорю." - Кричитъ онъ. Человѣкъ въ шубѣ неуверенно протигиваетъ руки.

- "Сразу такъ и видать, что нашъ. Ишь ты бѣлогвардейская сволочь, стерва безработная, ни одного мозоля нѣтъ." - Подъ общій смѣхъ говоритъ красноармеецъ.

- "А ну товарищи, что дѣлать съ этимъ буржуемъ?" - Обращается онъ къ группѣ, обступившей человѣка въ шубѣ.

- "Что дѣлать? Знаю чрс!" - Несется въ отвѣтъ.

- "Дай-ка я сейчасъ покажу, что дѣлать." - Пробиваясь впередъ, кричитъ здоровенный пьяный дѣтина и быстро снимая съ плеча винтовку съ силой втыкаетъ ее штыкомъ въ грудь человѣка. Въ предсмертныхъ судорогахъ падаетъ со стономъ послѣдній. Пьянымъ смѣхомъ отвѣчаетъ на его стонъ группа. Надвигъ на грудь сапогомъ, выдергиваетъ свою винтовку изъ тѣла жертвы красноармеецъ.

- "На-ка, хлебни малость передъ смертью." - Суютъ ему въ ротъ начатую бутылку рома.

Всю эту страшную, по своей грубой жестокости, сцену наблюдаетъ, притаившійся въ сосѣдней подворотнѣ, Коля. Нѣмѣетъ испуганное сердце, дрожатъ колѣнки. Безсвязно скачетъ мысль: - "Сейчасъ замѣтятъ и настанетъ моя очередь. Мамочка, милая, прощай. Что дѣлаетъ сейчасъ Ирина? Господи Боже, спаси."

- "Эй, сморкачъ, ты что тутъ дѣлаешь?" - Изъ темноты появляются нѣсколько всадниковъ.

- "А ну, подойди-ка сюда!" - Командуетъ одинъ изъ нихъ. Осматриваетъ съ головы до ногъ испуганнаго Николая и видно не опаснымъ для власти трудящихся считаетъ его.

- "Чего тебя, сопляка въ такое время по улицамъ носить жить что-ли уже надоѣло? Маршъ домой, да скажи маткѣ чтобы уши тебѣ нарастила." - Полушутя, полусерьезно командуетъ красноармеецъ. Еще не вѣрившій въ свое спасеніе Коля стоитъ, не сразу рѣшивъ въ какую сторону бѣжать: домой или на мостъ.

- "На мостъ, на мостъ, все равно на мостъ." - Сперлитъ въ мозгу мысль и онъ бѣжитъ къ главной городской площади.

Стучать по мокрому бумажнику подковы лошадей. Переваливаясь съ боку на бокъ по ритвинамъ и выбоинамъ, двигаются орудія, зарядные ящики, походные кухни. Новые красныя части, пересѣкая площадь со стороны Запсковья, вступаютъ въ заставленный городъ. Давно стихла орудійная стрельба. Умолкли уставшіе за день пулеметы. Изрѣдка раздается въдалекѣ нѣсколько выстрѣловъ и вновь наступаетъ зловѣщая тишина, нарушаемая стучкомъ желѣза по мостовой да крикомъ пьяныхъ побѣдителей.

- "Слава Богу мостъ." - Шелчетъ Коля, пробравшись вдоль

крытых лобазовъ и высокой кремлевской стѣны, кружнымъ путемъ черезъ площадь. Нѣсколько разъ, наткнувшись по дорогѣ на убитыхъ, склоняется онъ надъ ними, боясь увидѣть въ этихъ безжизненныхъ трупяхъ кого нибудь изъ своихъ юныхъ друзей. Склоняется онъ надъ трупомъ и на мосту. Одиного, прижавшись къ периламъ, раскинувъ руки, лежитъ мертвое тѣло. Валится рядомъ уже не нужная ему винтовка.

- "Боже мой, Господи, неужели Олегъ?" - Испуганно шепчетъ Коля. Да, это Олегъ. "Олежекъ, милый мальчикъ, тебя-то за что? А гдѣ Сергѣй? Значить и онъ?" - И вихремъ летитъ впередъ мысль: "Въ слезахъ неутѣнная мать Олега. Плачетъ Ирина. Трауръ. Горе. Страданія. Уходя - разстрѣляли отца. Войдя убили Олега. Нить. Такъ нельзя. Слишкомъ много горя. Слишкомъ много слезъ." Въ тяжеломъ раздуміи стоитъ на колѣняхъ у трупа своего юнаго друга Коля. Мелкій дождь мороситъ, какъ-бы съ трудомъ пробиваясь сквозь ночную мглу, какъ-бы плача надъ рано погибшей человѣческой жизнью. Черекатываясь мутными волнами бѣжитъ внизу рѣка къ своему многоводному устью. Смотритъ на бѣгущую рѣку Николай и мелькаетъ въ мысляхъ неожиданное рѣшеніе.

- "Прости меня, мой милый, юный другъ. Прости дорогой мой товарищъ. Но надо, чтобы и мама, и Ирочка думали, что ты живъ. Надо. И такъ слишкомъ много имъ горя." - Шепчутъ залепшіяся Колины губы. "Прости и Ты меня, Господи." - И низко склоняясь надъ безжизненнымъ тѣломъ Олега, креститъ его Коля, цѣлуетъ и бросаетъ его черезъ перила въ мутную, волнующуюся рѣку. Быстро бѣгутъ волны къ устью рѣки. Быстро донесутъ онѣ легенькій, юный трупикъ до озера. Не найдутъ его тѣла ни мать, ни Ирина. Не прочтеть надъ нимъ псалтыря дьячокъ, не покадить кадиломъ поиктъ, не споетъ надъ нимъ церковный хоръ: "Вѣчной памяти", Ты же его, Господи, со Святыми упокой...

Темными окнами на темныя улицы смотрятъ дома. Слези дождя скользятъ по удѣлѣннымъ пустымъ витринамъ магазиновъ. Темная ночь смѣнила короткий ноябрьскій день. Низкое, грязное небо прячетъ въ своихъ тучахъ и звѣзды, и мѣсяцъ. Медленно бѣдутъ по ночному городу, осматривая тротуары и подворотни Миша со своими друзьями Васей и Фейей. Въ ночной развѣздѣ назначены всѣ трое. Вася и Фейя два брата, товарищи Миши по городскому училищу. Вмѣстѣ вступили они добровольцами въ красную армію, неразлучно совершаютъ походъ противъ бѣлыхъ. Способные юноши, лишенные судьбою счастья появиться на грѣшную землю отъ богатыхъ родителей, рано извѣдали они и горе, и нищету, рано увидѣли всю несправедливость мірскую, рано поставленъ былъ въ мысляхъ роковой вопросъ: "Почему?" Революціонно пропагандная литература отвѣтила имъ и на вопросъ "Почему", и указала путь ликвидаціи этой несправедливости. Увѣренно олъ-

дуютъ они по этому пути, участвуя въ разрушеніи стараго міра. До основанія надо разрушить все старое. Строить будемъ потомъ такъ написано въ евангеліи Маркса, коммунистическаго пророка, такъ надо и дѣйствовать, чтобы попасть въ коммунистическій рай.

- "Стойте, товарищи, кто это тамъ на мосту?" - Взгляды-ваясь въ темноту, говоритъ Федя. Пришпоренными лошадьми направляются къ мосту черезъ рѣку.

- "Руки вверхъ!" - Командуетъ Михаилъ. Стоитъ съ поднятыми руками Николай. Сразу узналъ Михаилъ, сразу заработала мысль: "Что сказать? Какъ выкрутиться?" Узналъ своего двоюроднаго брата и Михаилъ. Быстро осскакиваетъ онъ съ лошади, но сейчасъ-же останавливается въ нерѣшительности: свой или врагъ? Какъ подойти? Какъ держать себя съ этимъ братомъ-кадетомъ?

- "Миша, ты?" - Первымъ нарушаетъ неловкое молчаніе Коля, опуская руки.

- "Здравствуй Коля. Что ты здѣсь дѣлаешь?" - Не подавая руки своему брату, отвѣчаетъ Михаилъ.

- "Задержался у знакомыхъ. Пробираюсь домой."

- "А какъ тебѣ, здорова?"

- "Здорова, спасибо. А ты значить зовешь?"

- "Какъ видишь. А ты? На какой сторонѣ?"

- "Ни на какой. Разладъ въ душѣ. Да и лѣто пришлось работать на огородѣ." - И опять молча стоять другъ противъ друга насторожившіеся братья. Порвала революція семейныя нити, замѣнила ихъ классовыми перегородками. Трудно пробиться сквозь эти перегородки, сланнымъ въ архивъ революціей, "семейнымъ предразсудкамъ". Льдомъ покрывается братская встрѣча. Видитъ это Вася и, слѣзая съ коня, смѣло, открыто подходитъ къ Николаю.

- "Здравствуй, товарищ! Будемъ знакомы. Если другъ будемъ друзьями. Врагъ - тогда еще сразимся. Будетъ время. Но сейчасъ ты для насъ просто братъ Михаила. Здравствуй, товарищ!" - Протягиваетъ онъ руку. Следомъ за нимъ дѣлаетъ тоже и Федя. Не успѣла затвердѣть ледяная корка на братскихъ отношеніяхъ, разсѣявъ холодъ находчивымъ и расторопнымъ Васей. Пожимаются руки. Цѣлуются братья. Еще будетъ время поговорить, прощупать другъ друга. Сейчасъ-же однимъ надо продолжать свою службу, другому - слѣзнуть домой.

- "Скажи тетѣ, что завтра постараюсь заглянуть." - Говоритъ Миша, прощаясь.

- "Да, да обязательно."

- "А насъ не зовешь?" - Улыбаясь спрашиваетъ Вася.

- "Заходите все трое." - Малинально отвѣчаетъ Коля исчезающимъ въ темноту всадникамъ.

- "Ну вотъ. Теперь уже выбора нѣтъ." - Думаетъ онъ, по-

нуро бредя къ дому, съ тоской и тяжелымъ камнемъ на сердцѣ.

— "Уже успѣли разсмѣять по городу регулярные дозоры. Теперь уже не проскочить черезъ эту красную паутину. Завтра нагнунуть въ квартиру. Что дѣлать? Что-то надо придумать. Еще ночь вперед. Что никуда придумаю. Главное предупредить маму и сестру."

Медленно, обезсиливъ бредеть Коля къ своему дому. Срывающійся временами вѣтеръ бьетъ холодными каплями дождя въ горячія волненіемъ щеки. Сплошнвается грязные, отяжелѣвшіе сапоги о встречные камни. Узкою дорогой кажется обратная дорога, безпросвѣтлѣе кажется тяжелое будущее. Что дѣлать дальше? Гдѣ выходъ изъ этого туника?

Безъ словъ бросается на грудь вернушагося сына счастливо-радостная мать. Разсѣянно слушаетъ рассказъ о встрѣчѣ съ Михаиломъ. Не это главное, совсѣмъ не это. Главное — вернулся любимый сыночекъ. Что будетъ завтра тоже не важно. Завтра какъ-нибудь все обойдется, какъ-нибудь поможетъ Богъ, вернувшій сегодня любимаго сына. Главное, что онъ здѣсь, съ нею, съ любимой, маленькій мальчикъ. Можно ласкать его, какъ прежде. А все остальное? Судьствуетъ-ли оно для сердца матери въ минуты неожиданно-радостной встрѣчи.

Давно пробиты полночь стѣнные часы. Погрузился въ ное небытіе измученный дневнымъ волненіемъ городъ. Разбѣжавшись на кровати спать тревожнымъ сномъ Николай. Но все сидитъ у изголовья любимаго сына счастливая мать. Все смотритъ, не можетъ насмотрѣться на знакомыя черты лица. Ласкаетъ осторожно, прислушиваясь къ безпокойному дыханію. Святимъ огонькомъ мерцаетъ передъ образомъ лампадка. Сурово смотритъ ликъ старинной иконы. Но не пугаетъ онъ сердца матери. Къ нему, святому Николѣ Угоднику, суровому старцу несетъ материнская, горячая молитва спасти и защитить отъ горестей мірскихъ родного сына.

— "Мамочка, милая, что-же ты сидишь такъ, иди спать, отдохни хоть немного." — Въ перерывѣ между двумя тяжелыми кошмарами говоритъ полусонный Коля.

— "Иду, иду, родной." — И пользуясь его пробужденіемъ еще нѣсколько разъ цѣлуетъ мама сына, креститъ, цѣлуетъ еще, и слезы то-ли радости, то-ли скорбы, горячія материнскія слезы орошаютъ лицо засыпающаго вновь Николая. Тихимъ успокаивающимъ огонькомъ мерцаетъ передъ образомъ лампадка. Понотонно, убаюкивающе отбиваетъ время маятникъ стѣнныхъ часовъ. Зоветь ко сну ночная тишина. Но не суждено спокойно провести эту ночь едва задремавшему городу. Съ полночи начала свой кровавый праздникъ красная ч.к. Вытаскиваются изъ квартиръ по ранѣе готовымъ спискамъ намѣченныя жертвы. Стучать на холостомъ ходу моторы грузовыхъ автомобилей, заглушая выстрѣлы въ

упоръ и предсмертные стоны. Въ тихій ночной уютъ комнаты врываются съ площади крики и ругань. Вскликаетъ червно Коля, прислушиваясь къ шуму на площади.

- "Скорѣе, мамочка, пусти." - Обращается онъ къ омертвѣвшей отъ испуга матери и начинаетъ быстро одѣваться. "Если придутъ - меня нѣтъ. Я не возвращаюсь. Понимаешь, мамуся, ты не знаешь гдѣ я."

- "Но куда-же ты, родной мой мальчикъ?"

- "На чердакъ. Тамъ ночью не найдутъ, если даже и полѣзутъ. Я вѣдь знаю тамъ все. Знаю и крышу, всѣ ея глухія мѣста. Не бойся. До утра отсижу, а утромъ посмотримъ, что дѣлать дальше." - Въ глубинѣ чердака, куда можно пролѣзть лишь согнувшись и выпачкавшись въ густую, пыльную и липкую паутину, гдѣ заботливо спрятаны карабины и патроны, черезъ круглое маленькое слуховое окно видна, какъ на ладони, вся площадь. Сумрачно въ своей вѣковой неподвижности стоятъ старинныя башни. Тянется между ними, выдавая виды, крѣпостная стѣна. Съ начала ХУІ вѣка стоятъ эти старыя крѣпостныя башни и стѣны, не разъ защищавшія городъ отъ нашествій иноплемennыхъ. Много крови текло у подножія ихъ, много былинъ и легендъ заключаютъ онѣ въ своихъ плитняковыхъ глубинахъ. Много видали и башни, и стѣны, но такого не приходилось видѣть и имъ. А вѣдь это пока лишь цвѣточки, ягодки будутъ еще впереди.

- "Вылазь!" - Командуетъ кожаная куртка, обращаясь къ остановившемуся у стѣны грузовику. Вылазятъ полурасдѣтые, на смерть осужденные. Дрожалими руками берутъ лопаты и кирки. Зарываютъ подъ окрики палачей братскую могилу разстрѣлянной передъ ними группы. Роютъ рядомъ для себя. Послушно становятся къ стѣнкѣ. Черезъ нѣсколько секундъ смертельно проширивъ свинцовой строчкой пулемета, со стенами, захлебываясь въ собственной крови, падаютъ на землю. Черезъ круглое, маленькое оконце видна Николаю вся площадь. Въ бессильной злобѣ сжимаются кулаки. Беззвучно срываются съ губъ проклятія. Требуется сердце возмездія. На всю жизнь фотографируетъ память эту тупую, страшную картину.

Всю ночь полѣзжали къ лобному мѣсту площади полные людьми грузовики. Всю ночь уѣзжали пустыни... Свѣтлыми полосами позднего осеннего разсвѣта заблѣлъ востокъ. Съ злобнымъ крикомъ пронеслась по утреннему небу воронья стая. Запумѣлъ по обнаженнымъ вершишкамъ деревьевъ холодный вѣтеръ. Освѣтили первые лучи восходящаго солнца страшную, окровавленную крѣпостную стѣну. Освѣтили и спрятались за темныя тучи, испугавшись вторенія рукъ человѣческихъ. Быстро раздѣлавшись съ послѣдней партией смертниковъ, погрузили уставше палачи свои кровалии орудія въ грузовики и съ грохотомъ умчались въ городъ. И сейчасъ-же повлѣли изъ подворотень общиргачины, немцы и нечесанныя старухи и полѣзли со своими бабьими др-

бонитетством къ страшному мѣсту, причитал и ожал, ковыляя и кутаясь въ грязныя лохмотья.

Умчались отдыхать палачи. Успѣли закоченѣть въ братскихъ могилахъ свѣжіе трупы. Высоко поднялось въ небѣ солнце. Проснулся, прошедшій страшную ночь, городъ. Челкія заботы дневного бытія погнали изъ квартиръ по базарамъ и лавкамъ обывателя. Но все сидитъ неподвижно у маленькаго чердачнаго окна Коля. Звучать въ ухахъ стоны умирающихъ, стоить передъ глазами страшная, ночная картина расправы. Сверлить упорно мозгъ жестокая мысль: "Око за око, зубъ за зубъ." А когда спустился наконецъ въ квартиру, только и могъ сказать встревоженной матери: — "Помолись за нихъ, мама, за разстрѣлянныхъ."

Съ утра начали вваливаться въ городъ безчисленныя со вѣтскія учрежденія. Началась реквизиція гостинницъ, особняковъ и частныхъ квартиръ буржуазіи. Прибыла въ городъ со своими и Надя. Тѣ же русыя косы, но нѣтъ ни кожанной тужурки, ни мужскихъ сапогъ. Не по плечу пришлась дѣвичьему сердцу кожанная тужурка. Не выдержали нервы роли краснаго палача. Не каждый мужчина выдержитъ, что-же требовать отъ молоденькой дѣвушки.

Слушаетъ взволнованно Надя рассказъ матери объ опискѣ. Нѣсколько разъ проситъ подробнѣе описать дѣлавшаго обыскъ бѣлогвардейца. Но гдѣ тамъ было въ тѣ минуты замѣчать встревоженной и испуганной матери какіе у него глаза? До этого-ли было?

— "Конечно, это одинъ изъ нихъ," — говоритъ Надя, "одинъ изъ этихъ двухъ кадетъ... Но который?"

Высоко поднялось солнце. Шумитъ базаръ. Встрѣчными потоками движется между базарными рядами людская масса. Настойчиво пробивается себѣ сквозь толпу дорогу Ирочка. Черными кругами обвела глаза бессонная ночь. Тревогой наполнила юное сердце. Однимъ вопросомъ занята мысль: "Живъ или нѣтъ? Олегъ не вернулся — значитъ ушелъ. Ну, а Коля? Можетъ быть мать его чтонибудь знаетъ?" И слѣпить къ Колиной мамѣ Ирочка. Настойчиво пробивается себѣ дорогу черезъ людской потокъ. Не интересуется ее сегодня базаръ, не этимъ занята мысль. Плотной массой движется между базарныхъ рядовъ людской потокъ. Двигутся вмѣстѣ съ нимъ, плывя по теченію, три юныхъ защитника совѣтской власти: Миша, Вася и Федя. На цѣлый день получили отпускъ. Сейчасъ кое-что наберутъ на базарѣ и нагрянутъ къ Мишиной теткѣ. Принимаютъ дорогихъ гостей, милая метунка. Угощай буржуазнымъ обѣдомъ авангардъ міровой революціи.

Выбѣжала на базаръ и Колина сестренка Леля. Къ обѣду могутъ придти непрошенные гости. Нужно встать хотя чѣмъ-то накормить этихъ красныхъ изверговъ рода человеческого. Накормить — накормитъ, но, конечно, она дастъ имъ понять, за кого ихъ считаетъ. А этому "кацекъ безсмертному" Михаилу достанется

отъ нея на орѣхи. Тоже всяка нашелся. Въ чемъ душа держится не извѣстно, а смотрите пожалуйста, въ кавалеріи. "А кадетомъ все равно не былъ." Думаетъ о Михаилѣ его маленькаго кузина, лавируя между базарныхъ рядовъ. Здѣсь-же на базарѣ и столкнулась она съ Васей, Федей и Михаиломъ. Не узнаетъ Михаилъ своей двоюродной сестры. Вытянулась стройной березкой за два года маленькая, озорная кузина. Была сорванцомъ, стала дѣвчушкой. Сразу узнала "кацея безсмертнаго" Леля. Смотритъ, улыбается и готова, какъ въ дѣтствѣ, языкъ ему высунуть.

- "Здравствуй, кадетшко безсмертный. Что-же и здороваться не хочешь?"

- "Демочка! Какъ-же ты выросла. Совѣтъ не узнать." Обнималась съ кузиной, говоритъ Миша. Быстро знакомится молодежь. Весело болтая, возвращается съ базара. Поздняя осень и хмурый ноябрь мало вліяютъ на настроеніе юности. Жизнь бьетъ ключомъ въ молодыхъ душахъ. Отброшены въ сторону заботы. Нѣтъ красныхъ, нѣтъ бѣлыхъ. Есть безсмертный кадетшко, есть скромный Федя, есть восемнадцатилѣтній Вася и пятнадцатилѣтняя Леля. Идутъ, шумятъ, смѣются, думаютъ. Оглядываются вслѣдъ на весело шумящую юность.

- "Счастливая молодежь. Беззаботное время." - Завидуютъ одни.

- "Ишь разгадѣлись. Нашли время поселиться, чортъ-бы ихъ побралъ." - Злобно шипятъ другіе, уступая дорогу веселой молодежи. Хмурая осень и страшное, кровавое сегодня и тревожно-неизвѣстное завтра, все перекрывается юностью, все блѣднѣетъ, отступая въ небытіе.

Устало сидитъ на диванѣ Ирина. Какъ пришла, увидала Колю, услышала разговоръ Колиной мамы, сѣла и сидитъ. Чернымъ туманомъ плыветъ передъ глазами будущее. Сидитъ съ Ирочкой рядомъ Колина мама, гладитъ, склоненную ей на плечо, головку Ирины, успокаиваетъ, какъ можетъ, старую ролюшкой, невесту сына, а у самой глаза полны слезъ.

- "На все воля Божія. Какъ-нибудь обойдется. И здѣсь есть неплохіе люди." - Молчаливо, тяжело вздыхаетъ въ отвѣтъ Ирочка, только крѣпче прижимается къ матери Николаю.

Настойчиво, нетерпѣливо-попторно звонитъ звонокъ. Съ шумомъ приваляется въ квартиру, вернувшаяся съ базара молодежь. Прерываетъ рѣзко панихиду надъ живымъ покойникомъ. Знакомятся пожимаютъ руки, цѣлуются. Быстро и полностью заглядываютъ кухней. Начинается веселая суета около горячей плиты. Жинить варено въ кастрюляхъ, ципить сало на сковородахъ. Наполняются комнаты, дразнящими пустые животы, ароматами. - "Пожалуйте за коммунальный столъ, граждане и товарищи Всероссийскіе." - Наперекоръ всѣмъ страхамъ и волненіямъ начинается за сытнымъ столомъ веселый пиръ юности. Полегчало на сердцѣ у Колиной мамы. Поселѣвля Ирина. Юная бодрость и радостный смѣхъ молоде-

жи разорвали плечу черного тумана.

Пески, можжевеловникъ, сосны. Сосны, можжевеловникъ, пески. Глубоко въѣзжаютъ въ сущую кося дорожки колеса. Напрягаются усталые лошади. Не менѣе лошадей измучены люди, но нѣтъ въ головахъ и мысляхъ объ отдыхѣ. Какой тамъ отдыхъ! Подальше—бы отѣхать отъ захваченнаго красными Искова. Батюшки дочно отступаютъ мелкими группами бѣлые. Слѣдуетъ ускользнуть отъ краснаго вихря, слѣдуетъ миновать первыя пригородныя деревни, злобно ошестившіяся вилами и кольями, безжалостно и подло бьющія въ спины изъ дробовиковъ.

Невредимымъ выскочилъ изъ города Серезжа. Не прошла по нему на мосту красная строчка пулемета, превратившая въ трущъ отступающаго съ нимъ Олега. Счастливо миновалъ онъ и первыя пригородныя деревни, разогнавъ свинцомъ винтовки преградившіе было дорогу топоры и вилы. Всю ночь въ одиночку мѣрилъ онъ усталыми ногами версты. Утромъ остановился около затеряннаго въ лѣсу, соннаго хуторка воды налиться и получить въ спину зарядъ горячей дроби. Выпало изъ рукъ ведро съ водой. Помутнѣло въ глазахъ. Закачалась земля подъ ногами. Но отсиномъ упалъ онъ на землю и смутно видѣлъ, теряя сознание, приближающаго къ нему съ вилами бабу. Судорожно пытался обесившія руки овладѣть винтовкой. Холодомъ смерти пронзало сердце и мысль. Не хватало воздуха легкимъ. Не было силъ для сопротивленія. "Смерть... Конечъ..." Прорѣзала мозгъ страшная мысль. Потемнѣло окончательно въ глазахъ и юный Серезжа потерялъ сознание. Но не перевернута еще послѣдняя страница въ книгѣ жизни этого юнаго мальчика, не поставлена еще судьбою точка, не закончена намѣченная Провиденіемъ дорога. Проѣзжавшая мимо группа добровольцевъ списаетъ его отъ вонючихъ вилъ озвѣрѣлой бабы. Здѣсь-же на мѣстѣ дѣлается Серезжѣ первая перевязка. Бережно укладывается на телѣгу бѣдный юноша. Уюторку-же въ награду за гостепріимство дарятъ добровольцы "краснаго пѣдуха". Дымитъ соломенная крыша. Трещать смолистыя бревна стѣвъ. Реветь высиженная изъ горящей жаты полусонная, полуголая дѣтвора, зоветь тятюку съ маткой. Притаились тятюка съ маткой за амбаромъ, не откликаются на зовъ ребятъ своихъ, смѣнивъ военный пылъ на панику. Сидятъ у придорожной канавы добровольцы, закусываютъ чѣмъ Богъ послалъ, не слѣдуетъ увязать съ клѣбосольнаго хутора. А когда отѣхали, поздно стало тигаться съ огнемъ. Была хата, а какъ не было, все забрали красныя пѣтухи. Летятъ въ догону бѣлыми безсильно-золотыми проклятія. Эхомъ перодразниваетъ дѣсь причитающаго истонившаго голосомъ бабу. Шепчутся между собою верхушки сосенъ: "Возвратъ захотѣла, глупая баба. Ну и получай на орѣжи. Кто-же виновать? Шепчутся верхушки сосенъ, дымятъ жалкіе остатки хати. Весело плядутъ лезвы пламени. Злобнымъ протестующимъ шипеніемъ отѣ-

чають обгорѣлія бревна на каждое выплеснутое ведро воды. Дорогой цѣной расплачивается красный мужиченко за свою охоту на бѣдную дичь.

Спасли раненаго Серезу добровольца, довели до Ревеля передали сестрамъ въ госпиталь. А сколько такихъ Серезей, Алексей, Павликовъ и Олеговъ лежать въ сырой землѣ? Со школьной скамьи прямо въ землю сырую уходили въ эти страшные годы дѣти, юности, жертвляя собою для будущихъ, грядущихъ поколѣній. Пойдутъ-ли, оцѣнятъ-ли эту жертву тѣ, кто придетъ на смѣну этому первому, лишенному юности поколѣнію, растоптанному грозной поступью исторіи.

Вѣтеръ, дождь, холодъ, грязь... Винтовки, наганы, пулеметы, гранаты... Стоны раненныхъ, предсмертный хрип умирающихъ, проклятія искалѣченныхъ, зубовой скрежетъ дерущихся. Кровь на поляхъ, по лѣсамъ, на дорогахъ, въ деревняхъ, селахъ и городахъ. Крѣпко схватились бойцы. Костюки дерутся за счастье. Нѣтъ средняго въ этой борьбѣ: или живъ, или мертвъ. Слово "плѣнный" забыто. Загрубѣли сердца. Въ дикихъ звѣрой превратились вчерашніе люди...

- "Сереза, вы слышали новость? Наши опять пошли впередъ." - Весело сообщаетъ Сергѣю, пришедшая на дежурство сестра милосердія Таня.

Холодно за окномъ госпиталя. Перьями снѣгомъ покрыты крыши домовъ. Разрисовалъ морозъ узорамъ стекла окна. Но тепло и уютно въ палатѣ. Не первую недѣлю лежитъ Сереза въ госпиталь. Помучился бѣдный мальчикъ, настрадался достаточно. Но юность побѣдила все. Еще недѣлька и можно будетъ выписаться. Такъ только что сказалъ докторъ, этотъ милый, любящій молодежь старичекъ, чуткій и отзывчивый на страданія ближняго. Таня, племянница доктора, какъ мать ухаживаетъ за Серезей. Вѣ двадцать два года и она считаетъ, что жизнь ея кончена. Была въ ея жизни любовь. Только утро любви. Гдѣ-то въ далекихъ Карпатахъ, еще до революціи погибъ тотъ, которому отдано было юное Танино сердце. Съ того дня, кончилась личная Танина жизнь. Такъ, по крайней мѣрѣ, сама она думаетъ, а что скажетъ объ этомъ судьба - знать никому не дано.

- "Танечка, сестричка, если-бы вы знали, какъ мнѣ хочется на фронтъ." - Говоритъ Сереза. Съ перваго дня прибытія Серезы въ госпиталь, установились между нимъ и сестрой Татьяной дружески-братскія отношенія. Съ заботливостью матери ухаживала за страдавшимъ Серезей Таня. Не одну бессонную ночь провела она у изголовья лежаваго въ горячемъ бреду. А сталъ поправляться Сереза, начались его веселые рассказы и шутки. Не разъ стогнали они черныя тучки съ сердца дѣвушки. Не однажды успокаивали душу. Но сегодня почему-то снова грустно Танѣ, сразу стало грустно, сразу солнце спряталось. Что случилось?

Въ чемъ причина этой грусти? Неужели въ томъ скрывается причина, что Сережѣ очень хочется на фронтъ?

Секретаршей комиссара служить Надя въ бывшей Городской Управѣ. Называется теперь управа — "городской коммуной". Черезъ биржу труда поступила на службу туда-же Ирина. Въ одной изъ безчисленныхъ комнатъ, среди заваленныхъ бумагами столовъ, среди неразберихи, суматохи и кидучаго топтанія на мѣстѣ, встрѣтились и познакомились дѣвушки.

Яркими, холодными лучами блещить за окномъ морозное зимнее солнце. Сквозняками ходитъ вѣтеръ по холоднымъ комнатамъ. Мерзнетъ бѣдная Ирина, сидя въ комнатѣ за пишущей машинкой.

— "Что съ тобой, Ирина? Ты все время грустная такая. Неудачно влюблена ты, что-ли? Брось все это предрассудки. Подходи проще къ жизни." — Подсаживался къ Ироцкѣ, говорить ей Надя. Молчитъ Ирина. Не выдавать-же ей секрета, не говорить же ей о Николаѣ.

— "Забавная со мной сегодня вещь случилась," — говорить Надежда. "Послугай-ка, что я тебѣ скажу." — И слышитъ Ирочка рассказъ Надежды о первой мимолевой встрѣчѣ съ кадетами, вѣсной на маленькой послѣдней остановкѣ передъ Псковомъ и слышитъ, начиная болтоваться, рассказъ объ обыскѣ въ квартирѣ Нади.

— "И вотъ представь себѣ," — рассказываетъ Надя — "сегодня утромъ я бѣгу на службу. Перебѣгаю улицу и поскользнулась. На мостовую падаю, но такъ и не упала. Крѣпкими руками подхватываетъ меня кто-то сзади. "Не надайте, товарищ, крѣпче на ногахъ держитесь." Раздается у меня надъ ухомъ голосъ, оборачиваюсь, чтобы поблагодарить и что-же ты думаешь, кого я вижу? Его, кадета, съ которымъ встрѣтилась весной такъ мимолично, который шарилъ осенью у насъ въ квартирѣ. Конечно это онъ. Я видѣла, что онъ меня узналъ, хотя не подаль виду. Вотъ встрѣча. Значитъ этотъ бѣленькій кадетикъ здѣсь. Попался въ мышеловку. Какъ жаль, что я немного растерялась и пока отъ неожиданности встрѣчи стояла, какъ чурбанъ, онъ быстро скрылся въ переулокъ. Что дѣлаетъ онъ здѣсь? Бѣдь онъ рискуетъ головой Ты знаешь, Ирочка, мнѣ хочется съ нимъ встрѣтиться, найти его. О, нѣтъ я не могла-бы его выдать. Я всетаки обязана ему. Но припугнуть-бы я его хотѣла. И припугну, какъ только разыщу." Смѣется Надя, глядя на Ирину. Но нѣтъ въ отвѣтъ ей смѣха отъ Ирины. Волнуется Ирина, послѣднія кривинки сиротались съ лица.

— "Да что съ тобой, Ирина дорогая? Ты выглядишь совсемъ больной."

— "Да, кажется, я простудилась." — Пытаясь улыбнуться говоритъ Ирина.

И обѣ замолчали. Задумалась о чемъ-то Надя. Задумалась

тревожно и Ирина. Скорѣй-бы вечеръ. Скорѣе-бы узнать, увидѣть Николая.

Тускло свѣтитъ керосиновая лампа. Заунывную пѣсню поетъ остывающій самоваръ. Сидятъ за столомъ молча Колина мама Леля и Бася. То и дѣло смотрятъ украдкой на часы, поджидая, ушедшаго съ самаго утра Николая. Быстро спалъ Вася своимъ въ домѣ. Коротааетъ часенъко свои вечера въ семьѣ. Стоитъ до сихъ поръ его поить въ городѣ на отдыхѣ. И на отдыхѣ и на пополненіи. Болѣетъ дезертирствомъ рабоче-крестьянская армія. Не все хотятъ идти въ авангардъ міровой революціи. Не въ бояхъ потерялъ Васинъ полкъ часть состава. Не въ бояхъ, а какъ будто въ бояхъ. Разбѣжалась часть полка во время наступленія на городъ. Дойдетъ съ полкомъ до своей деревни солдатикъ и - тягу. Пусть, молъ, думаютъ, что убитъ. Почти безъ боя вогнать полкъ въ городъ, а половину личного состава, какъ корова языкомъ сли сала. И стоитъ теперь полкъ, ожидая пополненія. Васѣ это только на руку. И днуетъ и ночуетъ здѣсь. Какъ къ роднымъ попасть.

- "Что такое съ нимъ случилось? Что мнѣ дѣлать?" Тихо шепчетъ мама Николая.

- "Мамочка, да вѣроятно онъ зашелъ къ своей Иринѣ, тамъ и засидѣлся." - Успокаиваетъ маму Леля. Въ это время кто то позвонилъ у двери. Быстро вскакиваютъ Вася съ Лелей, чтобы встрѣтить Колю. Но пришелъ не Коля. Вся въ смѣгу, продорванная Ирина, быстро, второпяхъ, здоровуется съ ними и спрашивать съ себя слѣды мятельцы, говорить, что видѣть нужно Колю.

- "Николай не возвращался съ самаго утра," - отвѣчаетъ Леля - "я думала, что онъ застрѣлъ у насъ. Но значить у тебя онъ не былъ?"

- "Не пойму никакъ я въ чемъ тутъ дѣло? Что онъ маленький ребенокъ? Заблудился?" - Спрашиваетъ удивленно Вася.

- "Хуже," отвѣчаетъ Леля "вы всего не знаете. Я вамъ скажу, но только Вася, милый, дайте слово, что вы не скажете объ этомъ никому. Согласны? Даете слово?"

- "Согласенъ. Даю вамъ слово, что буду имъ, какъ рыба."

- "Дѣло вотъ въ чемъ, Вася..." - И рассказываетъ Леля Васѣ о томъ, что братъ ея сбѣлгвардеецъ. Призадумался Вася, узнавъ отъ Лели о причинѣ безпокойства ихъ за Николая. Молчать и курить. Что-же теперь дѣлать? Противникъ. Что-то сложное выходить. Враги? Но мекъ-то вѣдь они какъ друга приняли, и знаютъ-же кто я? Конечно, Колю не видамъ. Но самому-то какъ же? Прекратить знакомство и уйти? Враги. Но что-же я отъ нихъ плохого видѣлъ?

- "Не знаю, Вася, что вы думаете, но только ужъ сегодня я прошу васъ здѣсь остаться. Мнѣ страшно, я боюсь." Проситъ Васю мама Николая.

- "Ну, конечно, я останусь, тетя. А завтра я узнаю что случилось." - И какъ-то само вышло въ мысляхъ Васи рѣше-

ние: "Око за око, зубъ за зубъ." "Зломъ за зло, а за добро - добромъ." И вновь веселый, прехній Вася, пытается разсѣять волнения тети, старается развеселить Ирину, шумитъ съ Лелей, убираетъ вмѣстѣ съ ней посуду со стола.

Безпокоится за Николая мама. Волнуется за своего любимого Ириной. - "Гдѣ и какъ его завтра искать?" Думаетъ Вася.

- "Ахъ, если-бы его еще разъ встрѣтить!" - Свержишь навязчиво мысль, кутающейся въ теплое одеяло надежды. Николаю же въ этотъ день съ самаго утра не повезло. Вышелъ изъ дому попытаться на базарѣ обвѣсить серебряный портсигаръ на хлѣбъ. Не хорошо какъ-то выходило пользоваться Васинимъ папкомъ. Хотъ и увѣрилъ каждый разъ Вася, приносилъ хлѣбъ, что хлѣба у него хватаетъ, но слабо вѣрилось этому. Идетъ Коля по улицѣ, задумался о прошломъ, не замѣчаетъ встрѣчныхъ. И нужнее-же было этой Надеждѣ какъ разъ передъ носомъ поскользнуться. Инстинктивно подхватываетъ, поскользнувшись дѣвушку Николай. - "Не падайте, товарищъ, крѣпче на ногахъ держитесь!" - А кого подхватить? Эе, эту дѣвушку съ русыми косами. Узнали сразу другъ друга. Ни одинъ, ни другая не знали встрѣчи. Мимолетная опять вышла встрѣча. Одна стоитъ разная ротъ, другой вырветъ въ пердунокъ. Вотъ и все пересѣченіе жизненныхъ дорогъ.

- "Знать сна." - Думаетъ съ досадой Николай, продолжая свой путь къ базару. - "Вотъ еще не было печали. Хорошо, что только ротъ разинула. Успѣлъ драпануть раннее, чѣмъ опомнилась. А то могла-бы чортъ знаетъ чего натворить." - Идетъ къ базару, всматриваясь въ каждого встрѣчнаго. Неравенъ часъ еще на кого нибудь нарвешься. И послѣ драки иногда кулаками помахать не вредно.

Шумитъ базаръ. Ениряютъ между взрослыхъ обмыранные сопляки, предлагая дяденькамъ махорку, тетенькамъ - иголки, нитки, мыло. Приглядывалась кому-бы предложить портсигаръ, направляется Коля къ крестьянскимъ саймамъ. Цѣль-же и искать кусокъ хлѣба, какъ не у крестьянина? Заинтересовался мужиченко массивнымъ серебрянымъ портсигаромъ. Вертитъ въ рукахъ, торгуется за каждый фунтъ, но выпускать изъ рукъ серебра не хочетъ. Ясно - сторгуется, дастъ, что просятъ, только нельзя-же сразу, не торгуясь, такъ вотъ и отдать.

- "Слава Богу, домой вернусь съ хлѣбомъ." - Гадуется Коля.

- "Удивлю сегодня свою старуху, какъ покажу, за что хлѣбъ вымѣнилъ." - Думаетъ мужиченко.

Но не порадуется мужиченкина старуха, не вернется домой съ хлѣбомъ Николай. Электрическимъ токомъ бѣжить по базару тревожно-отрадное слово: "облава". Забралась изъ стороны въ сторону людская масса. Быстрыми потоками пытаясь смяться съ базара въ соседнія улицы, но какъ на плотину, наталкивается

на тѣсное кольцо вооруженныхъ красноармейцевъ и брызгами откатывается назадъ, въ глубину базарной площади. Охватываетъ торговки, видя, какъ по казенной расцѣнкѣ исчезаетъ съ лотковъ товаръ. Кричатъ мужики, вытряхивая изъ мѣшковъ караванъ хлѣба. Думать, протестуя и доказывая свою правоту, задержанные. Въ числѣ задержанныхъ оказывается и Николай. Подозрительнымъ показался провѣрявшему документи чекисту и попалъ въ группу задержанныхъ.

- "На этотъ разъ, кажется, вѣнчикъ окончательно." - Идя въ толпѣ арестованныхъ, думаетъ тоскливо Коля. - "Начнуть копаться въ прошломъ, раскроется моя служба въ бѣлой арміи, прямая дорога къ стѣнкѣ. И не ударить. Чѣмъ окружали, словно балдитовъ. Нужно придумать что говорить."

Идетъ по улицамъ, окруженная охраной, толпа задержанныхъ. Мужчины, бабы, подростки. Весь уловъ, безъ разбора пола и возраста. Кто мрачно смотритъ подъ ноги, кто продолжаетъ возмущаться, а кто и съ веселой улыбкой и шуткой.

- "Эй, товарищъ-охранникъ, къ полудню время-то подходитъ. Задержать-то задержали, а помянуть-то найдется что?" Обращается къ солдатамъ, жмуцился отъ холода въ раннее, потеплевшее давно свой двѣтъ пальто, старикашка. Знаетъ этого старикашку весь толкучій рынокъ. Каждый разъ, неизменно замечаетъ его очередная облава, не прощая ему шутокъ надъ советской властью. Заметутъ, продержатъ до вечера и выпустятъ. Что съ нимъ дѣлать? Прочтутъ суровую нотацию, повертять черезъ носомъ наганомъ и выслкаютъ въ шею. И опять возвращается на свой родной толкучій рынокъ старичекъ, и опять раздастся на базарной площади его веселая и острая прибаутка.

- "Хорошо ему шутить." - Думаетъ Коля. - "Знаетъ онъ, что не надолго замели. А вотъ мнѣ-то какъ выкручиваться?" - И мелькаютъ въ мысляхъ страшныя картины расправы, подвалы тюрьмы, кровавыя стѣнки, стучащій на холостомъ ходу моторъ грузовика, холодное дуло нагана. Начиная свою разрушительную, ослабляющую организмъ работу, приливъ безнадежной апатіи, убивающей волю къ борьбѣ, къ сопротивленію, превращающей человѣка въ безвольное-покорнаго агнеца. Чувствуетъ эти приливы Коля и напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы перебороть это страшное состояніе безнадежной покорности, эту смерть воли, духовную смерть человеческой личности. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Еще не все погибло. Нельзя думать, что уже конецъ. Еще впереди есть время. Нужно только зорко слѣдить и не пропустить ни одной возможности. Зорко слѣдить. Напрячь всѣ силы. Не знаю еще какъ, но какъ-то выкручусь. А если нѣтъ, тогда въ послѣднюю минуту вѣрнуться мертвой хваткой къ чалача и уже если погибать, то все таки съ борьбой. Только не это безвольное-апатичное, расслабленное состояніе покорности. Нѣтъ. Борьба до конца. Умирать человѣкомъ, а не овцой. Во всякомъ случаѣ до конца не терять

надежды. Надежды. Надежда. Надя. Русня косн. Ирочка любимая, увижу-ли я тебя? Увижу. Да, увижу. Чепуха всё эти страхи. Завчеромь сегодня-же буду дома. Идетъ въ толпѣ Николай. Нѣмѣють отъ холода ноги. Коченѣють руки. Мерзнуть уши. Пройтъ въсвойчиво пища голодный желудокъ. Борется воля съ безволеємъ, энергія съ апатіей, надежда съ безнадежнымъ отчаяніемъ. Скривитъ подъ дырявыми подметками снѣгъ, свѣтятъ глаза негрѣющіе, ярко блестящіе на бѣлыхъ сугробахъ лучи солнца. Полнонь холодной красоты морозный декабрьскій день. Полно холодной рѣшимости бороться до конца яное Косино сердце.

Большое, многоэтажное зданіе. Уютныя, богато обставленныя комнаты. Чистыя лѣстницы. Тишина въ коридорахъ. Въ квартирахъ спокойная, счастливая жизнь. Такъ было. Такъ было еще до Великой войны, до эвакуаціи Кадетскаго Корпуса за широкую многоводную Волгу. Такъ было, когда жили въ этомъ большомъ многоэтажномъ зданіи офицеры-воспитатели корпуса, корпусное начальство, преподаватели. Во время нѣмецкой оккупаціи Пскова, помѣстились въ опустѣвшихъ квартирахъ канцеляріи завоевателей. Исчезъ уютъ. Потускнѣлъ паркетъ...

Ушли изъ города нѣмцы. Вошли авангарды пролетарской революціи. Грязью и шлепками покрылся паркетъ. Ключьями повисли выцѣтшія, мокрая отъ сырости обои. Газетами заклеены битыя стекла. Вонь мажорочнаго дыма и грязныхъ уборныхъ отвращаетъ комнату. Помѣстилась въ зданіи комендатура города, отдѣленія ч.к. и еще какія-то военныя учрежденія. Кто ихъ знаетъ какія. Только комиссары учреждений и знаютъ, а обывателю откуда знать? Попадетъ узнать, а пока Богъ мигуетъ, и не интересуется горожанамъ растущими, какъ грибы, учреждениями, а скорѣе мимо пройти спѣшить. Не зналъ и Коля, пока не привели съ толпой задержанныхъ. А привели - узналъ, что какъ разъ въ квартирѣ его бывшаго воспитателя разиѣстилось отдѣленіе ч.к. завѣдующее облавами, вояющее со спекулянтами. Кожанныя куртки, неизвѣстные нагачи. Грубые окрики. Злая лица. Грязь. Сырость и мракъ склепа отъ заклеенныхъ газетами оконъ.

Нервироваге-медленно тянется допросъ и провѣрка документовъ. Малѣйшее сомнѣніе и человекъ крѣпко зажимается цѣпкими лапами ч.к. Чувствуетъ Коля, что не выбрался отсюда на свободу, что липкой паутиной обвоетъ его сейчасъ красный паукъ, тяжелой рѣшеткой отгородитъ его отъ жизни, свѣта, улицы, свободы. Чувствуетъ и не спѣшитъ къ допросу, старается держать ся въ заднихъ рядахъ. Хоть на пять минутъ оттянуть этотъ разговоръ. Хоть лишнихъ пять минутъ продлить надежду въ сердцѣ.

Въ полдень приостанавливается работа въ грозномъ учрежденіи. Пустѣютъ комнаты злого начальства. Разбѣгаются на обѣдъ вѣрные слуги пролетарской власти.

- "Кого не успѣли провѣрить - сидѣть и ждать. Съ голо-

ду не отдохнете. Сами виноваты, что задержаны." - Заявляется уходящий комиссар. Съ пустыми животами и взвинченными нервами ждет большая часть задержанных окончанія обѣденнаго перерыва. Затихаетъ жизнь въ зданіи. Пустѣютъ мрачныя комнаты служащихъ. Понури-безмысленнымъ взглядомъ провожаетъ внизу у выхода советскую бюрократію, сидѣній на стулѣ часовой. Съ тупымъ безразличіемъ смотритъ на пропуска служащихъ. Безъ пропуска никто изъ зданія не выйдетъ. Войти - войдетъ, а выходъ закрытъ, прегражденъ красноармейской винтовкой. Въ рабочіе часы появляются часове у каждой, занятой учрежденіями, квартиры. Въ перерывѣ остается одинъ у выходной двери взгляду. Остальные исчезаютъ. Сами-ли, проявля личную инициативу, порядокъ-ли такой, кто его знаетъ. Не этили занята голова Николая. Если нельзя выбраться изъ зданія, можетъ быть можно подняться наверхъ, въ другія квартиры? Можетъ быть можно какъ нибудь затеряться въ этили лабиринтахъ учрежденій, въ этили квартирахъ съ настезъ раскрытыми дверьми? Медленно, какъ-бу прогуливаясь, выбирается Коля изъ комнаты въ корридоръ. Останавливается. Никто не обрадаетъ вниманія. Еще нѣсколько шаговъ къ двери. Еще. Не слышно за спиной окрика. Не зовутъ назадъ. Тогда еще нѣсколько шаговъ впередъ. Господи помощи. Съ бю-димся взволнованно сердцемъ, оказывается Коля въ корридорѣ, у лѣстницы, выходящей вверху, къ послѣднимъ этажамъ. Внизъ, конечно, нельзя. Дорога внизъ преграждена часовымъ у выходной двери. Но путь наверхъ совершенно свободенъ. Значитъ нечего и выбирать, сама судьба указываетъ вѣхи. Быстро поднимается вверху по лѣстницѣ Николай. На дверяхъ одной изъ квартиръ виситъ ярко размалеванный плакатъ:

"Товарищи - дезертиры! Послѣдній разъ къ вамъ обращается рабоче-крестьянская власть." - Кричитъ со стѣны аршинными буквами этотъ ярко размалеванный, свѣжій плакатъ. Кричитъ, призываетъ дезертировъ добровольно вернуться въ ряды армии, обѣщаетъ прощеніе грѣховъ и рѣшкую жизнь совнательными. Грозитъ упорствующимъ высшей мѣрой наказанія. Какъ солью пересыпаетъ призывы фразами марксистскихъ пророковъ.

Услыша шумъ шаговъ на лѣстницѣ, останавливается Коля около этого плаката, дѣлая видъ, что внимательно читаетъ.

"А какъ, товарищъ, можно вѣрить? Правда-ли, что всѣмъ явившимся прощантъ?" - Слышитъ онъ за собой голосъ. Обернувшись, видитъ сбрую, въ лохмотьяхъ, веревкой стянутую шинель, лапти, торбу за плечами и изможденное, давно не брятое лицо.

"Не знаю. Думаю, что правда."

"Вотъ тоже, какъ и ты, рѣшилъ я объявиться, вернуться." - Говоритъ, стоящій сзади Коля. - "Зима. Куда пойдешь? Разъ обѣщаютъ, что простятъ - вернусь. Зиму-то прозимовать вѣдь гдѣ-то нужно."

"Какъ и я." - Удивленно думаетъ Коля. - "Какъ я? Стой!

Вотъ - выходъ! Дѣйствительно блестящій выходъ. Бюро по явкѣ дезертировъ. Здѣсь, за этой дверью. Скажу, что дезертиръ. Кавалерійскій полкъ гдѣ служатъ Вася, Федя, Миша. Командиръ полка когда-то вмѣстѣ былъ съ моимъ отцемъ. Вотъ это ловко. Вотъ шикарная лазейка! - Радостно мелькаетъ мысль.

- "Ну, что-жъ, идемъ, товарищъ." - Обрадается онъ весело къ нерѣшительно стоящему у двери дезертиру. - "Идемъ, не бойся."

- "Эхъ, мать честная." - Шепчетъ дезертиръ. - "Ну, будь, что будетъ. Все равно, идемъ, товарищъ."

Такія-же ободранныя стѣны. Покрытый сыростью и грязью полъ. Скамейка вдоль стѣны. Деревянный барьеръ дѣлитъ надвое комнату. За барьеромъ пара грязныхъ столовъ съ бумагами, пишущей машинкой. Нѣсколько покурныхъ посѣдителей "сознательныхъ дезертировъ" сидятъ тѣснымъ рядкомъ на скамейкѣ. Суровая зимняя служба, голодъ, отсутствіе теплаго угла возвращаютъ неудачливыхъ бѣглецовъ въ рабоче-крестьянскую армію. Но формулы коммунистическихъ пророковъ: "Гытіемъ опредѣляется сознание." Сидятъ тѣснымъ рядкомъ на скамейкѣ, какъ муры на кашести. Печутся между собой, дѣлятся неудачными днями свободы, совѣтуются, вырабатываютъ общую формулу объясненія причины дезертирства. Улыбаясь встрѣчаютъ другъ друга ночью товарищѣ по несчастью: - "Что, товарищъ, тоже на явку? На зимовку? На казенный хлѣбъ съ мякиномъ? Ну, ну, садись, товарищи сознательные. Оно послѣ обѣда-то явится лучше. Покрутъ комиссары, добрѣ стануть. А то утромъ-то не очень радостно встрѣчали. И ждуть заставили и матерчили, что маловато насъ является."

Сидятъ. Посмѣиваются. Ждутъ. Сидитъ и Коля. Нѣтъ больше щемящаго страха въ душѣ. Побѣжденъ и страхъ и отчаяніе родившейся увѣренностью въ то, что выскочить онъ изъ цѣпкихъ когтей ч.к.

Бѣгутъ стрѣлки часовъ, бѣжитъ время. Бѣгутъ по лестницамъ служашіе, сѣмъ занять свои мѣста до появленія сурово грубаго начальства. Наконецъ, является начальство и вновь, скрипя, стуча, давая постоянно переборъ, крутится совѣтская бюрократическая машина. Комиссара по приему дезертировъ окватило, послѣ сытнаго обѣда, красноречіе. Часовую рѣчь держитъ къ товарищамъ-дезертирамъ товарищъ-комиссаръ:

- "Какъ мать родная прощаетъ этотъ разъ вашъ несознательный поступокъ власть міроваго пролетаріата. Второй разъ прощенья не ждите, такіе да растакіе." - Говоритъ, упивается своимъ красноречіемъ. Слушаютъ дезертиры, поддакиваютъ, сознаютъ свою вину передъ міровымъ пролетаріатомъ, вѣрной службой готовы искупить свой грѣхъ. Сказалъ свою рѣчь комиссаръ, вспотѣлъ отъ усилія. Усталъ. Отдохнуть захотѣлось.

- "А ну, подходи, получай бумаги и маршъ по своимъ частямъ. Живо! Некогда мнѣ съ вами возиться." - Да и стоитъ-ли

дѣйствительно возиться? Ясно, что и ярились-то они только потому, что нѣтъ документовъ и не съ чѣмъ высказываться изъ съѣтой облавы. Стучатъ казенная печать по новому документу и выходитъ сознательный дезертиръ опять красноармейцемъ. Гладко прошло все и съ Николаемъ, только къ году рожденія придрался комиссаръ: — "Семнадцать лѣтъ? Какихъ не призвала."

— "Я доброволецъ. Былъ добровольцемъ." — Отвѣчаетъ Коля, называя кавалерійскую часть, гдѣ служатъ Михаилъ и Вася съ Федей.

— "Былъ добровольцемъ и сталъ дезертиромъ?" — Строго спрашиваетъ комиссаръ. Молча ороетъ Николай. Что скажешь?

— "Стыдно, товарищъ. Смотри, второй разъ прощенья не будетъ." — Щелкаетъ печать по документу. Крѣпко сжимаетъ руку спасительную бумагу. Вихремъ летятъ ноги по ступенькамъ лѣстницы. Полной грудью вдыхаетъ морозный воздухъ Коля, выбѣжавъ на улицу, оставивъ за собою и часового у выходной двери и бюро облавы и бюро дезертировъ. Ура! Да здравствуетъ свобода! Добился я освобожденія своею собственной рукой!

Быстро уступать свое мѣсто сумеркамъ холодные лучи декабрьскаго солнца. Поигравъ на снѣжныхъ сугробахъ, прячутся они за крышами домовъ, уходятъ за далекую синеву мѣся. Крѣпчаетъ морозъ. Срывающійся вѣтеръ бросаетъ съ крытъ въ прохожихъ горстями сухого, разсыпчатаго снѣга. Низкими, густыми тучами затягивается темнѣющее небо. Обѣщаетъ къ ночи людямъ при рода очередную снѣжную метелицу. Снѣжить по знакомымъ улицамъ Коля. Скорѣе явився въ полкъ, скорѣе кончить этотъ трюкъ съ дезертирствомъ, скорѣе пройти черезъ послѣдній этапъ неожиданно-счастливаго освобожденія изъ цѣпкихъ лапъ чрезвычайки.

— "Самое трудное осталось позади. Въ полку уже легче. Командиръ — старый другъ моего отца по Ялонской родинѣ." — Думаетъ онъ, подходя къ штабу полка. Черезъ сырые коридоры и пару комнатъ, занятыхъ писарями, наполненныхъ запахомъ махорки и стукомъ пишущихъ машинокъ, подъ взглядами, закутаныхъ въ шинели, шарфы, баллики, фигуръ, продолжаетъ Колю къ командиру.

— "А? Что? Дезертиръ?" — Взглянувъ на порванный документъ, спрашиваетъ командиръ полка. Затѣмъ внимательно прочитавъ бумагу въ упоръ взглянулъ на Николая. Чувствуетъ, стоящій передъ нимъ Николай, что куда-то вдаль унесла мысль сидящаго передъ нимъ командира. Далеко унесла. Далеко въ пространство и времени. Въ 1905 годъ, на Дальній Востокъ, унесла туда, гдѣ билась тогда Россіи не съ японцами, гдѣ орошали кровью Русскія границы, гдѣ былъ убитъ отецъ, стоящаго передъ нимъ Николая. Новыя невзгоды, новыя кровавыя картины несущейся впередъ суровой жизни, совсѣмъ затопили въ памяти и Портъ Артуръ и Ляонгъ и залитыя кровью Манчжурскія сани. Но выплылъ какъ-бы изъ небытія снитка боевого стараго товарища и

близкимъ стало прошлое, приобрѣло реальность, зреномъ соединилось съ настоящимъ. Приятливо смотря на Колю, спривкиваешь улыбаясь красный командиръ, какъ получилъ онъ эту бумажечку десертира.

— "Вы отлично знаете, какъ и я, что здѣсь въ полку вы не служили. Въ чемъ-же дѣло?" — И види, какъ смутился Коля, сейчасъ-же успокаиваешь:

— "Вы меня не бойтесь. Я помогу вамъ, какъ сыну моего бывшего друга. Вѣдь валь отецъ убитъ въ Японскую войну. Мы вѣстѣ воевали. Умирал, о васъ онъ думалъ. О смѣл. Да. И вотъ судьба васъ привела сюда, ко мнѣ. Я вижу, что въ чемъ-то надо вамъ помочь. Я помогу. Не бойтесь, милый мальчикъ." — Встаешь, подходитъ къ Колѣ, съ улыбкой хлопаетъ рукою по плечу. Подводитъ къ столу.

— "Садитесь и рассказывайте смѣло." — И рассказываетъ ему Коля, зачѣмъ и отчего онъ здѣсь. Съ улыбкой слушаетъ рассказъ начальника красной части.

— "Такъ, такъ. Ну, хорошо. Я васъ зачислил въ полкъ. Но только помните: всего, что вы мнѣ рассказали, я не знаю. Не знаете и вы меня. Я васъ беру. Сейчасъ я все устрою. Получите обмундировку и пока вы здѣсь спойте, по Псковѣ, я дамъ вамъ отпускной билетъ."

— "Ну это-же вѣдь просто счастье. Какъ дивно все случилось." — Почти смѣясь, думаетъ Коля, одѣвая сѣрую шинель и оставляя у каптера свои штатскія ломотья. Пятиконечная звѣзда на лбу. Въ карманѣ свѣжее удостоверение добровольца рабоче-крестьянской красной арміи. Изрѣдка только мелькаетъ въ душѣ какал-то горькая струйка, чувство не то угрызения совѣсти, не то стыда, но мысль сейчасъ-же пытается успокоить совѣсть: "Долго носить на лбу звѣзду не буду, послѣднее слово еще не сказано."

Ослѣпительно ярко скользить по чистому снѣгу своими первыми лучами далекое зимнее солнце. Неподвиженъ густой морозный воздухъ. Скрипитъ подъ полозьями санокъ разсѣчатый снѣгъ. Большія деревянные лопаты скребутъ тротуары, снѣга привести въ порядокъ улицы послѣ ночной метелицы. Холодно и морозно на улицахъ, не тепло и въ квартирахъ, но какъ-же хорошо и уютно подъ теплымъ, тяжелымъ одѣломъ въ за ночь согрѣтой кровати. Всю ночь не сомкнула глазъ Ирина. Пришла домой вечеромъ, промерзшая и со слезами, бросившись на шею матери рассказала объ исчезновеніи Коли, которого такъ и не дождалась. А когда легла въ постель, замелькали въ усталой головѣ кошмары, всю ночь не могла уснуть, думая о томъ, что случилось, какъ помочь, какъ выручить. Первые проблески разсвѣта пробивались въ комнату черезъ морозно-матовыя стекла двойной занавѣи рамы когда забылась, наконецъ, тяжелымъ сномъ Ирина. Нѣсколько разъ

подходила къ спящей Ирочьё мама, чтобы разбудить, напомнить ей о службѣ, но такъ и не рѣшилась нарушить ея крѣпкій сонъ. тихо въ квартирѣ, тепло и уютно въ постели. Веселыми лучами солнца развѣяны страшные ночные призраки. Бодростью и новыми силами замѣняютъ крѣпкій сонъ отчаяніе и усталость. Спи спокойно Ирина, ничего не случилось съ твоимъ Николаемъ. Проскочить онъ невредимымъ черезъ очередное препятствіе и съ первыми лучами солнца сдѣлать уже къ тебѣ, чтобы разсѣять въ твоёмъ сердцѣ ночные страшные кошмары. Не знаешь только снѣ, что ты осталась дома. Сдѣлать, чтобы захватить тебя на мѣстѣ твоей службы въ городской коммунѣ.

Холодно на улицѣ. Холодно въ квартирахъ. Сыро и холодно въ совѣтскихъ учрежденіяхъ. Пробѣжавшая по морозу Надежда, едва заглянувъ въ свой рабочій кабинетъ, сдѣлать шагъ къ строю согрѣться горячимъ чаемъ.

"Что-то запаздываю мой Ирина. Не заботилась-ли? Вчера была какая-то раскисшая." - думаетъ Надежда, глотая горячій чай бошедшей стороной тоже спрашиваетъ про Ирину: - "Какой-то тамъ красноармеецъ хочетъ видѣть."

"Красноармеецъ? Пускай зайдетъ сюда." - Опять судьба столкнула Надежду съ Николаемъ. Слѣдъ растерянности, неловкая молчанка.

"Теперь-то ничего она не можетъ сдѣлать." - Мелькаетъ мысль въ головѣ Николая.

"Ну, знаете, должно быть намъ судьба такая." - Протягивая руку, говоритъ онъ Надежда.

"Должно быть." - Отвѣчаетъ Надежда. На лицѣ улыбка, а въ мысляхъ цѣлый рядъ вопросовъ: "Красноармеецъ? А вчера? А обыскъ у моихъ родителей? А переходъ границы? А что-же Ирина, значить съ нимъ знакомы?"

"Скажите, можно видѣть мнѣ Ирину?"

"Ирины нѣтъ сегодня. Не пришла. Гольна должно быть."

"Въ такой морозъ не трудно простудиться."

"Да. Чего-то и вы замерзли. Хотите чаю?"

"Спасибо."

"Вчера я не успѣла вамъ сказать спасибо. Чего вы быстро такъ исчезли? Испугались? Я третій разъ встрѣчалась съ вами и каждый разъ на васъ другая форма. Пришлось расстаться съ корпусной шинелью?"

"Увы, пришлось. Но вы вѣдь тоже сняли кожаную куртку."

"Сняла, но мыслями осталась та-же." - сказала и не рада, что сказала. Почувствовала, что ударила въ большое мѣсто. Смутилась на минуту. Замолила. Но рѣшила выправить ошибку: - "Скажите, это вы читали мои письма къ мамѣ? Это вы сказали мамѣ, что я жива, здорова? Конечно, вы. Вотъ этого я

никогда вамъ не забуду. Спасибо вамъ большое." — Со смѣлымъ взглядомъ, милою улыбкой протягиваетъ руку. — "Спасибо."

— "Ну стойте-ли благодарить." — Смущенно возражаетъ Коля, а въ сердцѣ снова тучи. Скребеть по сердцу совѣсти, жметъ тѣло сѣрая шинель красноармейца. Не выдержать Надеждинаго взгляда. Улыбкой не охватить на улыбку.

— "Какъ видно я Ирины не дождусь. Придется къ ней зайти, узнать въ чемъ дѣло." — Улыль, одна осталась Надя. Опять какъ прежде, на станціи весной, такъ грустно стало сразу. И грустно и обидно: "Я думала, что въ Иричѣ нашла подругу. Но вижу, что глубокой рожь насъ разделяетъ. Баррикада. Вчера мнѣ не сказала, что знаетъ этого падеца. Молчала. Видимо боялась. А онъ? Сегодняшня наша встрѣча. Да, правда, можетъ быть сама я виновата, напоминаю про кадетскую шинель, но какъ-же сразу снѣж насторожился. Врага учуять. На разныхъ берегахъ стоимъ. Борьба. Мы или они. А что я сдѣлала Ирину?" — Грустно Емѣ, хочется друзей и нѣтъ друзей. Она. И сказки юности и дружба и любовь, все это тамъ, со старымъ миромъ. На этомъ берегу все вырвало изъ мыслей, какъ буржуазный предразсудокъ. — "Все это вздоръ. И дружба и любовь. Мирать. Чѣтъ ничего. Борьба кругомъ." Растерянно пытается установить порядокъ въ мысляхъ Надя, но все метаетъ проснувшаяся юность. — "Любить. Любить. Любить и быть любимой." — И кажется, что нѣтъ уже больше силъ идти впередъ, быть авангардомъ коммунистической, всемирной. — "Не падайте, товарищъ, крѣпче на ногахъ держитесь." — Мелькаетъ въ мысляхъ Нади, сказанная Колей фраза. И невольно улыбнувшись, шепчетъ Надя: — "Поскользнулась. Можетъ быть еще не разъ придется поскользнуться. Но не упаду, товарищъ Коля."

Ни зимняя стужа, ни выганы, ни снѣгъ не смогли остановить кровавую междоусобную распрѣ. Трещать по лѣсамъ и полямъ пулеметы, щелкаютъ винтовки, сверлятъ густой морозной гоздухъ снаряды орудій. Увязая по поясъ въ снѣгу бьются за гранду Рос сіяне другъ съ другомъ, злобой согрѣвая сердца, ненавистью питая души. На бѣломъ снѣгу, какъ на экранѣ, смѣняются картины этой жестоко-страшной, беспощадно-злойной гражданской войнѣ. Уже нѣсколько недѣль какъ Сережа на фронтѣ. Постоянный холодъ, усталость, ежеминутная опасность, вся эта полная нервнаго напряженія и лишений боевая жизнь, рѣдко перевернула страницу Сережинаго бытія. Въ сказочно-далекое прошлое ушелъ и теплый, уютный госпиталь съ его частями, бѣлыми стѣнами, съ мягкими кроватями, тишиной, разбѣренностью жизни. Въ сказочно-далекое прошлое ушелъ и мирно живущій городъ, со своими синама, магазинами, со своими домами, улицами, площадями. Въ сказочно-далекое прошлое ушла и милая сестрица Таня, благословившая на прощаніе Сережу иконкой, долго махавшая бѣленькимъ платочкомъ увозящему Сергѣя, поѣзду. Нѣсколько недѣль тому назадъ все это

было настоящим, сейчас это — прошлое. И какими-же нереальным, далеким прошлым стало все это на грубом фоне боевого бытия.

Тяжело храпится на печке семья крестьянина. Безпокойным сном, впопалку, не раздвигаясь, на бронежной напольной соломе спят боевые Сережини друзья. Не спится одному Сережѣ. Сидит у горячей печи, вслушивается в ночную тишину, уносится мыслями то к родным, то к Танѣ. Серебряный луч холодного месяца любовно заглядывает в пабиту народом крестьянскую избу. Отчетливо-ярко перемигивается в высоком морозном небе далекия звѣзды. Рѣзко нарушает предразсвѣтную тишину ночи одинокий винтовочный выстрѣл часового.

— "Скорѣ вставайте. Красные." — Тревожно будит спящих Сережа. Зашелестелась разожженная изба. Протирая сонные глаза, ругаясь, быстро выбѣгает из тепла на мороз бѣлые, спотыкаясь, проваливаясь в сибирские сугробы, провѣряя затворы винтовок, взглядывая в ночной полумрак. Через нѣсколько минут пунит вдоль всей деревни жестокая дробь винтовочных выстрѣлов. То там, то здѣсь строчат морозный воздух пулеметы. Раздаются стоны первых раненых. Начинается очередной жестокий бой за далекую правду. Кровь обгаряется разсыпчатый снѣг. Проклятиями, мольбой, стонами насыщается воздух. Покидать души смертельно искалѣченны тѣла. Зреломъ вскинувшего пожара освѣщается очередная злобная картинка земного человеческого бытия. Свѣтит-ли яркое солнце, блестя-ли серебряный мѣсяц, тает-ли снѣг, трещит-ли мороз на дворе, все равно не смолкает стрельба пулеметов, винтовок, наганов, все равно рвется в небо драпнель, все равно льется Русская кровь. Иногда так хотѣлось-бы вмѣсто усталости, вмѣсто нервной, тяжелой борьбы, напряженности, холода, голода, сырости, оказаться в теплѣ, в мягком креслѣ у печки, ощущать на себѣ свѣжесть чистаго бѣлья, спокойно спать ночи из уютной и теплой кровати, забыть этот страшный кошмар безпопалдной гражданской войны.

Уги! Сбоку строчить смертельную строчку красной пулемет. Съ противным свистом вырывают в снѣг винтовочныи пули. Зорко, напряженно, внимательно всматривается Сережа в кустарник, гдѣ зарылась в снѣг красная цѣль, откуда готовится вновь броситься в атаку, только что отброшенные назад авангарды мировой, коммунистической. Рядом с Сережей лежить в снѣгу маленькій Леля. Лежить уткнувшись в снѣг маленькій мальчикъ, крепко сжимает руками свой карабинъ, зорко-злыми глазами ищет очередную красную жертву.

— "Это за маму. Это за папу." — Щечутъ дѣтскія губы послѣ каждого удачнаго выстрѣла.

Пала разстрѣляная, мама замучена и звѣрски убита. Отъ милой, любимой усадьбы остались одни обгорѣлыя бревна. Не жить

бы и Петя на спѣтъ, если бы не подошли на выручку бѣжцы. Выбили красныхъ изъ богатой усадьбы, подобрали осиротѣвшаго Петю. Хотѣли сначала опиривать въ тылъ, но услышали мольбами четырнадцатилѣтняго мальчика, оставили въ полку. Командиръ было воспротивился, но потомъ махнулъ рукой: "Не первый, не послѣдній, козь судьба, такъ и сюда живой выйдетъ." Съ тѣхъ поръ маленькій кадетикъ Петя - доброволецъ, маскара попка. Лежитъ онъ въ снѣгу рядомъ съ Сережей, прижимаетъ къ плечу карабинъ, устремивъ свой зоркій взглядъ въ заспанннй снѣгомъ кустарникъ.

Спрятавъ голову за обледенѣлый кенъ, лежитъ въ сугробѣ, держа коченѣющими пальцами винтовку, красный Степанъ. Лежитъ, хоронител отъ бѣжнхъ пуль. Лежатъ рядомъ съ нимъ Иваны, Сидоры, Ефимы. Отвооевали они германскую войну, думали отдохнуть у себя въ избахъ, на горячихъ печкахъ, но пришлось опять воевать, опять бродить по дорогамъ, полямъ и лѣсамъ съ винтовкой и залпечнымъ мѣшкомъ, опять видѣть смерть, опять ежеминутно ждать смерти. Только что вмѣстѣ съ другими бѣжалъ Степанъ по снѣжному полю, кричалъ "ура", размахивалъ винтовкой. Сомѣнь было добѣжалъ до молчаливо лежащей бѣлой цѣли. Но въ послѣдннй моментъ застрочили пулемети, зацѣкали винтовки и разбѣглась красная волна атаки. Западали на снѣжнй снѣгъ окровавленные Иваны, Сидоры, Ефимы. Зарылись въ кустахъ отъ смертельнаго свинца немногге уцѣлѣвшге. Лежатъ, ждутъ, что дальше будетъ. Лежитъ за обледенѣлымъ кенемъ и Степанъ. Лежитъ, мерзнетъ, а мысли нѣтъ - нѣтъ, да и унесутъ его въ родную деревеньку въ знакомую, такую уютную избенку, гдѣ осталась его молодая жена, гдѣ растутъ два озорныхъ сынишки. И рисуется мысль заманчиво-радостную картину возвращеня: пролетарская власть награждаетъ героя, счастливый, гордый спѣшить въ свою деревню красный герой Степанъ, встрѣчаетъ его молодая жена, смотритъ съ уваженгемъ старики и бабы. Размечтался Степанъ, не замѣтилъ и самъ, какъ высунулъ голову изъ за кнн. Высунулъ изъ за кнн голову Степанъ, целкнулъ безжалостной пулей Петинъ карабинъ и не стало больше Степана.

"-Это за галу." - Шепчутъ Петини губы. Раскинутъ руки, лежитъ безжизненное тѣло Степана. Краснѣетъ снѣгъ около просверленной свинцомъ головы.

Мететъ холодной снѣжной пылью вѣтеръ. Безжалостно приканчиваетъ брошенныхъ въ сугробахъ раненныхъ. Малобно-кровожаднымъ завывангемъ отпѣваетъ очередннхъ покойниковъ. А въ далекомъ, чистомъ небѣ ярко свѣтитъ Вифлеемская звѣзда, свѣтитъ какъ и двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда вела волхвовъ на поклоненге родившемуся Святому Младенцу.

"-Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ, въ челоѣкахъ благоволенге."-

Слава въ вышнихъ Богу. Но нѣтъ ни мира на землѣ, ни въ человѣкахъ благоволенія. Безжалостно косятъ свинець и желѣзо. Въ прахъ обрабатывается изъ праха созданные люди. Страшнымъ узоромъ могильныхъ крестовъ покрывается неумолимая судьба Русскую Землю.

Проваливаясь въ глубокой снѣгъ бредеть Сережа съ болями друзьями на огонекъ, пересѣкая надрывныхъ поли. Бѣда живою отъ холода, усталости, истощаетъ послѣднія силы, чтобы не свалиться здѣсь-же въ сугробъ. Маленькаго Петю только что увезли на перевозочный пунктъ съ тяжелой раной въ животъ. Въ атаку на красныхъ бросился доршанъ, первый и упалъ на снѣгъ. Вынесъ его на рукахъ Сережа, уложилъ съ помощью санитаровъ сани и увезли деревенская лошадейка чернотого созвонилъ мальчика въ тылъ. Выживетъ-ли? Спасутъ-ли? Грустно, съ тяжелыми мыслями бредеть Сережа. Мелькаютъ въ гололѣи отрывки прошлаго, всплывающіе изъ глубины въ эти святые Рождественскіе вечера. Корпусъ. Друзья-кадеты. Веселый праздникъ. Богато разукрашенные елки. Черные, чистые гимны анной любви. Все было. Но нѣтъ ничего. А вотъ звѣзда все также свѣтитъ въ небѣ. Все также день снѣняетъ ночь. Все также ищутъ люди счастья, все также бьются, ненавидятъ, умираютъ... Въ роскошныхъ храмахъ, въ маленькихъ церквяхъ, все также молятся, все также просятъ мира помощи въ дѣлахъ, победы другъ надъ другомъ...

"Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе." — "Рождество Твое Христе Боже намъ."

Бѣлыми огоньками мелькаютъ, переливаются въ полумракѣ горяція передъ иконами свѣчи. Шепчутъ святую молитву уста стоящей на колѣняхъ Тани: — "Господи спаси и сохрани Сережу." Шепчутъ святую молитву, стоящая на колѣняхъ Таня, а за сотни верствъ отъ нея въ такой-же церкви, передъ освѣщенными лампадами лицами святыхъ, горячо со слезами молится за Николая Ири — "Боже, милый Господи, спаси."

Медлитъ безъ сознания въ тяжеломъ бреду вторую недѣлю Николай. Лежитъ больной снѣжнымъ тифомъ. Стоматологъ бѣлозубый спрятавшись въ складкахъ красновармейской шинели вразны вши. Не долго поносить Николай красную звѣзду на плечу. Какъ заболѣлъ и самъ не замѣтилъ. Немного знобило, чувствовалъ слабость, думалъ — простуда, пройдетъ, а кончилось тѣмъ, что потерялъ сознание на улицѣ и оказался въ больницѣ. Холодно за окномъ больницы. Холодно въ палатахъ. Мерзнуть руки у сестеръ и санитаровъ, но горитъ нездоровымъ огнемъ Коммуна тѣло, заперлись воспаленныя губы, мучить неутолимая жажда. — "Боже, Господи спаси." — Молится за Колю Ири.

Велика Земля Россійская, нѣтъ числа церквамъ, какъ нѣтъ числа и горѣ и страданіямъ. Нѣтъ и счета къ небесамъ несудимыхъ молитванъ.

Стонь, умирающихъ, съ полей сраженія, проклятiя озлобленннхъ, молитвы кропкихъ сердцемъ, несутся къ Богу, къ Всемогущему Творцу, несутся съ грѣбной земли къ небу.

Грустные праздники. Нѣтъ радости, счастья, улыбки. Горе, заботы, страданiя сынеетъ изъ праздничной торбы на землю, вмѣсто подарковъ, стертый Рождественскiй Дѣдъ. Но традицiя сильна. Не легко вытравить изъ сердца обычай. Наперекоръ всему стремятся бѣдные люди отпраздновать, отмѣтить эту ночь рожденiя Безгрѣбнаго Младенца.

Густой, холодный туманъ нависъ надъ городомъ. Плотнымъ матовымъ слоемъ причудливыхъ узоромъ зашлупаны стекла витринъ пустыхъ магазиновъ. Съ маленькимъ сверткомъ въ рукахъ спѣшитъ Надежда въ больницу. Спѣшитъ узнать миновалъ-ли кризисъ, прошла-ли смертельная опасность для больного Николая. На первый разъ идетъ она въ больницу, но всегда случалось такъ, что кто то уже тамъ сидѣлъ у этой койки, на которой такъ тяжело, такъ мучительно вѣдетъ борьбу со смертью Коля. Сегодня — никого. Должно быть еще рано. Подходить къ койкѣ тихо Надя. Тревожно всматривается въ больного.

— "О нѣтъ. Не надо. За что? Не надо." — несвязно бредитъ Коля. — "Не надо. Нѣтъ на ней ни кожанной куртки, ни нагана. Не смѣйте. Надя ты не бойтесь, это наши." — Затѣмъ мнугное сознанiе и слабый голосъ:

— "Здравствуйте. Спасибо, что зашли. А Ирочка?"

— "Ирочка зайдетъ позднѣе. Ну, какъ, тамъ лучше?"

— "Да, кажется, немного лучше. Только все боюсь, что не успѣю. Что уйдутъ, опять меня оставятъ. Ну да, уходять. Скорѣй винтовку." — И снова бредъ. Въ бреду Ирина, Надя, мама, ч.к., разстрѣлы. Все смѣшано въ несвязную, но страшную картину. Сестра тихонько проситъ Надю выйти:

— "Оставьте одного. Всю ночь метался, бредилъ мальчикъ. Но, кажется, проходитъ кризисъ." — Глазами обласкавъ больного, выходитъ Надя снова на морозъ. И радостно на сердцѣ: въ бреду о ней онъ говорилъ, спасалъ, пытался задикить. Немного сказано, да и въ бреду, но весело въ душѣ у Нади. Безсмертная любовь опять проснулася, напомнила о радости и счастья. — "Любить, возможно, что уже люблю. Но быть любимой?" — Мелькаетъ мысль и сейчасъ-же туча закрываетъ радость: — "Ирину, не меня онъ любитъ." — И нѣтъ ужъ солнечнаго дня. Исчезъ волшебный замокъ, реальный мiръ безжамостно разружилъ едва родившюся въ сердцѣ грезу. И дома, прiютившись къ теплой печкѣ, сидитъ передъ раскрытой книгой, а мыслями все тамъ, въ больницѣ: "Навѣрное пришла къ нему Ирина. Счастливая. Ну что-жъ. Пускай. Передо мной лежитъ совсѣмъ другая, новая, широкая дорога. Верьба за лучшiй мiръ. Я добровольно выбрала свой путь. Сгорѣтъ въ борьбѣ, отдаться безъ остатка. Пустъ ослабляется мѣшан-

скимъ счастьемъ." -- Задумалась, разсѣянно глядя въ окно. Мелькаютъ за окномъ идущіе по тротуарамъ люди, скрипятъ полозья санокъ, шумитъ вечерней жизнью городъ. Возвращаясь изъ больницы, радостно слышитъ Ирина подѣлиться своей радостью съ Надеждой. Только что была у Коли, кризисъ миновалъ, сказалъ ей докторъ. -- "Ой, какъ я рада, милая Надежда." -- Присаживаясь къ печкѣ, говоритъ Ирина. Смотритъ Надя на счастливую подружку и никакъ нельзя узнать по взгляду, что у ней на сердцѣ, въ мысляхъ, на душѣ.

"Ну, если такъ, ты тоже можешь съ нами встрѣтить Новый годъ. Не правда-ли, ты тоже будешь съ нами?"

"Да, я теперь могу, развѣ колѣ лучше. Тогда я прихожу къ тебѣ и отъ тебя пойдемъ ужь вмѣстѣ."

Вечеромъ, подъ Новый Годъ, въ одномъ изъ пикарныхъ, реквизированныхъ особняковъ, собрались першители судебъ города, на веселую, разгульную пирушку. Яркимъ свѣтомъ залиты комнаты. Бѣлоснѣжными скатертями покрыты столы. Фарфоръ, хрусталь, серебро. Зеркала, мягкія кресла, диванн. Заглушающіе шумъ лаговъ ковры. Смѣхъ, шутки, жесткія остроты, разгульная пѣснь. Батарей бутылокъ съ дорогими винами, ликерами, шампанскимъ. Изобиліе изысканныхъ закусокъ.

Рядомъ съ Ириной сидитъ красавецъ Алексѣй. Немало жизни отправлено имъ съ земли на небо.

"Смерть капиталиста, товарищи! Душегубомъ считаютъ! Пускай считаютъ. Какія-тамъ души. Буржуазные предрассудки, а не души. Съ Новымъ Годомъ, товарищи! Съ новыми побѣдами пролетариата!"

Выпила и Ирина нѣсколько бокаловъ шампанскаго и съ непривычки да и отъ постоянного недожденія закружилась голова. Сидитъ въ креслѣ, а чувствуетъ словно плыветъ по волнамъ. Мутно, какъ призракъ, расплываются въ туманѣ табачнаго дыма лица окружающихъ. Идѣ-то вдалекѣ видно лицо Надежды, веселой смѣющейся, возбужденной.

"Боже! Куда я попала? Куда меня завела Надежда? Неужели я пьяная?"

Медными глазами смотритъ хмельной Алексѣй на Ирину. Избалованный женщинами, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ, отмѣчаетъ въ умѣ очередную жертву. Мысленно раздѣляетъ, ласкаетъ обнаженное тѣло дѣвушки, ставшей для него желанной.

"Вы, конечно, разрешите довести васъ до дому." -- Наклоняясь къ ней, говоритъ съ улыбкой.

"Я возвращаюсь съ Надей."

"Захватимъ и Надю съ собой." -- Но когда начали расходиться, очутилась Ирина одна въ автомобилѣ Алексѣя. Ждала Надю, звала, искала, но исчезла Надя. Уѣхала съ пѣлой компаніей на развалинахъ освѣжиться быстрой ѣздой по морозу. Ярко

горят холодныя звѣзды предразсвѣтнаго неба. Безшумно несется по пустынным улицамъ автомобиль. Въ полуснѣ, одурманенная непривычно шумнымъ вечеромъ, разгуломъ, крѣпкими винами полужелитъ на убавкиающемъ сидѣннн Ирина. Рядомъ съ ней Алексѣй. Сильныя руки пробуютъ обнять хрупкое тѣло. Мадныя губы, обдывая пьянымъ перегаромъ, обжигаютъ щеку дѣвушки.

- "Что съ вами? О, нѣтъ. Оставьте. Не смѣйте!"

- "Не буду, не буду." - Улыбается Алексѣй.

- "Я дальше не йду. Остановите машину."

- "Да бросьте. Сказали, что не буду. Эхъ, вы, кисейная барышня. Сильны еще въ васъ предразсудки стараго режима."

Говоритъ, успокаиваетъ, а ночная темнота скрываетъ самодовольную, плотоядную улыбку здороваго самца: попалась дѣвочка, теперь не выскокнть.

У подъѣзда одной изъ лучшихъ гостиницъ города мягко тормозитъ машина, улыбающійся Алексѣй услужливо открываетъ дверцу, предлагая руку удивленной Ирине.

- "Пожалуйста забудьте мою наглость. Прощу на пять минутъ ко мнѣ. Передъ развѣдомъ по домамъ все собираются ко мнѣ, чтобы еще разъ вмѣстѣ выпить за счастье, Новый Годъ, за мировую."

- "Нѣтъ, я не могу. Спасибо."

- "Оставьте ваше немогу. Идемте. Вѣроятно все уже собрались. Надежда здѣсь навѣрно васъ уже ждетъ. На пять минутъ." - По полусвѣдненнымъ лѣстницамъ идетъ Ирина вмѣстѣ съ Алексѣемъ. Тяжелое предчувствіе зоветъ назадъ, но нѣтъ ни силъ ни воли, чтобы остановиться. Въ тяжелой головѣ отрывки, проблески, сознанія сейчасъ-же глушитъ алкоголь: "Чего-же бояться? Сейчасъ увижу Надю и съ нею вмѣстѣ буду возвращаться."

Увы! Едва переступивъ порогъ открытой Алексѣемъ двери, почувствовала Ирочка обманъ: ни Нади, ни веселой компаніи. Дикимъ звѣремъ, готовящимся къ прыжку на избранную жертву, стоитъ у двери Алексѣй. Налиты кровью хмельные глаза.

- "Пустите!" - Бросается къ выходу, разгнѣванная, наконецъ, Алексѣя Ирина. Но... Но закружилось все кругомъ въ вихрь, въ борьбѣ, въ безнадежномъ для нея поединкѣ, псединкѣ между охваченнымъ страстью самцомъ и слабенькой, безпомощной жертвой. Жестоко выворачиваются, ожазывляющія сопротивленіе, руки дѣвушки. Безжалостно срывается одежда. Скользятъ по обнаженному тѣлу грубыя лапы самца... И когда слабыя, черные проблески зимнаго разсвѣта несмѣло заглядываютъ въ комнату, они застаютъ въ ней лемащую безъ сознанія, опозоренную Ирину и спящаго пьянымъ сномъ насытившагося самца. Медленно возвращается сознаніе къ бѣдной Ирине. Въ налитой свинцомъ головѣ тяжело пробуждается мысль: "Гдѣ я? Что случилось? Поже, что со мною?" И быстро, какъ молнія, ярко какъ вспышка магнія, мелькаетъ страшная картина ужасной ночи. - "Конечъ. Все. Кончена жизнь."

Съ безнадежнымъ конугомъ лепчуть запекшіяся губы. Горячія слезы туманять, заливаютьъ глаза. Болитъ, поетъ опсороенное тѣло. Тяжело стучитъ разогнованное сердце. — "Конецъ. Остаешься жить такимъ не могу. Все кончено. Прости, прощай мой милый поля. Конецъ. Умру, но не уйду одна изъ жизни." Спитъ пьянымъ, крѣпкимъ сномъ Алексѣй. Не слышитъ, какъ востаетъ Ирина. Не видитъ съ какой безпощадной рѣшимостью смотритъ на него ея глаза. Крѣпко спитъ Алексѣй и не снится ему, что маленькой, хрупкой, безпомодной вчера Ириной подписанъ ему смертный приговоръ. Не видитъ, какъ слабыя, трясущіеся руки опозоренной имъ дѣвушки наводятъ на него его-же собственный нагонъ. Секунда колебанія и рѣзко раздается надъ самымъ ухомъ Алексѣя выстрѣлъ. Быть Алексѣю и не стало больше Алексѣя: смертный приговоръ приведенъ въ исполненіе.

Первые, неувѣренные лучи далекаго солнца, пробиваясь сквозь тучи, освѣтили угрюмыя стѣны доновъ. Первые, мзурные пѣхходы ежась отъ холода, появились на обледенѣлыхъ тротуарахъ. Дребезжа задригались трамваи. Выстрѣлъ съ розовой зарей начали взрывать въ комнату утренніе шумы пробуждающагося го рода. Приведя въ исполненіе смертный приговоръ, обезсиленно сидитъ на диванѣ Ирина. Мертвой блѣдностью покрыто лицо. "Что же никто не идетъ? почему-же не домятся въ двери? А зачѣмъ я сижу?" — Въ тяжеломъ полузабытіи, дрожащими руками одѣвается Ирина и, не взглянувъ на грусть Алексѣя, выходитъ изъ страшной комнаты. Шатаясь, спускается съ лѣстницы, выходитъ на свѣжій морозный воздухъ, машинально идетъ по улицѣ. "Куда теперь?" Обращиваются встрѣчные, подозрительно поглядывая на пачкающуюся, неувѣренно идущую Ирику. — "Ишь, загуляла, красавица. Видно весело встрѣчала Новый Годъ." — Мерзнуть на холодѣ руки. — "Ахъ, да. Забыла перчатки и сумочку. Ну, да теперь все равно. Зачѣмъ мнѣ все это?" — Въ головѣ несвязно, но ясно мелькають картинки прошлаго: работа на огородахъ. Комы, осенніе вечера, мама, Олегъ. — "Боже, какъ неожиданно рѣзко и грубо обрывается Ты мою жизнь." — Скользятъ по холоднымъ цѣкамъ горячія, горькія слезы. Болитъ приравненное каленитъ сердце, но рѣшительно сжатія губы какъ-бы командуютъ: — "Отступленія нѣтъ." — Для другихъ и завтра будетъ жизнь, будетъ солнце, будутъ радости и горе. Но не будетъ ничего для бѣдной, раненой смертельно юной Ири. Предразсудки? Вуржузнал мораль? Пусть называютъ это кто какъ хотятъ. Не въ названіи дѣло. Для Ирины это вѣки чести. Такъ воспитана, такую вступила въ жизнь, такъ прошла короткій путь по жизни. Для нея не можетъ быть иначе.

Крики мальчишекъ, слѣдующихъ распродать свѣжій выпускъ газеты, смета обывателей, заботы о хлѣбѣ насущномъ, все стало далекимъ, чужимъ, нереальнымъ. Завтра ничего этого не будетъ.

И самого "завтра" не будет. Ничего не будет. Будет смерть. Ах, если-бы ты знала, мама, что задумала твоя любимая дочурка! Если-бы ты только знала, почему, едва сказав тебе "здоровствуй", возвратившаяся Ирочка укрывалась в свою комнату. Тихо в комнате. Размёрзленно отсчитывается время маленький будильник. — "Некого будить ему уж будет завтра. Не разбудить." — Промелькнула мысль и холодная волна прошла по тѣлу. Тяжелым, гнетущим туманом покрыто сознание. Растерянно-испуганная мысль безнадежно-робко ищет выхода. Идет и не находить. Нѣтъ выхода. Сдвѣтъ выходъ — смерть. Дрожащая, холодная руки готовят в стаканѣ ядовитую жидкость. Горькія слезы прощанія съ жизнью текутъ по лицу. Незвязанная мысль въ послѣдній разъ спѣшит облетѣть, схватить, воспроизвести картины прожитаго, пережитаго на этой злой, грѣшной землѣ. — "Скорѣй, скорѣй." — Шепчетъ разбитая жизнью Ирина. Трусотся руки, поднося къ губамъ ядовитый стаканъ. — "Прощайте. Конечно. Конечно." — Какъ скошенная острою косою былинка, какъ срубленная топоромъ березка, падаетъ отравленная ядомъ Ира на низенькій диванъ, гдѣ такъ еще недавно строилась съ любимыми волшебны сказочные замки. Исчезли замки. Ушла изъ жизни Ира. Будутъ слезы, будетъ горе, будутъ и молитвы о грѣшной рабѣ Ложіей Иринѣ. Но ничто уже ее не воскреситъ. И только лишь маленький холмикъ на кладбищѣ скажетъ о томъ, что жила на землѣ юная дѣвушка Ира и что жестокая судьба для какой-то, непонятной людамъ, высокой справедливости лишила ее радости и счастья и раздала тяжестью, возложеннаго на плечи, креста.

Долго скрывали отъ выздоравливающаго Николая трагическую смерть Ирины. Но наступилъ моментъ, когда пришлось сказать. Выслулавъ изъ устъ матери страшную повѣсть, пролежалъ Николай нѣсколько дней, не желая никого видѣть, пролежалъ молча, глубоко уйдя въ себя, тоскуя по милой, любимой Иринѣ. навѣщали его и мама, и Лели, и Миша, и Вася, и Федя, но молча встрѣчали ихъ Николай, молча провожалъ глазами, когда уходили. Однажды вечеромъ, когда сѣрѣя сумерки уследили мѣсто черной ночи, когда вмѣсто яркаго солнца тускло горѣли въ палатѣ запыленные электрическія лампы, зашла къ Николаю Надежда. Подошла, присѣла на краешкѣ стула.

— "Вы?" — Удивился Николай.

— "Да." — И задрожали рѣсницы, и заблестѣли слезинки.

— "Коля, я знаю, что считаешь меня виноватой. Я пришла, чтобы только сказать, что это неправда. Неправда!" — И нѣтъ больше словъ. Однѣ слезы. Угромо молчатъ Николай. Не все-ли равно, виновата она или нѣтъ. Ничто не воскреситъ Ирины, никто не возвратитъ любимой. Молчатъ. Мелко сжаты губы. Глаза не видятъ плачущей Надежды. Дежурная по палатѣ сестра обрываетъ тяжелую встрѣчу: пора уходить. Съ тяжелымъ сердцемъ

поднимается Надежда:

- "Прощайте, Маша."

- "Прощайте, Надя. Не плачьте. Я вас ни в чемъ не обвиняю. Вы всё подь Богомъ ходимъ." -- И снова мысль возвращается къ Иринѣ, къ прогному, такому близкому и ставшему такимъ невозвратимымъ. И первый разъ еще несмыслимый ропотъ ссызается съ души и мчится къ небу, къ Богу. Горитъ нездоровымъ огнемъ голова. Стучить тяжело въ груди ослабленное и болѣзненно и тяжелымъ горемъ сердце.

Только въ началѣ марта, когда весело журчали ручейки полные талаго снѣга, когда ласково грѣло солнце и синяя даль такъ манила и звала къ себѣ, кончилось тяжелое лѣтніе Николая въ больницѣ. Радостно встрѣтили его дома. Окружили заботами. Мама ласкала любимого сына, но ничто не могло засчастить забыть тяжелую потерю. Образъ Ирины, милой, бѣдной души все время стоялъ передъ глазами. И однажды, когда за лѣсомъ приоталось солнце и свѣжесть вечера слѣнила телами дель, сказалъ Николай мамѣ о своемъ рѣшеніи бѣжать изъ города, уйти, обратиться къ бѣлымъ.

- "Ты знаешь, милая, быть можетъ я за это и наказанъ. И самъ наказанъ и другіе пострадали. Исгибла и Ирина, за то, что я хотѣлъ, мечталъ о личномъ счастьи, когда кругомъ борьба и люди, и люди стали звѣри. Вѣдь ты сама, моя любимая, поймешь, что было-бы не честно сидѣть за спинами другихъ. Я долго думалъ. Я рѣшилъ. Благослови меня, родная." -- Въ слезахъ прижалась мать къ груди родного сына,

- "Христосъ тебя благословить, мой милый мальчикъ. Ты знаешь самъ, какъ тяжело мнѣ. Но какъ я смѣю. Но развѣ смѣю? О, нѣтъ, мой милый. Я понимаю, иди. И да хранить тебя Господь."

- "Прощай, родная. Не грусти. Дастъ Богъ не долго будетъ это продолжаться. Я уйду, но только пусть никто не знаетъ, куда иду. Ни Леля, ни другіе."

И вновь уходитъ изъ родного Пскова Николай. Опять въ водоворотъ, въ будущій потокъ борьбы несетъ его судьба, несетъ туда, гдѣ тысячи такихъ, какъ онъ, коверкаютъ и души и тѣла во имя будущаго счастья, во имя чести, во имя справедливости и правды, во имя рая на землѣ...

Н.Ф.

Конецъ первой части.

Знаменный парадъ.

Ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ былъ тотъ день когда Тсковскій Кадетскій Корпусъ переживалъ большое историческое событіе: 20 февраля 1906 года корпусу было пожаловано знамя.

Этотъ эпизодъ изъ жизни корпуса должны хорошо помнить многіе его участники. Нѣтъ сомнѣнія, что и многіе изъ нихъ могли-бы блестяще описать и дополнить это важное историческое событіе. То что я хочу рассказать, далеко не полно и, конечно, не можетъ претендовать на литературную оцѣнку, но разъ, волею судьбы, этотъ рассказъ появится въ печати, я надеюсь, что читатели отнесутся снисходительно къ встрѣченнымъ недочетамъ.

Собственно говоря, дѣло не въ литературной цѣнности изложенія, а скорѣе въ цѣнности и прелести дорогихъ воспоминаній. Многія характерныя и интимныя стороны кадетской жизни могли пройти незамѣченными или просто забыты современниками и моя цѣль о нихъ напомнить.

Церемонія передачи знамени происходила по общепринятымъ во всей арміи правиламъ, въ данномъ случаѣ корпусъ полностью приравнивался къ войскамъ и весь ходъ этой церемоніи не отличался отъ общепринятаго порядка. Все торжество распалось на двѣ части: первая — такъ называемая прибавка знамени, происходила въ помѣщеніи первой роты за день до парада, вторая — молебень, освященіе знамени и передача его корпусу происходила въ манежѣ 93 пѣх. Иркутскаго полка. Третья, неофициальная часть — парадный обѣдъ. Слутно вспоминаю, что вечеромъ того-же дня былъ парадный спектакль въ Мушкинскомъ домѣ, но я не увѣренъ было-ли это. Въ 1906 году нашъ, въслѣдствіи ХХІХ, выпускъ былъ въ третьемъ классѣ корпуса.

Мы только недавно вернулись въ корпусъ послѣ Рождества, когда начали ходить слухи о томъ, что корпусу пожаловано знамя. Говорили о Великомъ Князѣ Константйнѣ Константиновичѣ о парадѣ, мы репетировали "Фронтъ" и строй, пригнали новые мундиры. Волненій было много, время быстро летѣло и скоро наступило 19 февраля 1906 года.

Великій Князь, Главный Начальникъ военно-учебныхъ заведеній, прибылъ въ корпусъ, но мы Его еще не видѣли и намъ было объявлено, что около 6-ти часовъ вечера будетъ въ помѣщеніи I-ой роты церемонія прибавки знамени. Къ этому часу всѣ кадеты были выстроены вдоль стѣны, гдѣ были двери въ классныя помѣщенія, имѣя впереди 4-ую роту, какъ самую маленькую. Дежурный офицеръ-воспитатель I-й роты нервно ходилъ около входа въ помѣщеніе роты, ротные командиры осматривали и выравнивали роты въ затюлокъ. Скоро все было готово. Большой ротный

заль былъ залитъ электрическимъ свѣтомъ, электрическое освѣщеніе было тогда повинкой и зажигалось только въ дни баловъ и торжествъ для первой роты.

Роты были выставлены такъ, что передъ классными дверями седьмого класса оставалось пространство, гдѣ стоялъ столъ покрытый краснымъ сукномъ и на немъ лежало еще огернутое на древкѣ съ золотой оковкой знамя. Рядомъ на серебряномъ блюдѣ лежалъ молотокъ и орденные гвозди. Молотокъ былъ особый, фигурный, говорили, что онъ былъ серебряный.

Но вотъ часы надъ дежурной комнатою пробили 6 и внизу, далеко, по устланной краснымъ ковромъ лестницѣ, послышались шаги и голоса. Еще моментъ и на площадкѣ 1-ой роты появилась большая группа офицеровъ, направившаяся къ открытымъ дверямъ. Раздалась команда, дежурный офицеръ мѣрными шагами пошелъ навстрѣчу и Великій Князь Константинъ Константиновичъ переступилъ порогъ помѣщенія 1-ой роты.

Независимо отъ причины и цѣли посѣщенія, когда Великій Князь появлялся передъ фронтомъ кадетъ, всегда сама собой создавалась торжественность. Не надо было ни рѣчей, ни привѣтствій, ни спеціальной помпы, все исходило отъ царственнаго и исключительно привѣтливаго облика Великаго князя.

Поздоровавшись съ ротами, Великій Князь прошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ столъ со знаменемъ, около котораго уже задолго до этого собрался весь педагогическій и административный персоналъ корпуса.

За Великимъ Княземъ шелъ директоръ корпуса генераль-майоръ Владиміръ Александровичъ Шильдеръ, отчетливая, военная осанка котораго дѣлала его блестящимъ представителемъ корпуса, а служба его на посту директора является и понынѣ самымъ свѣтлымъ періодомъ въ нашей исторіи. Онъ началъ службу Лейбъ Гвардіи въ Семеновскомъ полку. Вся карьера этого гйдающагося генерала показала его исключительныя качества военнаго педагога и руководителя. Въ этомъ-же году генералъ Шильдеръ былъ назначенъ командиромъ Л.Гр.Семеновскаго полка, а вскорѣ затѣмъ директоромъ Лажескаго Корпуса и Императорскаго Лицея.

Подойдя къ столу со знаменемъ, Великій Князь поздоровался со всѣми присутствовавшими и взявъ молотокъ ударилъ по одному изъ гвоздей, положивъ этимъ начало всей церемоніи. За Великимъ Княземъ подошелъ директоръ корпуса, а за нимъ по очереди всѣ офицеры и преподаватели, за ними кадеты, начиная съ вице-фельдфебеля и кончая самымъ маленькимъ кадетомъ 4 роты, за кадетами шли всѣ наши старики сверхсрочные унтеръ-офицеры капернамусы и барабанщики, каждый ударивъ молоткомъ по гвоздю, дѣлалъ поклонъ Великому Князю и мѣрными шагами возвращался на свое мѣсто. Этимъ закончилась церемонія прибавки, а на слѣдующій день состоялась церемонія освященія и передачи знамени корпусу.

Наступило утро 20 февраля 1906 года. Пока городъ проспался къ новому дню, въ стѣнахъ корпуса уже все ожило. Уже Василий швейцаръ облачился въ парадную красную ливрею, служителя быстро работая щетками, наводили послѣдній лоскъ на уже блестящій изразцовый полъ швейцарской. Красные ковры побѣжали лентой вдоль ротныхъ лѣстницъ вправо и влево. На длинной вѣшалкѣ, противъ учительской, виситъ рядъ офицерскихъ пальто, поблескивая золотомъ погоны съ бѣлымъ корпуснымъ кантомъ.

Медленно и важно, сознавая свое достоинство, парадный Василий подошелъ къ круглымъ звонкамъ. Медленно круглые часы надъ дверьми начали бить семь, въ этотъ самый моментъ громко во всѣхъ четырехъ ротахъ зазвонили звонки. Какъ встревоженный муравейникъ, всѣ 450 кадетъ пробудились къ новому, полному волненія, дню. Имъ предстоятъ походъ, молебень, парадъ, праздничный обѣдъ и, конечно, отпускъ. Дѣла было много, вносушненіе было назначено на 10 часовъ утра.

Въ длинныхъ освѣщенныхъ столовыхъ на покрытыхъ бѣлыми скатертями столахъ стояли выравненными рядами наши бѣлые фарфоровыя кружки съ темно-зеленымъ "П.К.", а около нихъ лежали свѣжія, еще теплыя, французскія булжы... Буфетчики разбирали мѣдные блестящіе чайники...

Круглые часы во всѣхъ четырехъ ротахъ, въ буфетной, лазаретѣ, учительской и въ десяткѣ другихъ мѣстъ громаднаго зданія начали бить 9 ударовъ. Въ обычный день кадеты сидѣли бы въ 16-и классныхъ комнатахъ, въ физическомъ, химическомъ, естественномъ и рисовальномъ классахъ. Въ этотъ день всѣ эти помѣщенія были пусты, зато изъ уборныхъ, умывалокъ, спаленъ и ротныхъ залъ далеко разносился гулъ молодыхъ голосовъ. Толпы кадетъ стояли передъ цейхгаузами, гдѣ съ серьезнымъ видомъ наши солидные каптенармусы выдавали галуныя мундиры, мѣняли носовые платки и строго ворчали на нетерпѣливыхъ.

Кадеты чистили сапоги, пуговицы, бляхи, а въ старшей строевой ротѣ протирали и осматривали винтовки, одѣвали подсумки. Многие уже готовы и во всемъ блескѣ парадной формы стоятъ передъ зеркалами, критически оглядывая свое парадное отраженіе. Одинъ за другимъ, въ пальто и бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, появились офицеры-воспитатели. Немного до 10 часовъ длинная змѣйкой ротъ поволокла къ главному выходу на Губернаторской улицѣ. Вотъ роты вдвоили ряды и подъ красивой, бодрой маршъ одна за другой стали выходить на середину улицы.

Походъ начался. Путь былъ парадный. Рѣдкіе прохожіе съ любопытствомъ смотрѣли на строй кадетъ и, какъ всегда было во Псковѣ, одобрительно провожали глазами, заходящія правымъ плечемъ на Сергіевскую улицу, кадетскія роты. Вотъ пересѣкли Застѣнную улицу и проходятъ черезъ проломъ въ древней стѣнѣ 1510 года. Здѣсь были когда-то древнія Сергіевскія ворота. Твердо отбивая шагъ, выходятъ роты на Кохановскій буль-

гарь, въ концѣ котораго цѣль похода: расположеніе 93 пѣхотнаго Иркутскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича полка. Противъ безконечнаго фронта казармъ полка было обширное военное поле и у его края длинное зданіе полкового манежа. Зданіе это выходило узкимъ фасомъ на бульваръ и въ этомъ-же концѣ его помѣщалась полковач церковь съ маленькой колокольней на крышѣ. Если открыть многостворчатыя двери церкви, всѣ полкъ, собравшись въ манежъ, могъ слушать церковную службу.

Мы уже подходили къ манежу, когда насъ обогналъ быстро несущійся парный выѣздъ директора корпуса. Зарывал и разбрасывая снѣгъ, подъ синей сѣткой, торопимъ ходомъ промелькнули воронье коки. Это была Великій Князь и директоръ корпуса.

Великій Князь еще до нашего подхода къ манежу прослѣдовалъ въ полковую церковь. Бравые унтеръ-офицеры растворили калитки бокового входа въ манежъ, куда медленно стягивались роты. Входъ былъ узкій, не хотѣли холодить протопленный манежъ. Скоро всѣ вѣшалки вдоль стѣнъ манежа наполнились черными шинелями. Словно шорохъ листьевъ въ осеннемъ лѣсу, нарасталъ говоръ и шорохъ гравія на плотно убитомъ земляномъ полу когда роты, уже въ мундирахъ, занимали назначенныя мѣста.

Ярко блестятъ начищенные бляхи и пуговицы и эффектно краснѣтъ, отливая золотомъ галуновъ, линия кадетскихъ воротниковъ. Полукруглыя у верхняго края, трехжакетныя окна громаднаго манежа скупо пропускаютъ, изъ за частыхъ переборокъ, голубовато-сѣрый свѣтъ зимняго дня, что придаетъ торжественность всей обстановкѣ. Въ этомъ мистическомъ освѣщеніи способствовали настроенію и длинные ряды бѣло-красныхъ цитовъ, висѣвшихъ въ простѣнкахъ между окнами, многолѣтняя полковая слава. Вся исторія полка была написана на этихъ щитахъ: Силестрія, Варна, Рудукъ, Шинка, Татарница, Варшава... Имена кавалеровъ, павшихъ въ болахъ... Красный коверъ, аналой и красныя ковровыя дорожки къ церкви, все это вмѣстѣ взятое говорило о предстоящемъ военному торжествѣ.

Хорошо выглядѣли кадетскія роты, особенно I-ая строевая импонировала своимъ видомъ, чуть колыхался за ней на штыкъ линейнаго темно-зеленнаго жалонернаго значекъ корпуса съ корпуснымъ шифромъ "П.К.". Ярко блестяли въ рядахъ золотыя нашивки вице-фельдфебеля и вице-унтеръ-офицеровъ.

Въ боковыя двери съ обѣихъ сторонъ церкви уже входили гости и приглашенные. Скоро большая группа собралась около широко раскрытыхъ дверей. Здѣсь были представители полковъ Псковскаго гарнизона, много бывшихъ кадетъ, корпусныхъ и полковныкъ дамъ. Впереди всѣхъ, какъ хозяинъ манежа, стоялъ бывший преобразенецъ командиръ 93 пѣх. Иркутскаго полка полковникъ Комаровъ. Суетился полковой адъютантъ и исполнявшій роль адъютанта корпуса молодой поручикъ Смирновъ.

Вотъ вспыхнула яркимъ свѣтомъ большая церковная люстра. Всѣ засыпи въ ожиданіи. Только здѣсь и тамъ безпокойно шевелились носки ярко начищенныхъ кадетскихъ сапоговъ, подраивавшая улыбка подъ зоркимъ взглядомъ офицеровъ.

Ротные командиры вшли впереди роты на "командирскую линію". Передъ строевой ротой стоитъ бѣлѣй Баргавскій гвардеецъ полковникъ баронъ фонъ Майнелль, затѣмъ командиръ второй роты подковникъ Епигель, дальше полковникъ Цербухинъ и наконецъ полковникъ Адамовичъ. Возможно, что память мнѣ измѣняетъ и вмѣсто полк. Адамовича, 4-ой ротой командовалъ полк. Дедаевъ.

Впрочемъ красивъ былъ первый кадетъ строевой роты не-фельдфебель Борисъ Улаковъ. Румяное лицо, статная рослая фигура и открытый взглядъ говорили о большой моральной силѣ этого братаго кадета. Кто степъ, генералъ въ отставкѣ, былъ извѣстный старый псковскій, многолѣтній офицеръ-воспитатель и ротный командиръ, неутомимый историкъ корпуса.

Прерываютъ линію желтыхъ подсумковъ строевой роты бѣлые парадные револьверные шнуры взводныхъ офицеровъ. Вотъ, по знаку адъютанта, оркестръ, блеснувъ мѣдью, поднялъ инструменты быстрымъ шагомъ изъ церкви вышелъ генералъ Шальдеръ и занялъ мѣсто впереди адъютанта. Всѣ застыли смотря на озаренную яркимъ свѣтомъ золотую ниву церкви, откуда, окруженный свитой, появился высокій силуэтъ великаго Князя.

Красиво голубѣла Андреевская лента, а барашковая шапка изящно отбѣляла характерныя черты знакомаго лица. Какъ бѣлыя сѣжинки, замелькали руки въ бѣлыхъ перчаткахъ, по группѣ приглашенныхъ и Великій Князь, принявъ ступая и отдавая честь, прошелъ черезъ разступившуюся группу къ правому флангу первой роты. Свита слѣдовала за нимъ.

"Къ встрѣчѣ слушай..!" Маршъ военно-учебныхъ загоде- ній могучимъ, веселымъ темпомъ потрисъ весь маневръ. Сверкнули клинки, поднялись птики, головы повернулись, Великій Князь внимательно осматривалъ кадета медленно шель по фронту.

Обходъ конченъ. Вотъ прямо передо мной на травѣ краснаго большого ковра стоитъ Великій Князь. Ни одна мелочь не ускользаетъ отъ кадетскаго взгляда. Ни замѣчаемъ и блестящія преображенки и большой тяжелый орденъ у конца голубой ленты, георгиевскій крестъ и офицерскій нагрудный знакъ цолка у ко- сого расшитаго гвардейскаго воротника и золотые свитскіе аксельбанты. Свита стоитъ поодаль.

Въ это время изъ церкви медленно двинулось шествіе. впереди священники, дьяконы, хоругви и наконецъ знамя корпу- са и хоръ дѣвчій Иркутскаго полка въ красивыхъ, украшенныхъ золотомъ, кафтаныхъ съ красными отворотами.

На молитву... Шапки долой! И первые возгласы молебна. сопровождаемые хоромъ, наполнили маневръ. Вотъ знамя уже освя- щено и наступаетъ моментъ передачи. Какъ-то незамѣтно надви-

нулась группа къ краю краснаго ковра. Рядомъ съ адъютантомъ стояли два офицера корпуса, а между ними рослый, видный кадетъ съ пріятнымъ лицомъ, это былъ первый знаменщикъ корпуса вице-унтеръ-офицеръ Николай Урншевскій.

Великій Князь передалъ знамя колѣнопреклоненному директору корпуса, который въ свою очередь передалъ его знаменидику. Блеснули клинки ассистентовъ. Наступилъ моментъ присяги. Ясно и отчетливо звучали слова стариннаго Петровскаго регламента, весь корпусъ, поднявъ персты, повторяетъ слова клятвы. Наконецъ прозвучала послѣдній позгласъ и красивый аккордъ по слѣднiаго псалма.

Накройсь! Подъ знамя, слушай...! И первое знамя Псковскаго Кадетскаго Корпуса мѣрными шагами переносится на правый флангъ строевой роты. Ясно и отчетливо звучитъ Императорскій привѣтъ корпусу изъ устъ Великаго Князя. Гимнъ.

Раздаются команды, роты заходятъ въ колонну одна за другою по узкому фасу мяжежа, лицомъ къ церкви. Музыканты переходятъ противъ Великаго Князя.

Изъ церемониальному маршу... По-ротно... Прямо! И лихо отбивая шагъ, ровнясь по пиктѣ, роты, одна за другою, проходятъ мимо Великаго Князя. Высоко передъ строевой ротой вѣетъ новое знамя.

Громко бьетъ турецкій барабанъ, поютъ кокетты и корпусъ съ новымъ знаменемъ возвращается домой. Улицы полны народомъ. Гимназисты, реалисты, студенты, рабочіе, крестьяне, чиновники, дамы, бабы, барышни, мальчишки. Всюду видны улыбки. Несмотря на смутное время, Псковскій народъ любилъ своихъ кадетъ. Если подсмѣивались и критиковали, то больше для "фасону". "Кадетъ, кадетъ на палочку надѣтъ" звучало безъ злобы, "палочка" дѣйствительно была въ кадетахъ и въ ней слышалась, пожалуй, похвала, но ея, по правдѣ сказать, не хватало многимъ въ гестрой массѣ народа.

Было уже около часа дня, когда роты добрулись домой и разошлись. Приказано было, не снимая мундировъ, идти на ранній обѣдъ. Дѣло съ обѣдомъ усложнилось, былъ Великій Постъ, скромное нельзя было полагать и наэт миллiоннiй экономъ, престоарѣлий Чернякъ создалъ особое постное меню. Вотъ оно, какъ было напечатано на красивнхъ карточкахъ, разложенныхъ по столамъ кадетской столовой:

Ура стерляжья - растегаи.

Осетрина по-русски.

Мороженое (parfait).

Медъ.

Весело ѣли кадеты вкусный обѣдъ, слушая однимъ ухомъ привѣтствiа корпусу и крики ура изъ столовой 4-ой роты, гдѣ корпусъ принималъ приглашенныхъ гостей.

Знамя, закрытое чехломъ, хранилось на лѣвомъ камросѣ

корпусной церкви, а въ дни торжествъ чехоль снимался и знамя распускалось. Простоявъ тамъ 12 лѣтъ, оно двинулось съ корпусомъ въ странствіе. Долго или коротко будетъ это странствіе и есть-ли возвратъ съ него, это стоитъ неразрѣшеннымъ вопросомъ и по нынѣшній день. Пока намъ предоставлена лишь неизмѣнная прелесть воспоминаній къ 50-ти лѣтнему юбилею со дня полученія корпусомъ знамени.

И. Гранбергъ.

---:---:---:---

Изъ воспоминаній юности.

...Теплый солнечный день не давалъ намъ задумываться надъ чѣмъ либо серьезнымъ, намъ — кадетамъ старшихъ классовъ, гуляющимъ на "Зеленомъ" плацу корпуса. Оставшіяся мѣсяцъ занятій до лѣтнихъ каникулъ и чувство свѣжести и полноты силъ, тянуло къ чему-то заманчивому и неясному.

Рѣдко посаженные, вдоль ажурной рѣшетки плаца, деревья и кусты болотника позволяли видѣть улицу. Выходящія изъ широкихъ дверей женской гимназіи, расположенной напротивъ корпуса, гимназистки привлекали наше вниманіе. Одна изъ нихъ особенно заинтересовала меня легкостью и грациозностью движеній и живыми цвѣтомъ лица и большими темными глазами...

Часы вечернихъ занятій, свободное время, все было заполнено мыслями о видѣнной днемъ незнакомкѣ, ожиданіемъ слѣдующаго дня... Изъ здания гимназіи она каждый день выходила съ одной и той-же подружкой и какова-же была моя радость, когда я узналъ, что мой пріятель-кадетъ знакомъ съ ея подружкой и обѣщалъ познакомить съ ними меня въ ближайшее-же воскресенье...

Воскресеніе. Все приготовлено къ рапорту дежурному офицеру — "въ отпускъ до вечера". Сапоги блестятъ, блиха съ орломъ, на кожаномъ ремнѣ, свѣтятся, складки на бѣлой рубашкѣ аккуратно собраны вверху, пугокъ на щекахъ побритъ, пробивающіеся усы надутены...

Выйдя съ пріятелемъ за рѣшетчатые ворота корпуса, мы вдыхаемъ полной грудью и идемъ мимо Губернаторскаго дома и пожарной каланчи къ красавицѣ рѣкѣ Великой. Много разъ я видѣлъ эту рѣку и она всегда мила и дорога была мнѣ, рассказывая цѣлыя вереницы событій изъ русской исторіи времени вольныхъ городовъ Пскова и Новгорода. Башни и стѣны, по которымъ можно было проѣхать на извозицѣй пролеткѣ, украшали ея берега. Старинный Мирожскій монастырь на полуостровѣ съ зелеными

лагунами, колокольни, маленькія часовеники по сторонамъ рѣки Великой, простыя сѣрыя лодки съ боролатыми гребцами, самый берегъ и воздухъ и небо, отличающееся яркой синевой, все это горячо и мило очаровывало меня...

Уже утомленные прогулкой, поднимаясь отъ рѣки въ городъ, мы несказанно были обрадованы приближающейся парочкой, изъ которой одну я узналъ по крайней мѣрѣ за три квартала.

Руки задвигались поправкамъ складки гимнастерки, пальцы сапогъ моментально исчезли и мы чинно пошли навстрѣчу гимназисткамъ. Церемонія знакомства была несложна. Несложны были и разговоры, но сколько прелести, какъ по другому звучать самыя простыя, обыденныя слова, когда они произносятся той, которая тебя понравилась...

Съ быстротой молніи промелькнуло время... Сдержанное прощаніе у воротъ корпуса, милая улыбка - были и радостны и грустны въ тоже самое время...

Однообразные дни недѣли согревались мыслями о предстоящей очередной встрѣчѣ въ слѣдующее воскресенье... Последнее передъ каникулами воскресенье мы долго гуляли по старому Искову, ходили на рѣку Искову, къ "Рѣшеткамъ", любовались Кисленской башней, ходили въ Городской и Ботанической саду...

Вотъ уже остается всего нѣсколько шаговъ до зданія корпуса и наши милыя спутницы съ нѣкоторой грустью протягиваютъ намъ свои маленькія ручки, желаютъ намъ весело провести лѣтнія каникулы и вернуться такими-же хорошими и милыми, какими мы были въ эти воскресные дни нашихъ прогулокъ...

О, милая юность, какъ немного надо, чтобы сильнѣе забилось твое сердце.

... День отъѣзда изъ корпуса домой не похожъ на будничные дни. Встаемъ немного позднѣе, въ "умывалку" уже съ утра служителя вносятъ наши корзины и чемоданы. У капитанармузовъ происходитъ толчея - обмѣнъ и пригонка обмундирования. Шумъ и радостныя восклицанія слышатся и въ залахъ и въ классахъ... А какой шумъ и гамъ въ младшихъ роткахъ!..

Вмѣсто сухихъ уроковъ происходитъ записываніе работъ на лѣто, разговоры о томъ, что и какъ читать... Изъ оконъ видно, какъ передъ корпусомъ со стороны Большого плаца все представляетъ число извожиковъ. Швейцаръ внизу наряденъ, какъ именинникъ, да и сторожъ у рѣшетчатыхъ воротъ, какъ-то вытянулся и выглядитъ моложавѣй.

Главная масса кадетъ начинаетъ раздѣжаться съ четырехъ часовъ дня, поѣзда на Вильно, Варшаву, Ригу, Петербургъ были въ промежуткѣ между пятью и одинадцатью часами ночи. На Сергіевской улицѣ въ этотъ день можно было видѣть очень много гимназистокъ всѣхъ трехъ Исковскихъ гимназій. Бѣлыя замшевыя перчатки кадетъ мелькали въ толнахъ гуляющихъ отъ собора

св.Троицы до самаго вокзала. На вокзалѣ въ этотъ день всегда былъ одинъ изъ воспитателей корпуса, снисходительно смотрѣвшій на, торчащіе изъ кармановъ старшихъ кадетъ, длинные пакеты... Сколько было прелести въ этомъ развѣдѣ на лѣтнія каникулы!

Поѣздъ приходитъ въ Двинскъ въ четыре часа утра. Утренній разсвѣтъ будитъ массу мыслей, чувства такихъ нестойкихъ съ мыслями и чувствами корпусной жизни... Извозчики наперебой вырываютъ твою корзину и достаточна назвать фамилію, какъ они уже знаютъ, куда везти... Поѣздъ останавливается у малиновикъ горючь съ калиткой, ты тихонько открываешь ее и огромный садъ покрытый бѣлоснѣжными цвѣтами осыпаетъ тебя. Вдали виднѣются бѣлая стеклянная веранда и по бокамъ окна съ бѣлыми ставнями и занавѣсками... Выглянуло дорогое лицо матери изъ большого окна гостиной и черезъ нѣсколько секундъ ты уже въ горячихъ ея объятіяхъ... Братъ и сестры еще спятъ, а ты сидишь, пьешь кофе со сливками и слушаешь матушку... А какъ пріятно вытянуться въ кровати, ощущать тепло и уютъ комнаты и всёхъ мелочей около тебя... Сколько хорошаго и радостнаго происходитъ особенно въ первые дни отпуска и въ комнатахъ, и на обѣихъ дворахъ, и въ саду, и въ конюшнѣ, и на огородѣ, и въ маленькомъ домѣ у бабушки... Все тебѣ дорого, все трогаетъ тебя до глубины души и каждый кусть въ саду и передъ домомъ, каждое деревцо и поворотъ головы лошади въ конюшнѣ, и ласковое виляніе хвостомъ собаки... Все такъ интересно, такъ ново, какъ будто ты недавно родился... Какія-то дѣвочки окликаютъ тебя черезъ щели забора сосѣдняго сада, мальчишки предлагаютъ играть въ лапту, изъ городки... Рыбная ловля на разсвѣтѣ, купанья, катанья на лодкѣ, березовая роща, собираніе ягодъ, ловля раковъ при свѣтѣ горящихъ лучинъ... Какъ много всякихъ развлеченій... Образы знакомой гимназистки изъ Искова слегка затемняются увлеченіями родного города...

Кончено лѣто. Возвращеніе въ корпусъ. Опять вагонъ, изъ оконъ котораго видны сначала знакомыя мѣста, затѣмъ пески, сосновыя лѣса, станція Валки, гдѣ кадетикомъ перваго класса гостилъ я пару дней у отца во время поѣзда Государя. Наконецъ, поздно вечеромъ — Псковъ. Пустынныя улицы, Иркутскія казармы, Городской садъ, фасадъ кадетскаго корпуса съ примыкающимъ къ нему директорскимъ садомъ. Входя въ швейцарскую и поднимаюсь въ первую роту, запахъ свѣжей краски окончательно улетучиваетъ еще теплящіяся чувства домашняго уюта. Явившись дежурному воспитателю, иду въ спальню, къ своей кровати. Надъ головою нигель, дощечка съ твоей фамиліей, иконка и полотеице.

Первый подъемъ въ шесть утра бывалъ довольно тяжелъ, послѣ домашняго отдыха, но думъ переключеній о томъ, кто прі

День корпуснаго праздника на чужбинѣ.

Друзья вспоминаютъ минувшіе дни
И Корпусъ, гдѣ вмѣстѣ учились они...

Давно это было. Большой и тяжелый путь пройденъ съ тѣхъ давнихъ поръ, когда на плечахъ у насъ были погоны родного намъ корпуса... Нѣтъ погонъ, нѣтъ формы, но глубоко, на всю жизнь запечатлѣлись годы, проведенные въ корпусѣ.

Въ день корпуснаго праздника собираются бывшіе кадеты дружной семьей отслужить молебенъ, помануть ушедшихъ въ лучшей міръ, провозгласить многія лѣта всѣмъ живымъ въ разсѣяніи сущимъ. Послѣ молебна, по русскому обычаю, за гостеприимнымъ столомъ вспоминаютъ старину и, возвращаясь въ далекое прошлое, скидываютъ со своихъ плечъ не одинъ десятокъ лѣтъ, превращаясь на короткій мигъ въ прежнихъ задорныхъ, молодыхъ полныхъ жизни кадетъ. И льются рассказы о родномъ корпусѣ, у каждаго есть что рассказать, что вспомнить. Такъ и въ этомъ году былъ отмѣченъ день праздника родного намъ Псковскаго Кадетскаго Корпуса.

Въ 1904 г. маленькаго мальчика Петю, круглаго сироту привезли въ корпусъ изъ пріюта Вѣдомства Императрицы Маріи Федоровны. Быстро освоился Петя съ кадетскою жизнью. Подошло Рождество. Шумно и радостно разъѣхалось большинство кадетъ въ отпускъ. Тѣ же, кому некуда было ѣхать, остались въ корпусѣ. Немного грустно было провожать уѣзжавшихъ, но кадетъ народъ неунывающий, да въ корпусѣ есть чѣмъ развлечься и во время каникулъ. Играетъ Петя съ нѣсколькими друзьями въ рогномъ залѣ, какъ вдругъ открывается дверь и входитъ директоръ корпуса ген. Гильдеръ въ сопровожденіи какого-то незнакомаго чело- вѣка въ штатскомъ.

"Смирно!" Раздается команда, кадеты замираютъ на своихъ мѣстахъ, удивленные неожиданнымъ появленіемъ директора да еще въ сопровожденіи никому изъ малышей неизвѣстнаго чужого дяди. Переговоривъ о чемъ-то съ директоромъ, дежурный воспитатель вызываетъ кадета I-го класса П.Д. и приказываетъ ему сейчасъ-же одѣваться и собирать свои вещи. У маленькаго кадетика замираетъ сердце и наворачиваются на глазахъ слезы: "Что я такое натворилъ?" думаетъ онъ, "неужели выгоняютъ изъ корпуса?" А спросить не смѣетъ: дисциплина. Стоитъ смирно передъ директоромъ, слушаетъ воспитателя, съ тяжелымъ сердцемъ идетъ выполнять приказаніе. Трясущимися руками собираетъ вещи, одѣваетъ шинель, провѣряетъ пуговицы, бляху ремня, складки, надѣваетъ фуражку и является ожидающему его директору. Молча, съ удивленно-испуганными лицами провожаютъ Петю глазами ка-

дети, съ которыми онъ только-что такъ беззаботно игралъ.

Что случилось? Куда ведутъ мамаша? Ничего страшнаго не случилось. Незнакомый кадетамъ дядя оказался исковскимъ помѣщикомъ Сергѣемъ Ивановичемъ Зубчиновымъ, окончившимъ въ свое время нашъ корпусъ вице-фельдфебелемъ 1-го выпуска, будущимъ Псковскимъ Губернскимъ Предволителемъ Дворянства и позднѣе членомъ Государственнаго Совѣта. Не прерывая связи съ родиной корпусомъ, присутствуя ежегодно на корпусномъ праздникѣ, онъ много дѣлалъ добра кадетамъ, вотъ и сейчасъ беретъ одного изъ обездоленныхъ судьбой мамашей къ себѣ въ семью на Рождественскіе праздники. Все это объясняетъ Сергѣй Ивановичъ взволнованному Петѣ, пока они вмѣстѣ блуждаютъ на санкахъ въ его имѣніе, расположенное на р. Черехѣ въ 40 верстахъ отъ Пскова. Въ этомъ имѣніи и проведить Петья все Рождество, играя съ однимъ нашего бывшаго вице-фельдфебеля, будущимъ кадетомъ нашего корпуса.

Съ этихъ праздничныхъ дней вся семья, гдѣ онъ въ теплѣ, уютѣ и ласкѣ провелъ Рождество, становится для него родной. На всѣ праздники и каникулы, во всѣ отпускины дни приглашался онъ и въ дальнѣйшемъ. Такимъ образомъ старѣйшій кадетъ становится опекуномъ Пети.

Быстро бѣгутъ дни и недѣли размѣренной корпусной жизни. И вотъ при переходѣ въ 7-ой классъ П.Д. рѣшается на экзаменъ по физикѣ. Перезкзаменовка. Огорченіе его не имѣетъ предѣла, такъ хотѣлось перейти чисто, отдохнуть лѣтомъ, набраться силъ для послѣдняго седьмого класса. Впередѣ выборъ военного училища, вся дальнѣйшая военная карьера. Остался еще одинъ послѣдній экзаменъ, пустяковый...

Кадеты на плацу играютъ въ рюхи, въ это время по плацу проходитъ преподаватель физики и въ этотъ моментъ П.Д. нацѣливается въ рюхи и пущенная сильной рукой палка попадетъ въ щиколотку физика и сбиваетъ его съ ногъ. Нужно-же было ему подвернуться подъ палку именно П.Д., срѣзавшемуся на экзаменѣ по физикѣ. Можно себѣ представить какой поднялся переполохъ! И что въ эти минуты переживалъ кадетъ.

Никакія извиненія, никакія зафренія, что это просто случайность, не помогли. Физикъ обвинилъ его въ злоиъ умыслѣ заявилъ директору, что кадетъ умышленно сбилъ его палкой съ ногъ за неудовлетворительный баллъ по физикѣ, что это не случайность, а злая месть. Въ результатѣ всей этой исторіи бѣднаго Петю выгоняютъ изъ корпуса. Куда?..

Опекунъ беретъ его къ себѣ въ имѣніе, подаетъ прошеніе на Высочайшее Имя и въ результатѣ всѣхъ хлопотъ уволенному изъ корпуса кадету разрѣшаютъ держатъ экзаменъ экстерномъ въ 7-ой классъ по всѣмъ предметамъ и за всѣ 6 классовъ корпуса.

Начинается зубрежка. Живетъ П.Д. въ имѣніи и зубрить съ утра до вечера. Шутка-ли сказать: 22 экзамена, весь курсъ шести классовъ корпуса. Не для него шумятъ деревья лѣса, не для него сіяетъ солнце на берегу прохладной рѣки. Зарылся въ книги бѣдняга, грызетъ гранитъ науки, знаетъ что поставлена на карту вся будущность.

Наступилъ день экзаменовъ. П.Д. является въ корпусъ своему бывшему отдѣленному воспитателю, который и сопровождаетъ его изъ класса въ классъ для очередного экзамена. Хорошо отнесся къ своему кадету воспитатель, принять участіе въ судьбѣ мальчика, переговорилъ съ каждымъ экзаменованнымъ преподавателемъ. Нѣкоторые преподаватели просто ставили старыя средніе баллы, нѣкоторые экзаменовали. Честно вызубрилъ Петя все что было нужно и прошелъ благополучно черезъ всѣ 22 испытанія.

Хорошо окончивъ затѣмъ корпусъ, П.Д. вышелъ въ Павловское военное училище, окончилъ офицерскую стрѣлковую школу, участвовалъ въ Великой и гражданской войнѣ. Много пережить пришлось ему потомъ, но черезъ всю жизнь, черезъ всѣ невзгоды и тяжести пронесъ и сохранилъ онъ въ своемъ сердцѣ до сихъ поръ благодарность и теплое чувство къ кадетамъ и корпусу, до сихъ поръ сохранилось въ его сердцѣ теплое чувство и къ воспитателю и къ вице-фельдфебелю I-го выпуска, его опекуну.

Этимъ-же чувствомъ любви и благодарности къ родному корпусу были проникнуты и мы всѣ, слушающіе его рассказъ.

Исковичъ.

---:---:---:---

Къ корпусному празднику Исковичей.

Вамъ, Исковичи дорогие,
Плю съскъ сердечный пригѣтъ,
Вспомните дни золотые
Бныхъ и радостныхъ лѣтъ.

Нашъ милый корпусъ дорогой,
Какъ много связано съ тобой.
Пришелъ ты маленькій слѣпой,
Оставленъ матерью родной.
Едва вошелъ и сердце сжалось
При видѣ классовъ корпусныхъ
И чѣмъ-то грѣшнымъ показалось
Быть одному среди чужихъ.

Нѣтъ больше маленькихъ штанишекъ,
Чулковъ и кофточки ужъ нѣтъ,
Одѣли въ форму всѣхъ мальчишекъ,
Мальчишки нѣтъ, а есть кадетъ.
И всѣ кругомъ, какъ ты одѣты,
Но на мундирѣ поясъ твой
Подтянуть очень неумѣло
Еще неопытной рукой.
Но скоро ты вступишь въ жизнь
Кадетской массы молодой,
Веселой, дружной, шаловливой
И станешь кадетъ ты боевой.
Впиталъ въ себя ты рой традицій
И гордость корпусомъ своимъ,
И строй кадетъ, и плацъ кадетскій
Сталъ для тебя уже роднымъ.
Еще прошло немного лѣтъ
И получилъ винтовку въ руки,
Сталъ первой роты ты кадетъ,
Постигъ военныя науки.
Постигъ ты мудрость всѣхъ строеній
И ротъ, и взводовъ, отдѣлений,
Умѣешь ты ходить въ строю
И дружно отвѣчать Царю.
Всѣмъ тѣмъ, кто говоритъ, что наплъ кадетъ
Былъ только внѣшне хорошо одѣтъ,
Скажу, что не было наукъ,
Которыхъ-бы кадетъ не изучалъ въ досугъ.
Въ свободные часы послѣ уроковъ
Не спалъ и не дремалъ кадетъ,
Онъ приобщалъ себя къ наукѣ,
Стремился знать все съ юныхъ лѣтъ.
Онъ чувствовалъ всѣмъ сердцемъ силы
Отъ красочной старинной были,
Онъ всѣмъ красивымъ увлекался
И ничего ужъ не боялся.
А эти дни недѣль говѣнія,
Когда собирались въ воскресенье
И наши пастыри церквей
Читали житіи святыхъ людей,
Умѣя вкладывать въ слова
Все лучшее изъ вѣры Православной,
Все то, что сдѣлала она
Для нашей Родины святой и славной.
Какъ сильны были вы кадеты
Въ дни смуты, ужасовъ и тьмы.
Вы славныя внесли страницы

Въ скрижали вѣчной красоты.
 Какъ много пало смертью храбрыхъ
 Въ стенахъ, лѣсахъ, среди полей
 Всегда любимой и могучей
 Великой Родины моей.
 Нѣтъ, не забыть мнѣ васъ, кадеты,
 Кадеты искорки огня,
 Сподвижники на полѣ брани,
 Могучіе сыны Царя.

В. А-въ.

-.-.-.-.-.-

Застольная.

Мнѣ хочется поднять бокалъ
 За все, что въ прошломъ было такъ прекрасно,
 За Родину, за свѣтлый идеалъ
 Россіи, что любимъ мы такъ страстно.

За вашу доблесть, милые друзья,
 За кровь пролитую, за многія страданья,
 За вѣрность знамени, которое вы чтя
 Такъ высоко песли въ години испытанья

Давно ужъ мглой свѣтъ заволокло,
 Мы все несемъ потерю за потерей,
 Повсюду нагло торжествуетъ зло
 И, мнится, наступаетъ царство звѣря.

Такъ дай вамъ Богъ до смерти плѣру донести
 Въ величье русскаго народа,
 Что укрѣпляла васъ въ пути,
 Когда сомнѣніемъ не было исхода.

Я пью за то, чтобъ вамъ услышать звонъ
 Колоколовъ воскреснувшей Россіи.
 Пусть міру возвѣщаетъ снѣгъ,
 Что прекратилось царство змѣя;

Что вамъ на смѣну встала рать
 Войцовъ по доблести вамъ равныхъ,
 Что свято будутъ поминать
 Героевъ Руси Православной.

Такъ осушимъ до дна бокалъ
 За все, что было такъ прекрасно,
 За то, чтобъ свѣтъ вновь возсіялъ
 Россіи, что мы любимъ страстно.

Февраль 1955 г.

Ирина Еленевская.

Городъ Псковъ
и его военное прошлое.

(Объяснительный очеркъ къ исторической
схемѣ городскихъ укрѣпленій.)

О городѣ Псковѣ написано много книгъ. Десятки историковъ, археологовъ, ученыхъ и дилетантовъ прекрасно освѣтили исторію города. Археологическія изслѣдованія съ необходимой полнотой описываютъ все, что заслуживаетъ вниманія, но тѣмъ не менѣе среди этихъ описаній только небольшое число посвящено всенному вопросу, связанному съ прошлымъ города.

Предлагая читателямъ военную схему города, авторъ хочетъ сказать нѣсколько словъ о Псковѣ, какъ укрѣпленномъ городѣ. Схема имѣетъ рядъ указаній на военные объекты особаго значенія, поэтому остается только дать общій пояснительный очеркъ развитія укрѣпленій.

Въ исторіи города два мѣста оспариваютъ свое первенство въ вопросѣ о первоначальномъ нахожденіи перваго укрѣпленія. Къ этимъ мѣстамъ относятся: кремлевскій "островъ" между Великой, Псковой и Греблей и островъ на Псковѣ около "Верхнихъ Рѣшетокъ". Не исключена возможность и одновременнаго существованія обоихъ. Выборъ этихъ мѣстъ, какъ пригодныхъ для укрѣпленій, опредѣлялся природными особенностями. Въ эпоху холоднаго оружія пассивная оборона имѣла одного вѣрнаго союзника. Этимъ союзникомъ являлась вода. Рѣки, озера, болота, топи являлись вѣрнѣйшей защитой. Пока глубокая вода омывала подножіе вала или частокола, пока болото было достаточно вязко оборона была обезпечена, поэтому понятно, что всѣ защитники Пскова строили свои укрѣпленныя линіи у края воды или болота. Великая шесть или семь столѣтій тому назадъ была болѣе полноводной. Такой-же была и Пскова. Въ соотвѣтствіи съ этимъ всѣ большіе и маленькіе ея притоки и каналы были полны водой и протекая черезъ городъ, составляли рядъ оборонительныхъ рубежей.

"Гребля", оврагъ у Зласьевскаго спуска (у моста), ручей у Плоской улицы, Зрачка, всѣ являлись естественными препятствіями на подступахъ къ Кремлю. Такимъ образомъ возникъ рядъ укрѣпленныхъ рубежей, смѣнявшихъ одинъ другого по мѣрѣ роста города и паденія уровня воды.

Псковъ былъ крѣпостью у воды, которую бороздили смоленныя лодки, откуда и пошло финское названіе "пихкава" - смолистая вода.

Если вода исчезала и падала, если болота высыхали, то нужно было строить новыя стѣны, новыя башни, или укрѣплять и повышать старыя.

Способъ постройки оборонительныхъ стѣнъ Пскова былъ всегда одинъ. Сначала рубили стѣну изъ бревенъ такъ, какъ рубятъ стѣны избы. Вертикальный срубъ удерживался поперечными короткими траверсами, врубленными въ стѣну на опредѣленномъ разстоянii другъ отъ друга. Стѣну дѣлали невысокой, немного выше роста человѣка. Изъ вырубленной стѣны присыпали землю и камни, мѣстами прорубали амбразуры для дѣйствiя копьями, мечами и метательнымъ оружіемъ. Такая система постройки не требовала углубленiя и фундамента. Если почва позволяла, строили частоколь изъ вертикально засытыхъ, заостренныхъ наверху, бревенъ. На интервалахъ удерживали башни, флажирующiя постройки, или "захабы", напоминающiе канючьи, для обстрѣла подступовъ. Интервалы опредѣлялись дальностью полета стрѣлы изъ самопала а позднѣе изъ пицалей и пушекъ.

Эти башни — "костри" или "стрѣльчихи" — были четырехугольными съ бойницами и иногда со стрѣлковой площадкой, защищенной крышей.

Такъ строили до половины 15-го столѣтiя, затѣмъ понемногу все дерево замѣнили псковской известковой плитой. Стѣны дѣлались толще, массивнѣе, къ нимъ пристраивали лѣстницы и помосты для стрѣлковъ, дѣлали амбразуры или зубцы съ бойницами.

Въ началѣ 16-го столѣтiя пороховъ измѣнилъ всю фортификацію, башни имѣли уже артиллерiю, получили круглую форму, все искусство сводилось къ утолщенiю стѣнъ и увеличенiю площади возможнаго обстрѣла. Артиллерiя требовала стѣнъ исключительной толщины и линiи обороны отводились все дальше стъ середины города. Последней, еще отчасти сохранившейся, линiей обороны была стѣна и башни построенныя въ періодъ 1450-1500 гг.

Несмотря на длину общей линiи стѣнъ, достигавшей по периметру 10-ти верстъ, оборона этой линiи всегда давала прекрасные результаты. Ни одного раза за все существованiе Пскова противнику не удалось форсировать стѣны и ворваться въ середину города. Правда, кромѣ фортификацiонныхъ полскительныхъ качествъ Псковскихъ укрѣпленiй, нужно признать наличие высокой морали и доблести у защитниковъ ихъ. Приймавъ во вниманiе исключительную длину оборонительной линiи, иногда полностью окруженной осаждающими, боевая цѣнность каждого отдѣльнаго защитника, стоявшаго на гребнѣ стѣны, должна была быть значительной.

Основами обороны такого длиннаго фронта прежде всего являлось непрерывное ни днемъ, ни ночью наблюденiе за противникомъ и затѣмъ, въ случаѣ надобности, быстрое видвиженiе резерва. Эта служба охраненiя велась всѣмъ населенiемъ города и требовала исключительной бдительности, большой моральной силы и неослабной энергiи. Примитивные способы связи по фронту и въ глубину причиняли всевозможныя затрудненiя, создавая для защитниковъ невѣроятное напряженiе. При тревогѣ и угрозѣ

штурма звонили въ опредѣленный колоколъ въ одной изъ церквей близкихъ къ угрожаемому мѣсту.

Такъ было 8 /IX/ 1581 г. при штурмѣ войсками Стефана Баторія пролома въ стѣнѣ. Кабатъ былъ данъ въ церкви Святого Василія на Горкѣ, въ Анастасіевскомъ скверѣ. Со всѣхъ сторонъ къ пролomu двинулись резервы и ударомъ во флангъ принудили противника къ отступленію, избѣжъ въ такомъ образомъ возможнаго прорыва фронта. На случай-же прорыва и чтобы помѣшать его расширенію, непосредственно за проломомъ были устроены деревянные засѣки. Въ маневрировавшемъ резерва принимала участие и подвижная артиллерія, заставлявшая противника освободить занятія имъ Свиноорскую и Покровскую башни.

Предлагаемая схема должна быть разсматриваема по рубежамъ обороны, каждый отдѣльно, имѣя виду, что начиная отъ Кремля одна линія обороны замѣняла другую, постепенно расширяясь. Стѣнныя ненужными, каналы засыпались, проводились улицы и мѣсто застраивалось.

Схема эта одновременно служитъ иллюстраціей къ труду ген.-м. П.Ф.Ушкаова, заслуженнаго археолога и известнаго историка Псковскаго Индетскаго Корпуса.

Н. Гранбергъ I.

-o-o-o-o-o-

Существуетъ преданіе, что во время осады Пскова поляками, псковскому кузнецу Дорофеевъ было явленіе Пречистой Богородицы. Богоматерь, держа въ рукахъ Свой Печерскій образъ, поднялась на городскую стѣну. По правую руку отъ нея стоялъ игуменъ Печерскаго монастыря Корнелій, по лѣвую — Антоній Печерскій, тутъ-же были святые благовѣрные князья: Всеволодъ, Довмонтъ и Владиміръ, святой Савва Вимерскій, юродивый Никула и строитель Кирожскаго монастыря Нифонтъ.

Они молились о спасеніи города.

Богородица велѣла Дорофеевъ показать воеводамъ мѣста, гдѣ поставить пушки и указавъ неприятельскій королевскій шатеръ, сказала, что его надо уничтожить въ первую очередь.

Кромѣ того, Божія Матерь велѣла тому-же Дорофеевъ сказать воеводамъ и игумену Печерскому, чтобы каждый день приносили на стѣну Ея старинъ Печерскій образъ и чтобы народъ безпрестанно молился о спасеніи города.

Указаніями и помощью Пресвятой Богородицы враги были отражены и городъ спасенъ отъ разсренія.

-o-o-o-o-o-

ГЛАВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ АТАКИ ШВЕДОВ
 В XVII—XVIII ВЕКАХ ВОЙСКА ШВЕДСКОГО КОРОЛЯ ГУСТАВА АДОЛЬФА II ОКОЛУЖИЛИ ГОРОД. ОБСАДА И ШТУРМ НЕ ДАЛИ РЕЗУЛЬТАТОВ. В 17-м. 1615-году ОСАДА СНАЧА

УЧАСТОК ГОРОДСКОЙ СТНЫ МЕЖДУ ТРЕМЧЕИ И НИКОЛЬСКОЙ БАШНИМИ НОСИЛ НАЗВАНИЕ "ВЕРХНИХ РЫШЕТОК". ПРЕДОПОСРЕДИТЕЛЬНО НА ОСТРОВЬ БЫЛО АРЕНЕЕ "ГОРОДИЩЕ" КРИВИЧЕЙ ПОЛОЖИВШЕЕ НАЧАЛО ВСЕМУ ГОРОДУ ДО 900 ГОДА.

ГОР. ПСКОВЪ

РЕКОНСТРУКТИВНАЯ СХЕМА РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ СЪ 900—1650 Г.

СВЯТО-ГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ
 ШТАТГАРТ НА КОРОЛЕВУ

КРЕМЛЬ А

ДОВМОНТОВЪ ГОРОДЪ Б

ГОРОДСКАЯ ГАВАНЬ НА РЕВЕЛИКОНЬ СЕДИНЯЛАСЬ КАНАЛОМЪ СЪ РЕКЪЮ ПСКОВСКОЮ. КАНАЛЪ НАЗЫВАЛСЯ "ГРЕБЕЛИ" ЗАКРЫТАНЪ СКОЛО 1300 ГОДА

ЧАСОВНЯ СЪ ОЛГЫ

УКАЗАННЫЕ БУХВАРЫ АВВГДЕ ПОПЕРЕЧНЫЕ РИЗБКИ ОБОРОТЫ ГОРОДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛИ ОДНО ВРЕМЕННО ПО МЕРѢ РОСТА ГОРОДА И РАЗВИТИЯ ВООРУЖЕНІЯ, РИЗБКИ СМѢНЯЛИ ДРУГЪ ДРУГА, БОЛЕЕ СТАРЫЕ УНИЧОЖАЛИСЬ ИЛИ ПЕРЕСТРАИВАЛИСЬ.

ПАРОМЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

ОКОЛО ПЕРВЫХЪ ДВУХЪ ПЕРѢЗЕВЪ РЕКЪЮ БЕЛЫЮЮ БЫЛА НЕ МЕНШЕ ПРИБЛИЖИТЕЛЬНО ЧАРОГО МОСТА ТОЛЬКО ВЪ 1911 ГОДУ БЫЛО ЗАСТРОЕНО ПЕРВЫЙ МОСТЪ СЪ ДВУМЯ ПЕРѢЗЕВЪЮ

НА ЭТОМЪ МѢСТѢ НАХОДИЛИСЬ ДО 1510 ГОДА КНЯЖЬИ ДОМЪ СЪ 1707 СТАРЫЙ ГИБЕРНАТОРСКИЙ СЪ 1821 ПРИСУТСТВЕННЫЙ МѢСТА СЪ 1783—1824 ПСКОВСКОЕ ВОЕННО-СИРОТСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ РАДПОЛТАЛОСЪ ЧАСЪ-ДНЕ

ПОКАЗАННАЯ ЗА СТѢНОЮ ПРОТИВЪ МОСТА ЧАСТЬ ГОРОДА Т.Н. ВЛАДИСЛАВСКАЯ СПУСКЪ БЫЛА МЕЖДУ 900—1300 ГОДАМИ ТОЛКИМЪ БОЛОТОМЪ СЪ ОБРАТНЫМЪ ВО ВЪСЪ ТОРГЪ ВЪ

ИЗЪ РАЙОНА КУПЦОВСКАГО САДА ВЫТЕКАЛА РЕКА ЗРАЧЬКА. ВОДЪ РЕКИ ШЛА СТѢНОЮ "ВОСАДИКА БОРИСА" СЪ 1310—1375 РАЗОБРАНА ВЪ 1379 ГОДУ.

ЗА ВСЕ УКАЗАННОЕ ПЕРИОДЪ ВСЕ ПСКОВСКИЕ УКРЕПЛЕНІЯ ДОКАЗАЛИ НА ДѢЛѢ СВОИ ФОРТИФИКАЦИОННЫЯ ДОСТОИНСТВА. САМОСТОЯТЕЛЬНО И ВЪ РАЗЛИЧНЫХЪ СОЮЗАХЪ ГОРОДЪ ВЕЛЪ ОКОЛО 123 ВОИНЪ ПРОТИВЪ РАЗНЫХЪ ПРОТИВНИКОВЪ. ГОРОДЪ НИКОГДА НЕ БЫЛЪ ВЪЗЯТЪ ОТКРЫТОЮ СИЛОЮ.

СОСТАВИЛЪ ВЪ 1956 ГОДУ Н. ГРАНБЕРГЪ.

ПОКАЗАННЫЙ ВЪ КРУГѢ РАЙОНЪ ПОСТРОЕКЪ КАДЕТСКОГО КОРПУСА ЗАСТРАИВАЛСЯ ПОСТЕПЕННО МЕЖДУ 1797 И 1824 Г. М.

ДО 1797 ГОДА ГОРОДСКОЙ ТОРГЪ, ГОРОДСКАЯ ШКОЛА И РАЗНЫЯ "ПРИСУТСТІЯ" БЫЛИ РАСКВАРТИРОВАНЫ ВЪ РАЗНЫХЪ ЗАНЯТЫХЪ РАЙОНАХЪ. СОВРЕМЕННОЕ ЗДАНІЕ КОРПУСА БЫЛО ЗАКОНЧЕНО С.В. 1859 Г.

8. IX. 1581 ГОДА ВОЙСКА ПОЛЬСКАГО КОРОЛЯ СТЕФАНА БАТОРИА ОСАДИЛИ ГОРОДЪ И ПРОЛОМАВЪ СТѢНУ ЗАНИЛИ СВИНОРКОСКОЮ И ПОКРОСКОЮ БАШНИ ШТУРМЪ БЫЛЪ ОТЪЯТЪ И ОСАДА ВЫКОРЪ СНЯТА. КРУГОМЪ БАШЕНЪ ВЕЛАСЬ ИНТЕНСИВНАЯ МИННАЯ ВОЙНА.

НИКОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Объединеніе кадетъ Одесскаго
Великаго Князя Константина Константиновича
Кадетскаго Корпуса.

Въ жизни Объединенія, за первую половину текущаго года, произошли два событія, которыя по своей значительности для насъ не могутъ остаться не отмѣченными. Это — выходъ въ свѣтъ журнала "Досугъ Одесскаго Кадета" и корпусный праздникъ, соединенный съ проводами, переѣзжающаго въ Америку, секретари и казначея Объединенія О.М. Каминскаго.

Журналъ вышелъ подъ редакціей К.С. Соловскаго, потратившаго много трудовъ и энергіи на его изданіе. Мы не будемъ останавливаться на содержаніи журнала вообще и ограничимся разсмотрѣніемъ лишь тѣхъ его страницъ, которыя говорятъ о боевой славѣ и воинской доблести кадетъ, проявленной въ бою въ 1920 году, подъ Канделемъ, при отходѣ, подъ натискомъ противника, отъ Одессы.

Въ журналѣ нѣтъ подробнаго описанія этого боя, но зато есть приказъ Представителя Главнокомандующаго Вооруженными Силами на югѣ Россіи — Генерала Геруа, есть неполный списокъ участникомъ, равно какъ и приказъ о награжденіи отличившихся кадетъ. Ввиду неточной информации, полученной Генераломъ Геруа, его приказъ, по свидѣтельству участниковъ боя, содержитъ нѣкоторыя ошибки, касающіяся расположенія частей въ бою, есть въ приказѣ ошибка и о награжденіи. Тѣмъ не менѣе приказъ этотъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе, какъ официальный документъ, утверждающій самый фактъ боя подъ Канделемъ.

Военная исторія впервые отмѣчаетъ случай, когда боевая единица, состоящая изъ однихъ кадетъ, принимаетъ участіе въ полевомъ бою. Доблесть при этомъ проявленная, создаетъ славу не только Одесскому корпусу. Какъ видно изъ списка, хоть и далеко неполнаго, участниками боя были кадеты и другихъ корпусовъ, ставшихъ также причастными къ этой славѣ. Одесскому же корпусу, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, принадлежитъ пропорціональное большинство. Кроме того нужно сказать, что бойъ велся какъ-бы подъ знаменемъ Одесскаго корпуса, хотя въ дѣйствительности, вмѣсто знамени, былъ лишь линейный ротный значекъ. Наме Объединеніе гордится тѣмъ, что въ числѣ его членовъ находятся два доблестныхъ участника боя подъ Канделемъ: Сергѣй Тарасенко и извѣстный писатель Евгений Яконовскій, давшій въ 30-ой тетради "Возрожденія" за декабрь мѣсяць 1953 года, подробное описаніе этого единственнаго въ военной исторіи и неповторимаго, по воинской доблести, кадетскаго подвига.

Корпусный праздник текущего года собралъ еще невиданное до этого дня количество кадетъ и ихъ родныхъ. Въ церкви за молебнымъ присутствовало болѣе тридцати человекъ, а за столомъ собралось свыше сорока.

Встрѣченный подобающимъ образомъ, Предсѣдатель Союза Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ Полковникъ Шпилевскій поздравилъ кадетъ съ праздникомъ, а въ послѣдующей рѣчи говорилъ о значеніи кадетской сплоченности вообще и той роли, которая принадлежитъ въ Союзѣ Р.К.К. Объединенію Одесскаго Кадетскаго Корпуса.

Затѣмъ пили за здоровье доблестныхъ участниковъ боя подъ Канделемъ Е. Яконовскаго и С. Тарасенко и чествовали редактора журнала "Досугъ Одесскаго Кадета" К. С. Соловскаго, которому Объединеніе преподнесло серебряную чарочку съ соответствующей надписью. Отбывающему въ Америку С. М. Каминскому Объединеніе вручило на память погончикъ корпуса. Было прочтено вслухъ и всѣми одобрено стихотвореніе В. Новикова, составленное имъ специально ко дню корпуснаго праздника.

Къ 5-и часамъ обѣдъ закончился и уступилъ мѣсто проводамъ Каминскаго во всесоюзномъ масштабѣ.

Полковникъ Шпилевскій напутствовалъ его прекрасной, прочувствованной рѣчью и преподнесъ отъ Союза дорогой бумажникъ, на кождъ котораго были вытѣснены золотомъ инициалы С. К. Въ теплой и истинно-дружеской атмосферѣ провели кадеты этотъ памятный для насъ день.

С. Ножинъ.

Къ товарищескому обѣду въ день корпуснаго праздника

Объединенія Кадетъ Одесскаго

Великаго Князя Константина Константиновича

Кадетскаго Корпуса.

Въ легендѣ древней Персифалл
Сонмъ рыцарей разъ въ годъ весной
Принять причастіе Граалл
Собирается одной семьей.

И рыцарскіе чтя зафты,
Какъ Лоэнгрины нашихъ дней
Разъ въ годъ Одесскіе кадеты
Чтуть радость юности своей.

Легко сметаетъ съ плечъ согбенныхъ
Усталость прожитыхъ годовъ

И передъ взоромъ умиленнымъ
Встаетъ родной нашъ корпусъ вновь.

Горять огни воспоминанія,
Струя неугасимый свѣтъ,
Дерюгинъ, Копличъ, Дядя Ваня,
Родкевичъ, Мотя Самоцвѣтъ...

И "пончикъ" на короткихъ ножкахъ,
И Яша, прозвищемъ Пузанъ,
И старый нашъ буфетчикъ Вошка,
И на сладу нашъ кегельбанъ.

Плынуть, какъ вы далекой были,
Видѣнія свѣтлой чередой
И воспитателей любимыхъ,
И педагоговъ длинный строй.

И нашъ кадетъ, традиціей старой
Спаянный дружбой батальонъ,
И маршъ парадный нашъ, фанфарный,
И балъ, и шпанный котильонъ...

Ахъ, какъ давно все было это,
Какъ много водъ ужъ утекло...
И корпуса давно ужъ нѣту,
И вихремъ блескъ его смело.

Какъ разъяренными волнами
Нашъ смело, выбросили ронъ
Отъ береговъ Одессы-мамы
На Шпре, на Сену, на Гудзонъ.

И здѣсь вновь тѣсною семьей,
Собравшись за однимъ столомъ,
Мы омоложенной душой
Вновь старый корпусъ вновь поемъ.

Въ сердцахъ горитъ неугасимо,
Какъ рунъ священная строка,
Погонъ нашъ славный темно-синій
Сперва съ "О.К.", потомъ съ "К.К."

Но всѣхъ святинь для насъ святѣе
Лучится символъ лишь одинъ
Въ душѣ бессмертнымъ маршемъ
Сіяетъ имя К о н с т а н т и н ѣ !

И съ этимъ именемъ священнымъ,
Пока еще струитъ въ насъ кровь,
Мы вѣримъ, что огонь негасимый
Разженъ въ Россіи будетъ вновь!

Ея увидѣть воскресеніе
Судьбой намъ врядъ-ли суждено,
Но новыиъ внимъ поколѣніимъ
Намъ передать нашъ духъ дано!

Нашъ духъ кадетскій - спайки, дружбы,
Духъ вѣрности, традицій воиъ,
Духъ преданной Россіи службы,
Духъ нашихъ дѣловъ и отцовъ.

И вѣримъ свято, что судьбина
Страданья русскаго народа
И корпусъ славыиъ Константина
Вновь Вѣрїаду запоеть.

Вл. Новикова.

.....

Экспромтъ на Пасхальной
встрѣчѣ кадетъ.

Христось Воскресе! Душа устала,
И грусти полноя, господа,
Привѣтъ отъ "мальчика съ вокзала"
И отъ соратника Дрозда.

Съ пеленокъ съ вами мы контрасты:
Кадеты вы - я гимназистъ,
Но вмѣстѣ слушали мы часто
Снаряда войиъ и пули свистъ.

Носъ битвы мушкетера сродвила,
Ее ни съ чѣмъ нельзя сравнить,
У ней особенная сила
И всѣхъ и все объединить.

Я пью за васъ, въ надеждѣ тайной,
Чтобъ этотъ дружескій привѣтъ
Звучалъ-бы здравицей случайной
За всѣхъ изгнанниковъ - кадетъ.

Александровскаго военнаго
училища поручикъ А. Генкинъ.

.....

Нижегородскій графа Аракчеева
кадетскій корпусъ.

За послѣднее время отъ насъ ушелъ въ иной миръ большой патриотъ и доблестный офицеръ Императорской Арміи, кадетъ нашего корпуса, полковникъ конной артиллеріи Николай Николаевичъ Сапегинъ. Вѣчная ему память.

Осенью сего года, черезъ французскій красный крестъ, мы узнали о мученической смерти, въ Колымскихъ концлагеряхъ, молодого Аракчеевца, тріема въ корпусъ 1915 г., Максимилиана Оскаровича Бекъ-Софіеа.

Имя отца, кадета Псковскаго корпуса, въ эмиграціи, Максъ и его семья подвергались въ СССР, неоднократно арестамъ, "сидкамъ" въ тюрьмахъ и высылкамъ изъ большихъ городовъ.

Въ 1937 году, при ежовщинѣ, мать Макса была выслана изъ Петербурга въ Самару, а онъ былъ осужденъ тройкой г.п.у. на каторжные работы въ дальневосточные лагеря, безъ права переписки и съ конфискаціей всего имущества.

На тяжелыхъ, изнурительныхъ работахъ въ Колымѣ Максъ провелъ 8 лѣтъ въ полной неизвѣстности объ участи близкихъ ему людей и матери, всегда жившей и раздѣлявшей съ нимъ всѣ ужасы совѣтской дѣйствительности.

Гдѣ и какъ онъ скончался неизвѣстно. Красный крестъ сообщаетъ, что онъ умеръ отъ воспаления мозга. Тѣло-же его, вмѣстѣ съ другими, брошено чекистами въ общую яму и закидано мерзлой колымской землей.

На панихидѣ, въ храмѣ на рю Дарю, Аракчеевцы и друзья, а также кадеты Союза Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ, во главѣ съ ихъ Предсѣдателемъ, Полковникомъ Р.А.Шиниловскимъ и Генеральнымъ Секретаремъ Б.Н.Савойскимъ, молились за новопреставленнаго раба Божія Максимилиана.

На очередномъ собраніи кадета нашего корпуса Предсѣдатель Объединенія Полк.В.Н.Ануфриевъ подалъ въ отставку. На его мѣсто избранъ Полк.Д.Д.Чихачевъ. Остальные члены правленія Объединенія утверждены на своихъ должностяхъ.

Несмотря на ясное пониманіе почти всеми кадетами, что всякое разединеніе въ любой національной организаціи являетъ ся водой на мельницу нашихъ враговъ, все-же въ нашей кадетской семьѣ не все благополучно.

Благодаря связи съ однокашниками, живущими въ Голландіи, Германіи и Америкѣ, Объединеніе узнало отъ Н.Н.Ильинскихъ о томъ, что въ Парижѣ проживаетъ нашъ преподаватель французскаго языка (1914-1917) Генрихъ Феликсовичъ Николае де Поллѣ. Найти Генрихъ Феликсовича, при отсутствіи въ Парижѣ адреснаго стола, было не легкой задачей, но благодаря хлопотамъ Маріи Ивановны Златковской, имѣющей какія-то "потустороннія связи",

намъ удалось узнать адресъ нашего преподавателя.

На торжественномъ обѣдѣ 15 марта 1956 года, въ день корпуснаго праздника, Г-нъ Николай присутствовалъ со своей супругой Маріей Викторовной.

Въ этомъ-же году въ Объединеніе вступили славный кадетъ Аракчеевъ, выпускъ 1890 г., Генераль Александръ Александровичъ Губинъ.

Работая активно въ Союзѣ Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ, Аракчеевское Объединеніе кадетъ и обще-эмигрантскую дѣятельность. Въ 95-ую годовщину отмены крѣпостнаго права и положенія объ устройствѣ крестьянъ, въ землѣ Общества Савантъ, 3-го марта, нашимъ кадетомъ было прочитано весьма обстоятельный докладъ о земельномъ вопросѣ въ Россіи и реформахъ Императора Александра II. Въ докладѣ была подробно освѣдена земельная реформа Столыпина, а также и знаменитый приказъ Главнокомандующаго Вооруженными Силами на Дѣлѣ Россіи о землѣ, изданный Генераломъ Врангелемъ 25 мая 1920 года.

Участвуютъ Аракчеевцы и въ работахъ Научно-Исследовательскаго Института по изученію исторіи и культуры Россіи. Однимъ изъ одноклассниковъ написана работа, которая принята къ печати Ученымъ Совѣтомъ Института.

Домъ отдыха Аракчеевцевъ въ 1956 г. расширился. Казначеемъ Объединенія Ю.И. Воиновъ, рядомъ со старымъ домомъ, построенъ новый на три койки. Нѣкоторые Аракчеевцы смогли въ этомъ году провести нѣсколько дней отпуска въ уютной обстановкѣ у радушныхъ хозяевъ и отдохнуть душой и тѣломъ на лонѣ природы.

Лѣтомъ, въ день Бориса и Глѣба, Аракчеевцы на дачѣ у Ю.И. Воинова устроили приемъ, на которомъ чествовали именичника - Генеральнаго Секретаря Союза Р.К.К. Бориса Николаевича Савойскаго. Присутствовало много кадетъ другихъ корпусовъ во главѣ съ Предѣлдателемъ Союза, Полковникомъ Георгіемъ Антоновичемъ Шилевскимъ.

Частныя и дружескія встрѣчи кадетъ нашего Объединенія позволяютъ легко разрѣшать тѣ или иные сложные вопросы быта, работы, идеологическихъ проблемъ, матеріальныхъ затрудненій и даже горя.

Такъ, на примѣръ, когда скоропостижно скончалась Г-жа Л.Н. Бекъ-Софіева, воспитавшая трехъ своихъ сыновей Аракчеевцевъ, то ея сынъ, находящійся въ Парижѣ, былъ окруженъ такимъ вниманіемъ со стороны своихъ одноклассниковъ, что безпредѣльное горе его какъ-бы распредѣлилось между всѣми Аракчеевцами.

Кадетскій размахъ въ Парижѣ, неправильная информанція со стороны нѣкоторыхъ нашихъ о жизни нашего старого Объединенія, хоть и тяжело переживается Аракчеевцами, но не мѣшаетъ имъ дружно работать на благо кадетства и будущей освобожденной Россіи.

Парижъ 1956 годъ.

Бѣсъ раздѣленія.

Въ единеніи сила. Этотъ основной принципъ въ организаціи общественной жизни всѣми признанъ и никѣмъ не оспаривается. А между тѣмъ, исторія человѣчества и окружающая насъ жизнь проходить подъ знакомъ хроническаго раздѣленія. Приходится признать, что бѣсъ раздѣленія очень хитеръ и активенъ. Такъ наиримѣръ онъ забрался въ единую, крѣпкую кадетскую семью и разбилъ ее на два обединенія. Нецѣлесообразность подобнаго дробленія силъ съ политической точки зрѣнія понятна всѣмъ.

Мы стараемся, въ данномъ случаѣ, осудить это печальное явленіе съ высоты христіанской морали. Чернымъ нарушилъ единеніе и поступилъ весьма не по товарищески Адамъ, послѣ вкуншенія имъ запретнаго плода. Въмѣсто того, чтобы чистосердечно покаяться передъ Господомъ въ своемъ ослушаніи, онъ свалилъ вину на свою жену.

"Жена, которую Ты мнѣ далъ, она дала мнѣ отъ дерева и я ѣлъ". (Быт.3,12).

Потомъ, мы знаемъ, какъ по зависти, возсталъ Каинъ на Авеля, брата своего и убилъ его. (Быт.4,8). Въ той-же Библии говорится, что "на всей землѣ былъ одинъ языкъ и нарѣчіе", но люди возгордились и возвысили желаніе сдѣлать себѣ имя, увѣковѣчить его, построеніемъ себѣ города и башни въ немъ высотой до неба. За гордость свою они были наказаны Господомъ: Господь сошедъ къ нимъ, смѣшалъ языкъ ихъ и разсѣялъ ихъ по всей землѣ, такъ что они перестали понимать другъ друга.

Отчужденность и разсѣяность людей античнаго міра очень хорошо описана въ Иліадѣ слѣдующими словами:

"Нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого сюза.

Волки и агныи не могутъ дружитья согласіемъ сердца.

Вѣчно враждебны они; злоумышленны другъ противъ друга.

Такъ и межъ насъ невозможно любовь.

Никакихъ договоровъ быть между нами не можетъ.

Пока одинъ, распростертай, кровью не насытитъ свирѣпаго бога Арея. (Иѣсонъ 22).

Съ проповѣдью Евангелія, человѣчеству дана Христомъ заповѣдь единства: "Да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ". (Ин.17,21).

Эту заповѣдь на дѣлѣ исполняли первые христіане: "Всѣ вѣрующіе были вмѣстѣ и имѣли все общее, не было между ними никого нуждавшагося". Такъ описываетъ Евангелистъ Лука жизнь іерусалимской общины.

Съ этого момента понятія - единства, дружбы, товарищества стали спутниками и двигателями христіанской культуры.

Раздѣленіе, омрачающее нашу общественную жизнь, несмотря на свою силу и распространенность, однако, не присуще при-

родѣ человѣка. Это явленіе скорѣе паразитарное. Его можно унодобить злокачественной опухолі на организмѣ общества, мѣшающей идти ему къ добрымъ цѣлямъ.

Общественная жизнь не есть жизнь стаднаго коллектива, члены котораго связаны другъ съ другомъ только экономическими интересами. По христіанскимъ понятіямъ, жизнь общества есть духовная жизнь, проникнутая нравственными началами.

Борьба противъ злыхъ силъ и за Бога въ сердцѣ человѣка составляетъ драматическую сущность исторіи христіанскаго общества.

Тамъ, гдѣ народъ проигралъ полное единодушіе въ борьбѣ за христіанскіе идеалы и духовные сокровища своей культуры, тамъ онъ вписалъ славныя дѣянія въ свою національную исторію. Въ раздѣленіи и смутѣ народъ не могъ творить что-либо великое и славное — это періодъ его моральнаго паденія, матеріальной нищеты и зависимости отъ сильнаго и богатаго сосѣда. Вотъ почему съ раздѣленіемъ надо нещадно бороться. Но это борьба трудная, ибо бѣсъ раздѣленія побѣждается только духовнымъ оружіемъ. Надо возлюбить, понять, простить, смириться; надо имѣть даръ трезваго разсужденія, провидѣнія; надо умѣть прятать въ карманъ свое личное самолюбіе, когда того требуетъ общая польза. Откуда мы возьмемъ все это, когда наши духовные арсеналы стоятъ пустыне?

Пиренн 1956 г. В. А.

Авторъ настоящихъ строкъ живетъ въ глуши французской провинціи и плохо осведомленъ о кидетскихъ расправахъ въ центрѣ, но онъ увѣренъ, что серьезныхъ причинъ для раздѣленія нѣтъ. Просто бѣсъ смущилъ, а отъ смущенія бѣсогогого можно наростать, на подобіе снѣжнаго кома, взаимное непониманіе, приведшее кидетскую семью въ темный тупикъ.

Выйти изъ этого тупика мало надежды. Но если-бы кидеты сумѣли изъ него выбраться, то это была-бы славная, достойная для памяти потомковъ побѣда надъ бѣсомъ раздѣленія.

В. А.

О грядущемъ духовномъ воскресеніи.

"Алые погоны" Изымскаго, "Офицерская честь" Крауна въ "Досугѣ Одесскаго Калета" затронули актуальную тему. Какъ говорится "и хочется и колется"... Мысль и сердце у многихъ на распутьи.

Заговорили на Родинѣ о высокой морали, объ офицерской чести и о многомъ другомъ. Все это очень мало, но все это въ то же время напоминаетъ цыгана, восхваляющаго луну и съ презрѣніемъ смотрящаго на солнце. "На черта мнѣ нужно ваше солнце, днемъ и такъ свѣтло. То-ли дѣло луна: она ночью свѣтитъ, когда темно кругомъ".

Такъ и тамъ: "Долой Бога. Религія - опиумъ для народа. Да здравствуетъ мораль, честь, порядочность и совѣсть", заявляютъ марксистскіе цыганы, не желая признавать, что и честь и совѣсть и мораль - только производныя отъ первоисточника, отъ свѣта Христіанской Истины, какъ свѣтъ луны - только отраженіе солнечныхъ лучей.

Главный водораздѣлъ, мѣшающій съ радостнымъ сердцемъ принимать происходящія на Родинѣ перемены, это водораздѣлъ между духовностью и матеріализмомъ, между вѣрой въ Бога и борьбой противъ этой вѣры. Эта борьба вынесена уже давно за предѣлы нашей Родины. Эта борьба идетъ въ мировыхъ масштабахъ. Какъ сказалъ Достоевскій: "Здѣсь на землѣ дьяволъ съ Богомъ борется и поле битвы - сердце людей". Перефразируя слова того-же Достоевскаго, можно сказать, что съ древнихъ временъ все живущее идетъ разрѣшенія вопроса - почему и какъ создается этотъ міръ?

Платонъ считалъ, что основной сущностью міра являются идеи, или вѣрнѣе первообразы. Матеріальный міръ для него является "ничемъ", первобытнымъ хаосомъ, точнѣе говоря - потенціей, которая можетъ стать чѣмъ-то, стать реальною, только тогда, когда ее оформитъ "первообразъ", когда ее организуетъ форма.

Аристотель тоже считалъ, что "въ основѣ вещей лежитъ не матерія, а форма". Онъ считалъ, что не душа является функцией мозга и не психика зависитъ отъ здороваго или больного тѣла, а наоборотъ, душа, какъ форма человека, опредѣляетъ и создаетъ нужное ей тѣло.

Одна изъ главныхъ идей Достоевскаго состоитъ въ томъ что человекъ, теряя образъ и подобіе Божіе, тѣмъ самымъ скатывается въ духовную бездну. Модной въ прошлымъ столѣтіи теоріи Дарвина объ "обезьяньемъ происхожденіи людей", онъ какъ-бы противопоставляетъ утвержденіе, что потерявшій образъ и подобіе Божіе человекъ превращается въ цивилизованную обезьяну.

Въ противоположеніе классическимъ представителямъ духовности, спиритуализма, матеріалистическое мировоззрѣніе отри-

цять идеалистическое представление о мирѣ, отрицаетъ Бога, утверждаетъ, что лишь одна матерія является истинной реальностью, черезъ материальную вещественность. Все, что удается свести логически на матерію и на ея функціи, тѣмъ самымъ считается объясненнымъ, понятнымъ и доказаннымъ. Жизнь и ея тайна считались объясненными, когда функціи живой матеріи сводились къ физико - химическимъ процессамъ. Наука прошлаго вѣка сводила процессы молекулярные къ атомнымъ. Атомъ долгое время рассматривался, какъ единица самая маленькая, простая и недѣлимая.

Весь процессъ материалистическаго упрощительства долженъ былъ дойти до предѣла. Такимъ предѣломъ была знаменитая система Менделѣева. Материалистическое мировоззрѣніе праздновало свою побѣду. Но наука пошла дальше. Въ 1888 году русскій физикъ Чичеринъ намѣтилъ атомную структуру вѣтъ центральнаго ядра и периферическаго слоя, а въ 1912 г. датчанинъ Боръ предложилъ "модель" атома, принятую современной наукой. Атомъ состоитъ изъ "положительнаго" центра - протона и вращающихся вокругъ него "отрицательныхъ" электроновъ.

Количество электроновъ образуетъ тотъ или иной элементъ. Самъ-же электронъ считается лишь электрическимъ зарядомъ, явленіемъ не материальнымъ и, что самое замѣчательное и характерное, во всѣхъ комбинаціяхъ совершенно однороднымъ. Такимъ образомъ матерія, какъ таковая, состоитъ въ сущности своей изъ частицъ нематериальныхъ, безформенныхъ и одинаковыхъ. Дойдя до электрона, наука дошла до некоего "нуля", до "ничто", потому что нулемъ электронъ является и въ онтологическомъ смыслѣ, какъ нечто неведественное, "ничѣмъ" является онъ и съ точки зрѣнія теоретико - познавательной, потому что будучи однороднымъ и безформеннымъ, онъ не можетъ ничего опредѣлить. Многообразіе міра не можетъ быть имъ объяснено.

Мельчайшія частицы атома - протонъ и электронъ - являются лишь возможностями, лишь потенціями. Опредѣляющей, основной сущностью атома является его схема, его структура, его форма. Пытаясъ объяснить все черезъ матерію и ея свойства, материалистическое мировоззрѣніе, дойдя до мельчайшей частицы матеріи, гдѣ какъ будто уже ничего кромѣ этой матеріи нѣтъ, наткнулось на электронъ. Самую матерію уже приходится понимать спиритуалистически: изъ идеи, ея формы, построенія, движенія. Это уже кругъ идей платоно-аристотелевскаго мировоззрѣнія. Къ этому мировоззрѣнію приводитъ насъ наука.

Современная физика говоритъ, что безформенная основная матерія, какъ-бы она не называлась, взятая какъ таковая является "ничѣмъ", первобытнымъ хаосомъ, точнѣе говоря потенціей, которая можетъ стать чѣмъ-то, стать реальностью только тогда, когда ее оформитъ "первообразъ", когда ее организуетъ форма...

И размышляя о строении атома, въ новомъ свѣтѣ воспринимаются начальныя строки Св. Евангелія, гласящія, что земля вначалѣ была безвидна и пуста и что лишь Слово - Духъ Божій, витающій надъ хаосомъ, могъ дать темной безднѣ и свѣтъ и форму и жизнь.

На Родинѣ нашей молодежь особенно увлекается такъ называемыми прикладными науками, практическими, материалистическими, отбрасывая духовное. Но и черезъ эти материалистическія науки, черезъ химию, физику, электричество она неизбежно придетъ къ выводу о томъ, что: "Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога и Богъ былъ Слово"... И когда она придетъ къ этой мысли, тогда воистину воскреснетъ Святая Русь и спасая себя отъ дьявольскаго материализма, спасетъ съ собою и весь міръ. Тогда съ теплымъ сердцемъ поклонимся и мы нашему многострадальному Отечеству; но и сейчасъ, когда оно въ рубищѣ и покрытое язвами коммунизма борется со своей тяжелой болѣзнью, не намъ бросать въ него камень, не намъ брезгливо отворачиваться отъ него. Намъ долсъ - помочь ему изжить эту страшную болѣзнь. "Полюбите меня черненькую, бѣленькую меня всякій полюбитъ", вправѣ сказать оно намъ.

Капитанъ Копѣйкинъ.

-o-o-o-o-o-

Величіе воинскаго званія.

Война - великое зло. Но какъ человѣкъ не можетъ предотвратить природныя бѣдствія: землетрясенія, бури и наводненія, такъ и война не можетъ быть уничтожена человѣческими силами. По словамъ Христа войны будутъ до кончины міра. Никакія мирныя конференціи, никакіе международные договоры не создадутъ на землѣ мира и согласія между народами.

Насъ интересуетъ, гдѣ данный моментъ, другой вопросъ, если война - зло, то не подлежитъ-ли тогда воинское званіе строгому осужденію, поскольку оно принимаетъ въ войнѣ активное участіе?

Прежде всего обратимся за разъясненіями къ тѣмъ, кто учитъ насъ христіанской любви и возноситъ ежедневно молитвы о мирѣ всего міра.

Св. Кириллъ, просвѣтитель славянъ отвѣтитъ намъ такъ: "Христосъ велѣлъ намъ любить враговъ, но Онъ-же заповѣдалъ намъ - нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу за друзей своихъ - (Ін. 15, 13), поэтому мы терпимъ обиды, принимаемыя каждому изъ насъ отдѣльно, но въ обществѣ защищаемъ

другъ друга и полагаемъ жизнь за братьевъ своихъ".

Въ этомъ-же духѣ поучаетъ Фимаретъ Митрополитъ Московскій: "Война священное дѣло для тѣхъ, которые принимаютъ ее по необходимости, въ защиту правды, вѣры, отечества. Подвизавшійся въ сей брани оружіемъ совершаетъ подвигъ вѣры и правды; страданіемъ и смертыю за сіе побовѣданіе и приемыя раны и полагая животъ свой въ сей брани, сізъ идетъ вождѣмъ мучениковъ къ вѣдѣнному вѣнцу".

Другимъ свидѣтельствомъ о высотѣ воинскаго званія является сонмъ святыхъ воиновъ, сочетавшихъ ратный подвигъ съ высокой личной христіанской жизнью. Среди нихъ немало мучениковъ, пострадавшихъ за Христа.

Въ римскихъ легионахъ воины христіане были всегда на лучшемъ счету, какъ болѣе нетребовательные и терпѣливые въ походахъ и стойкіе въ сраженіяхъ. Многие изъ нихъ дѣлали даже блестящую военную карьеру, достигая высшихъ командныхъ постовъ въ римской арміи. Такъ, св. Великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ за свои военныя способности и отвагу былъ, несмотря на свою молодость (20 лѣтъ), назначенъ прачителемъ Діоклетіаномъ, командовать крупной воинской частью.

Ни одинъ воинъ христіанинъ того времени не проповѣдывалъ непротивленіе злу, не гнушался своего воинскаго званія и не уклонялся отъ исполненія воинскаго долга. Неповиновеніе начальству было только въ одномъ случаѣ, когда воина христіанина заставляли отречься отъ Христа и совершить жертвоприношеніе языческимъ богамъ.

Русскіе святые воины намъ особенно близки и дороги. Народная память чтитъ главнымъ образомъ св. князей воиновъ монгольскаго періода, подвизавшихся за святую Софію, за Спаса, за вѣру Православную и за Землю Русскую. Въ житіи Благовѣрнаго кн. Александра Невскаго такъ и говорится о его воинскомъ служеніи: "Тако Богъ прослави угольника Своего, яко много тружесея за Землю Русскую и за Новгородъ и Псковъ, животъ свой полагая за Православное Христіанство".

"Братья,--обращается къ своей дружинѣ св. кн. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый,-- ничтоже имѣте въ умѣ своемъ, аще нынѣ умремъ за христіанинъ; то очистилися грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу съ мученики". Не отсюда-ли отношеніе насъ русскихъ къ воинскому званію: -- это не профессія, а прежде всего вѣрная служба Царю и Отечеству, долгъ чести, безкорыстный подвигъ, стояніе за правду и справедливость.

Сейчасъ на нашей Родинѣ русскаго воина хотятъ облачить въ марксистскіе доспѣхи. Мы знаемъ, какъ здоровое національное чувство русскаго человѣка этому сопротивляется и какъ этому чувству дѣлаются маленькія уступки. Но до какихъ границъ можетъ дойти такая уступчивость? Совѣтамъ нужна армія безъ буржуазныхъ предрассудковъ, могущая послушно поне-

сти на своихъ штыкахъ завоеванія міровою революціою. Если понадобится, эта-же армія должна будетъ жестоко расправляться съ оккупированнымъ населеніемъ. Будутъ-ли у офицеровъ золотые погоны, а у солдатъ на груди Суворовскія и Кутузовскія медали совѣтаѣ это безразлично, лишь-бы не нарушалась дисциплина и исполненіе директивъ партіи.

Мы не знаемъ въ какія формы вылетѣтъ неизбежное столкновеніе коммунизма со свободнымъ міромъ и доживемъ-ли мы до "последняго и рѣшительнаго боя". Но какъ-бы не сложились историческія событія, кадетскій долгъ призываетъ вновь встать нашь подъ бѣлое знамя. Этому обязываетъ великое прошлое нашей Отчизны, наше воинское воспитаніе, кровь пролитая въ борьбѣ съ красной нечистью, а наипаче высота воинскаго званія, къ которому мы были призваны, когда мальчишками вошли въ стѣны роднаго корпуса.

В. А.

-o-o-o-o-o-

Давно все это было.

Былъ тихій, ласковый августъ 1915 года. Изюмскіе гусары рѣдкими заставами занимали сторожевымъ охраненіемъ участокъ въ двухъ верстахъ къ западу отъ мѣстечка Порикъ на Волыни. Эскадроны резерва стояли въ помѣстіи графа Чапскаго.

Лунными вечерами на полянѣ парка, предъ замкомъ, трубы играли "Бѣлые бѣлѣны", "Старинный вальсъ" и другіе романсы того времени, юные корнеты бродили по аллеямъ вдоль озера, грезили мечтами двадцатилѣтней юности.

"Слушай Ш-къ" (Кіевскій кадетъ) говорилъ мнѣ корнетъ Богаевскій (Полтавскій кадетъ), "я домой не вернусь, встрѣчу смерть гдѣ-либо въ дубравахъ Волыни, на поляхъ Галиціи, или въ тѣснинахъ Карпатъ. Одного хочу, чтобы незнакомая, невѣдомая мнѣ дѣвушка положила на мое остывшее тѣло букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ".

Бѣжали дни, проносились мѣсяцы, уходили годы. Въ пламени боевъ сгорали кадры Россійской Арміи.

Осень, зиму 15 - 16 годовъ провели Изюмцы въ окопахъ -канавкахъ вдоль береговъ Стири.

Растаяли снѣга, повѣяло весной, подошелъ май 1916 года. Весь юго-западный фронтъ нашихъ армій, прорвавъ укрѣпленныя позиціи противника, съ боемъ, съ побѣдой двинулся впередъ.

Въ концѣ октября, беззвѣздной ночью, смѣнили насъ въ окопахъ у Пустомыты желѣзные стрѣлки.

Въ теченіи трехъ недѣль подъ низко нависшимъ шатромъ черно-свинцовыхъ тучъ, подъ непрерывнымъ, студенымъ дождемъ

пель походомъ нашъ полкъ гусарскій на югъ, черезъ Дубно, Кременецъ, Збаране, Чертковъ, Залещики.

У закрытаго ж. - д. переѣзда у Черновитъ насъ задержалъ медленно, въ гору поднимавшійся пассажирскій поѣздъ. Изъ оконъ замедлили намъ въ привѣтъ руки, платочки юныхъ, невѣдомыхъ женщинъ. Мы молча глядѣли на колыхавшіеся вагоны.

Потомъ прошли мы Черновицы, Сороку, Сучаву и у Фальтигенъ, перейдя границу у Румыніи, вступили подъ звуки трубачей въ нарядный, еще не обезображенный тьмами, городокъ Романъ. Два дня отдыха и вечеромъ на третій день двинулся полкъ гусарскій на западъ.

Съ разсвѣтомъ выростала предъ нами громада Трансильванскихъ Карпатъ. Потомъ шли мы въ колоннѣ рядами по снѣжной горной дорогѣ, въ колоннѣ по одному, узкой тропой вдоль бурныхъ ручьевъ; потомъ все выше, все выше сквозь туманы перистыхъ тучекъ. На высотѣ около 1.300 метровъ полкъ сѣѣнился у спаленной лѣсопилки. На этомъ рубежѣ сосредоточилась II-я кавалерійская дивизія. Гдѣ-то впереди отходили румыны.

Отсюда уланы, гусары, казаки, имѣя драгунъ въ резервъ, двинулись боевымъ порядкомъ впередъ, по горнымъ хребтамъ, по глубокимъ снѣгамъ. Наша молодость, двухлѣтняя боевая страда помогали намъ преодолевать вѣковой буреломъ, оледенѣлые скалы.

Верстахъ въ пяти наши дозоры столкнулись съ дозорами противника. Съ боемъ продолжалось наше наступленіе. По кручамъ, оврагамъ въ обходъ, по поясъ въ снѣгу шли мы еще верста пять впередъ.

На высотахъ около 1800 метровъ дивизія остановилась, вошла въ связь съ сосѣдями. Вырыли въ снѣгахъ ямки, обозначился фронтъ дивизіи.

Стояла суровая зима, трещали отъ мороза стволы лѣковыхъ сосенъ, гремѣли въ Карпатахъ раскаты орудійныхъ залповъ.

Уже около двухъ недѣль я былъ въ тылу начальникомъ полковой учебной команды. Зимними вечерами, въ жарко натопленномъ домѣ румынскаго священника, тихо пѣвала мнѣ подъ рокотъ гитары хозяйская дочь, семнадцатилѣтняя Уристіна (гдѣ ты теперь?). Робкіе взоры, трепеть юныхъ лѣтъ.

Приказъ изъ штаба 5-го коннаго корпуса: "Учебной командѣ съ трубачами, въ конномъ строю прибыть къ 10-ти часамъ къ госпиталю № 16 въ г. Фальтигену для отданія воинскихъ почестей, скончавшемуся отъ ранъ, поручику Богаевскому".

Къ 10 часамъ учебная команда и трубачи стояли фронтомъ передъ госпиталемъ. Поручикъ III-къ вошелъ въ часовню, началось отпѣваніе.

Дочь воеводы Молдавіи, юная княжна Стурдза, возложила на грудь покойнаго букетъ бѣлыхъ цвѣтковъ.

Старый гусаръ.

Вторая батарея

(отъ редакціи)

Авторъ очерка, Евгений Яконовскій, поступилъ въ 1912 году въ Кабаровскій корпусъ, въ которомъ уже учился его братъ Андрей. Первая мировая война застаётъ его во второмъ классѣ. Въ 15 году оба брата перелазятъ въ Оренбургскій-Неплюевскій корпусъ. Въ февралѣ 17 года они оба въ четвертомъ классѣ. На лѣтніи каникулы кадеты развѣзываются уже въ условія наивысшаго развала. Этотъ періодъ описанъ въ очеркѣ "Война" ("Военная Быль" № 4).

Пятый классъ Неплюевского корпуса въ первой ротѣ... рота уже не рота, а "старшій взростъ".

Пожаръ Форштадта, Моршловское возстаніе, октябрьскій переворотъ, атаманъ Дуловъ.

16 января 18-го года неплюевская рота подъ командой прапорщика Хрусталева дерется подъ ст. Кургала въ 25 верстахъ отъ Оренбурга. 18 января городъ сданъ и добровольцы уходятъ въ степь въ направленіи Уральска. Очеркъ "Кургала" шелъ въ "Военной Были" №№ 2-3, а "Дугачевскія дороги" въ № 12.

Съ весны 18-го года на Украинѣ кѣмъ. Мѣстные кадетскіе корпуса открываются гетманомъ подъ названіемъ "военныхъ бурсы" (Військова бурса). Братья Яконовскіе попали въ Сумы. "Сумы въ 18 году" или въ "Военной Были" въ № 5.

Нѣмецкая революція, петлюровщина. Сумы на самой "красной" границѣ. Корпусъ распускается на Рождественскія каникулы. Кадеты Николай Годіевъ, Сергѣй Луусъ и Евгений Яконовскій рѣшаютъ "пробиваться" на югъ черезъ въбаламученную крестьянской революціей страну. Ихъ приключенія описаны въ большомъ очеркѣ-повѣсти "Фарфоровая кокарда" (В.В. №№ 8, 9, 10, 11).

25 декабря, въ Рождественскій вечеръ, три кадета натыкаются у станціи Пришибъ на кубанскій развѣздъ.

"Вторая батарея" является продолженіемъ очерковъ Евгения Яконовскаго или, вѣрнѣе, однимъ изъ недостающихъ звеньевъ ихъ полной серіи, слѣдующихъ непосредственно за "Фарфоровой кокардой".

Редакція.

Въ Бердянскѣ я ѣхалъ въ служебномъ отдѣленіи вагона Поѣздъ шелъ по революціонному медленню. Отъ Большого Томака до Бердянска мы плелись всю ночь. Въ служебномъ отдѣленіи кромѣ меня былъ Васька-телеграфистъ и старшій кондукторъ. Желѣзнодорожники понли меня кислымъ, мѣстнымъ виномъ. Кондукторъ молчалъ, Васька говорилъ. Васька меня ревновалъ къ одной изъ теткинскихъ горничныхъ Варѣ. Варя дѣйствительно была грелестъ, но мнѣ говорили: —"есть квасъ, да не про васъ"— не смотри на золотые галуны кадетскаго мундира и то, что я вралъ, что мнѣ уже семнадцать лѣтъ. Васька этого не зналъ — не Варя же ему бы сказала? И ревновалъ, примѣливая къ ревности "классовый"

подходь. Паньчъ, буржуйчикъ нравится!

Подвыпивъ онъ яростно на меня наездъ. Не прямо, такъ какъ вообще мы были съ нимъ почти приятелями и до Вьри, онъ даже хвастался передо мной своими станционными побѣдами, безъ зазрѣнія совѣсти компрометируя жеманныхъ красавицъ желѣзнодорожнаго поселка, а карамболомъ, отъ борта, возмущаясь напри-мѣръ английскимъ садомъ моей четки (въ такое время!) и "офицерскими" манерами отца — у насъ, на желѣзной дорогѣ принято на вы обращаться съ людьми, а Михаилъ Андреичъ (это мой отецъ) тыкаетъ всѣхъ, какъ въ солдатниѣ. Да еще въ старорежишной. Небось теперь даже у бѣлыхъ мы гсгорятъ!

Заговоривъ о бѣлыхъ, онъ уже отвѣтъ этой темѣ не отко-диль. Были они такіе и сякие, герсороли въ декабрѣ понапрас-ну людей, а у жённ комошника бухгалтера сперли курицу. По ка-кому такому праву? Яростно вопрошалъ Васька и мнѣ было такъ неловко, будто-бы курицу сперъ я самъ, а не солдатъ И. Гвардіи Московской роты, расположенной на станціи. Отъ безобразій тво-римыхъ бѣлыми, въ депо дѣйствительно, еще до моего приѣзда изъ Сумъ, кое кого гнпороли, Васька прережалъ къ чистой политикѣ. Бѣлые явно гнули къ старому режиму и, побѣди они, одиѣз одни будутъ носить золотые галуны, а другимъ, не смотря на ихъ об-разование, будутъ продолжать говорить ты. Пока-же они обраще-лись вѣжливо съ солдатами и, вообще, недювали трудовой народъ и трудовому народу необходимо было держать ухо востро, въ осо-бенности дѣвушкамъ. Васька явно намекалъ на Вьру, которой, по его мнѣнію, грозила какая-то опасность со стороны, воплощенной бѣлыми, россійской политической реакціи, лицеиѣрно перестав-шей украшаться золотыми галунами, онъ такъ и говорилъ: галу-нами, а не погонами, имѣя въ виду мой мундиръ и то, что здѣсь, въ служебномъ отдѣленіи вагона Токмкской желѣзной дороги, я былъ въ обыкновенной суконной гимнастеркѣ, и не менѣе лице-мѣрно обращавшейся къ солдату на вы.

Васька жестикулировалъ, поднималъ тонъ, поливалъ ви-на. Вагонныя колеса равномерно стучали на стѣжаль, снѣжинки таили на оконномъ стеклѣ и, казалось, что снаружи шелъ дождь. Отъ вина, отъ стука колесъ и отъ Васькиныхъ разговоровъ хотѣ-лось спать. Въ концѣ концовъ я заснулъ по настоящему. Утромъ желѣзнодорожники меня разбудили. Вагонъ стоялъ уже на запас-ныхъ путяхъ Бердянского вокзала и въ большихъ жестяныхъ кружъ какъ дымился цвѣточный чай. Всѣ трое молчали. Далъ двухъ желѣз-нодорожниковъ я, сынъ завѣдующаго матеріальной частью дороги и племянникъ директора, былъ всетаки своимъ. Несомнѣнно они были на сторонѣ ленинской революціи, я-же этимъ утромъ посту-палъ къ "бѣлымъ". Имъ было тяжело, особенно старшему, мнѣ- неловко. Прощаясь, Васька вдругъ неожиданно меня обидѣлъ и по-дѣловалъ, а молчаливый кондукторъ, обращавшійся ко мнѣ: "Гс-подинъ кадетъ", — по имени и отчеству рабочіе называютъ толь-

ко особо любимых и уважаемых начальниковъ - вдругъ назвалъ меня панычемъ, да еще по малороссійски, что было особеннымъ выраженіемъ симпатіи и довѣрія - "Нехай же Божія Мати васъ, панычу, ратує".

У меня была визитная карточка отца, адресованная полковнику Андрееву въ Бердянскъ.

Когда, на Рождество, я добрался до Большого Торжка, отецъ былъ въ Крыму. Потомъ онъ пріѣхалъ на нѣсколько дней, уже снова въ военной формѣ. Предполагалъ отдать меня въ мѣстную реалку, но на "всякій случай" оставилъ визитную карточку, "Если придется уходить, того я не допускаю, но все-же"...

Полковникъ Андреевъ былъ его старымъ другомъ, сослуживцемъ по 31-ой бригадѣ. Вместе они роевали въ Маньчжуріи и получали "кляквы" и Анны съ мечами. Теперь полковникъ Андреевъ что-то формировалъ въ Бердянскѣ. Визитная карточка оказалась очень кстати, такъ какъ совсѣмъ недавно командиръ Косковской роты Сводно-Гвардейскаго полка категорически отговаривалъ мнѣ идти въ Армію. Поступайте въ реальное, учитесь... Правда, говорилось это въ столовой роскошной виллы управляющаго дорогой, послѣ совсѣмъ довоеннаго параднаго ужина и подѣ тревожные и настороженные взгляды моей тетки.

"У меня есть Сумской кадетъ - Шелестовъ, за Армавиръ и произвелъ его въ ефрейторы". Армавиръ! Ставрополь! Я умираю отъ зависти къ незнакомому мнѣ Шелестову, произведенному въ ефрейторы. Совсѣмъ недавно я разговаривалъ съ Орловскимъ кадетомъ изъ Второго Кюнаго. На полубукѣ у него были нашиты черные орловскіе погоны и португел палки перекрывала погоны. Меня, "мирнаго" кадета, онъ откровенно презиралъ и, по его мнѣнію, у меня не было никакихъ шансовъ стать кавалеристомъ. "Совсѣмъ другая вѣда" - авторитетно отрѣзалъ Орловецъ на томъ увѣреніи, что ѣздить я умѣю и что научился посадкѣ въ настоящей солдатской смѣнѣ еще въ десятой Сибирской бригадѣ.

Визитная карточка отца, наконецъ, открывала мнѣ тотъ немного жуткій и заманчивый путь, по которому шелъ лихой кавалеристъ въ полубукѣ и ефрейторъ Шелестовъ.

Теткѣ я сказалъ, что ѣду въ Бердянскъ. Мундиръ оставилъ - пригодится когда пріѣду въ отпускъ. 24 января сѣлъ въ поѣздъ. Сегодня было двадцать пятое. Ровно мѣсяць тому назадъ подѣ вечеръ мы встрѣтились съ кубанскимъ разѣздомъ подѣ Пришибомъ (см. повѣсть "Фарфоровая кокарда"). Отъ Годиѣва и Леуса я не имѣлъ съ тѣхъ поръ никакихъ извѣстій, но они были, конечно, въ Крыму, а тамъ формировались новые части. Вотъ и я былъ не хуже другихъ!

Я долго блуждалъ по пустыннымъ утреннимъ улицамъ Бердянска. Шелъ вдоль длинныхъ заборовъ, изъ за которыхъ торчали голыя вѣтки, вдоль одноэтажныхъ фасадовъ провинціальныхъ особняковъ съ надписями на калиткахъ: "Злая собака. Просятъ

звонить". Отъ типины, отъ одиночества, отъ смутнаго сознаниа важности акта, который я собирался совершить и пониманиа того, что, уже рѣшившись на него, я липался всякой возможности отступленія, у меня сосало подъ ложечкой, какъ раньше въ детствѣ, когда хотѣлось плакать.

Въ библиотекѣ дяди ярко пылалъ каминъ, мягкія, огромныя -я въ нихъ буквально проваливался- кресла звали въ свои сонливыя объятія, недочитанный томъ "Кобзаря" лежалъ на широкомъ подлокотникѣ, раскрытый на страницѣ, гдѣ "его" жена встрѣчается съ кобзаремъ и Ивасемъ, и "сиг" узнаеть въ чертахъ маленькаго поводыря бѣдную Катерику.

Вотъ войдетъ неслишно Варя. Самая необыкновенная, самая красивая, самая хорошая въ мирѣ. Приложить палець ко рту, смотря веселыми, шаловливыми глазами. "Глаза каріе. Я ихъ называю золотыми, но она претендуетъ, что глаза золотые у меня и поеть, когда ми наединѣ, вотъ, какъ сейчасъ въ библиотекѣ, или просто встрѣчая въ корридорѣ:

"Съ какимъ восторгомъ я встрѣчаю
Твои прекрасные глаза"...

Спросить: "Кофе или чай?" Это громко. А тихонечко: "Есть квасъ да не про васъ". Я пытаюсь поймасть ее за руку, чтобы попробовать поцѣловать въ шею -единственное, что Варя мнѣ иногда позволяетъ- но она ловко и сильно меня оттолкнетъ и я грузно сяду въ глубокія кресла. А она прыснетъ въ кулакъ и пойдетъ на кухню быстрыми, легкими шагами. "Евгенію Михайловичу кофе въ библиотеку!" -услышу я ея звонкій и низкій голосъ.

И я поражаюсь самъ себѣ, какъ могъ я такъ легкомысленно оставить мое счастье? И почему Варя - горничная моей тетки? И какъ она отнесется ко мнѣ, когда я вернусь въ директорскую виллу съ наливками ефрейтора, или -все бываеть- даже унтеръ офицера. Говоря по артиллерійски: бомбардиромъ или фейерверкеромъ, такъ какъ поступаю въ артиллерію.

Вотъ сейчасъ, черезъ нѣсколько минутъ, можетъ быть. Можно еще повернуться и пойти на вокзалъ. Сѣсть въ служебное отдѣленіе съ тѣмъ-же Васькой. Васька сдѣлаетъ видъ, что обрадовался, но тамъ, на кухнѣ моей тетки со смѣхомъ расскажетъ про военныя похождения "паньча" и кончитъ полудразвительно, полудоправадыающе: ну, конечно, ребенокъ еще, сосунокъ, "пацанъ". Я прямо слышу это "пацанъ". Пацанъ для Вари. Не балуйся, дѣвка, съ ребенкомъ! Съ пацаномъ! Кто придумалъ это ужасное слово?

На кухнѣ царитъ нянька моего кузена Сережи. Ей лѣтъ сорокъ. Она умная, властная и себѣ на умѣ. Съ тѣхъ поръ какъ у Сережи "мадемуазель" она даже не нянька, а скорѣе экономка. Въ ея вѣдѣніи кухарка, три горничныхъ, садовникъ и кучеръ.

Горничную Настю, хорошенькую, рихловатую блондинку, она сватаеть за Ваську. Но Васька влюбленъ въ Варю. Нянька Арина

Ивановна моя союзница. Она большая поклонница моего отца. Завидно влюблена въ этого статнаго, красиваго мужчину, чуть начинающаго тяжелѣть, сѣдѣть и терять волосы.

Когда тетка уѣзжала съ мужемъ въ Симферополь, я перестала обѣдать въ столовой съ мадемуазель, Сережей и личной секретаршей дяди и перебралась на кухню, ближе къ Варѣ. На кухню меня называютъ важно Евгеніемъ Михайловичемъ и учатъ пить самогонъ. У моей тетки никого не величаютъ барыней и бариномъ она сама для прислуги Екатерина Андреевна. Екатерина Андреевна зоветъ своихъ горничныхъ на "вы". Подвигиветъ мы поемъ, а Васька подыгрываетъ на гитарѣ.

Хотя мы здѣсь на самомъ югѣ Украины - Малороссіи все знаютъ "Ермака", "Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", "Стеженьку Разина" и даже "Не шей ты мнѣ, матушка, красной сарафанъ". Въ нашемъ репертуарѣ и душещипательные романсы въ родѣ "Ахъ зачѣмъ ты меня цѣловала?" "Маруся отравилась" и украинскія пѣсни: "Копавъ, копавъ криниченьку", "Рѣве тай стогне Днипръ широкій", "До-жь вы хлопци" и т.д.

Здорово вы наши пѣсни поете, Евгений Михайловичъ, сказала какъ-то мнѣ Арина Ивановна и я понялъ, что "наши" означаетъ народныя и что, собственно говоря мнѣ, паннчу, знать ихъ и пѣть не полагалось.

"Кухня" была на сторонѣ революціи, на сторонѣ большевиковъ и даже мѣстныхъ махновцевъ. Не одобрила ихъ звѣрствъ, безчинствъ, но не одобряла все-же извиняла. Къ намъ, кителямъ директорской виллы, относилась хорошо, но въ планѣ индивидуальномъ. На кухню царили женщины и индивидуальный подходъ былъ понятенъ и закономѣренъ. "Вы" въ обращеніи съ прислужгой было явно недостаточнымъ со стороны людей "отмѣненныхъ" еще годъ назадъ и возстановленныхъ, по мнѣнію кухни, нѣмцами.

"Отмѣненные" люди боролись и интриговали за свои виллы, кресла и золотые галуны на красивыхъ мундирахъ, они отнимали у народа все, даже красивыхъ дѣвушекъ, теорія была Васькина конечно.

Нужно было обязательно доказать кухню, что все это было ерундой. Собственно не кухню, конечно, а Варѣ. Вотъ вернусь въ моей скромной гимнастеркѣ съ нашивкой (или двумя даже) на погонахъ. Гимнастерка будетъ бурая отъ крови и на ней, конечно, виситъ крестъ. Я скромно прошу приготовить мнѣ ванну, переодѣваюсь въ мундиръ, сажусь въ кресло и продолжаю читать "Кобзаря". Варя входитъ, но уже не смѣтел и въ глазахъ у нея слезы. И я не долженъ ловить ее за руку, а она сама подходитъ къ креслу...

Домъ былъ самый обыкновенный, одноэтажный, не очень большой и никакъ не напоминалъ собой казарму. У раскрытыхъ воротъ стоялъ солдатъ въ стеганной ватной курткѣ безъ погонъ

и въ старой потертой и рваной папахѣ. Солдаты были съ винтовкой и были, очевидно, часовымъ или дневальнымъ. На мой вопросъ здѣсь-ли помѣщается полковникъ Андреевъ, онъ разглагольствовавши изнулъ головой въ глубину двора: "Тамъ они". Въ глубинѣ двора налѣво около незнакомыхъ мнѣ на видъ пушекъ - пушки оказались нѣмецкими 42-хлинейными гаубицами - стояло человѣкъ двадцать въ подумоенныхъ формахъ.

Вѣроятно странное сочетаніе коричневой матросской шинели съ кадетской фуражкой очень всѣхъ заинтересовало, такъ какъ люди около пушекъ перестали разговаривать между собой и съ любопытствомъ на меня смотрѣли.

Какъ сейчасъ помню эту минуту. Строе январьское утро голыя вѣтви деревьевъ въ глубинѣ двора, эти пушки, ставшія въ этотъ день моими, офицеровъ вокругъ нихъ, молодыхъ и старыхъ моихъ старшихъ боевыхъ товарищей, съ которыми я раздѣлилъ девять мѣсяцевъ солдатской жизни.

"Оспода", сказалъ полковникъ Андреевъ, прочтя визитную карточку, "кадетъ, сынъ нашего артиллериста и съ этой минуты самъ артиллеристъ".

Такъ, 25-го января 19-го года я сдѣлался канониромъ второй батареи третьяго артиллерійскаго дивизиона четвертой пѣхотной дивизіи. Названіе справное для артиллерійскаго уха, но оно существовало. Мѣсяца черезъ два мы стали четвертой артиллерійской бригадой, а еще позже, когда я уже оставилъ батарею, четвертая бригада раздѣлилась на 13-ю и 34-ю, то есть развернулась въ бригады, кадры которыхъ ее составили въ то время, которое я описываю. Моя батарея принадлежала къ кадру 34-й бригады, расквартированной въ Екатеринбургѣ.

Изъ частей этой дивизіи формировался восьмой гетманскій корпусъ. Петлюровская революція застала его въ зачаточномъ состояніи. Все-же кадры восьмого корпуса рѣшили пробиваться на юго-востокъ, навстрѣчу бѣлымъ. Въ исторіи русской гражданской войны эта операція была названа "Екатеринбургскимъ походомъ" и въ память его была даже учреждена особая медаль.

Въ батарею я попалъ во-время. Дня черезъ два первый взводъ вышелъ на фронтъ, который находился совсѣмъ близко.

Удивительны были времена: гаубичнымъ взводомъ командовалъ полковникъ, взводнаго фейерверкера замѣнялъ другой. На моемъ "первомъ" орудіи былъ капитанъ Коссакъ, среди номеровъ было два поручика.

Помню, тогда сразу ударили сильные морозы. На первой рекогносцировкѣ я подморозилъ себѣ ноги стременами, по линіи прикосновенія конца сапога къ металлу.

Передъ нами были маховцы, только что договорившіеся съ Троцкимъ и согласившіеся на нѣкоторую военную организацію. Они занимали узловую станцію Пологи, прикрытую огромнымъ се-

ломъ, раскинувшимся настоящимъ вѣромъ и носившимъ названіе: "Конскіе Раздоры".

Перелѣ "Конскіи Раздорами", въ геометрическомъ центрѣ желѣзнодорожнаго треугольника находилось село "Гусарка", которое занимали мы, опираясь на станцію "Цареконстантиновка".

Обыкновенно наше командованіе держало въ селѣ роту пѣхоты, эскадрона два конницы и два пушки, сосредоточивъ главныя силы на желѣзной дорогѣ.

Уже 2-го февраля насъ выбили изъ "Гусарки". Ушли мы спокойно, какъ говорится "подъ давленіемъ противника".

На слѣдующее-же утро мы снова были въ "Гусаркѣ" и разошлись по своимъ хатамъ. Первѣд наши померы, увы, не произошли въ боевой обстановкѣ.

Нашъ взводный фойерверкеръ подполковникъ Грейгъ поѣхалъ на станцію Цареконстантиновку въ обыкновенной крестьянской "тачанкѣ" и безъ всякаго конвоя, станція была въ нашемъ тылу и мы ее прикрывали. Проѣзжая черезъ село того-же названія, находящееся всего въ трехъ верстахъ отъ станціи, отъ штаба боевого участка, отъ "стратегическихъ резервовъ" и Брске-поѣздовъ, онъ былъ захваченъ махновцами. Смерть подполковника Грейга рассказали спидѣтели крестьяне. Надъ нимъ не издѣвались, но заставили раздѣться и снять сапоги. Разрѣшили помыться. Потомъ застрѣлили. Тѣло приказали отнести въ волостное управленіе, гдѣ мы его и нашли.

Бой 15-го февраля былъ не такимъ удачнымъ, какъ 2-го. День передъ этимъ мнѣ пришлось быть на наблюдательномъ пунктѣ, который была, конечно, церковная колокольня. Около церкви я разговаривалъ съ солдатами роты Сводно-Гвардейскаго полка, которая составляла гарнизонъ Гусарки. Худой и уже немолодой унтеръ офицеръ злобно доказывалъ, что дѣла бѣлыхъ кончались. По его словамъ "Торговая" была уже въ рукахъ красныхъ и вотъ-вотъ долженъ быть пасть Ростовъ. Я страстно съ нимъ спорилъ. Вокругъ насъ стояли пѣхотные солдаты и молча слушали, но чувствовалось, что они были на стороне своего унтеръ офицера и съ удовольствіемъ слушали его доводы. Только много позже я узналъ, что большинство солдатъ Сводно-Гвардейскаго полка въ то время было изъ ильинныхъ красноармейцевъ и въ частности изъ солдатъ 38-ой дивизіи, дравшейся еще противъ Корнилова подъ Механкой, въ началѣ "Перваго" похода.

Рано утромъ 15-го февраля капитанъ Коссоакъ попросилъ меня сходить за молокомъ. Молоко мы брали всегда въ одной и той-же хатѣ въ центрѣ села. Гусарка - село огромное, какъ почти всѣ села Екатеринославщины и Херсонщины. Мы, артиллеристы располагались въ самомъ его началѣ, на крайнѣ со стороны Цареконстантиновки. Пѣхота была въ центрѣ и конница - въ этотъ день эскадронъ Второго Коннаго полка - на крайнѣ со стороны маховскихъ Конскіихъ Раздоръ. Обыкновенно пѣхота высылала но-

чью дозоры и сторожевые охранения. Этой ночью сторожевое охранение перешло къ махновцамъ. Не обошлось это, конечно, безъ моего унтеръ офицера, предсказывавшаго близкій конецъ бѣлымъ.

Еще идя по улицѣ я услышалъ отдѣльные выстрѣлы, которые доносились со стороны сѣверной окраины, значенія имъ не придавалъ, мало-ли почему стрѣляютъ на войнѣ? И вошелъ въ хату. Коровъ только еще доили и съ молокомъ нужно было подождать. Я сѣлъ на лавку и на мое счастье такъ, что окно находилось передъ моими глазами. Какія-то странныя тѣни пронеслись передъ разрисованными ледяными узорами окномъ, все болѣе быстро и частыя. Одна тѣнь, другая, нѣсколько сразу. По формѣ онѣ могли быть только всадниками, по быстротѣ — всадниками на карьерѣ.

Я рѣшилъ посмотрѣть въ чемъ дѣло, смутно встревоженный не совсѣмъ обыкновеннымъ поведеніемъ кавалеристовъ.

На улицѣ уже совсѣмъ отчетливо слышались выстрѣлы. За нѣсколько минутъ, проведенныхъ мною въ хатѣ, они приблизились и участились. Всадникъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, не смотря на крѣпкій морозъ, неся прямо на меня. Нагайкой онъ показывалъ назадъ. Маховцы. Признаюсь, я рѣдко испытывалъ такое чувство паники. Одинъ, безъ оружія, безъ лошади мнѣ оставалось только бѣжать во всю прыть въ сторону нашего расположенія.

Изъ дворовъ выскакивали обозныя повозки и немедленно переходили въ галопъ. По улицѣ уже свистѣли пули, повидимому еще случайныя. Я еще успѣлъ вбѣжать въ избу, гдѣ была расположена прислуга перваго орудія, взять мой винчестеръ и вещевой мѣшокъ.

Хозяинъ, солдатъ Великой войны, былъ, какъ всѣ крестьяне "окоздавшей" въ революціонныхъ темпахъ на восемь мѣсяцевъ Украины, потенциальнымъ большевикомъ и махновцемъ (въ то время эти понятія въ глазахъ народа совпадали), все-же сунулъ мнѣ винтовку въ руки и помогъ нацѣпить вещевой мѣшокъ, должно быть, совсѣмъ безсознательно, повинуюсь врожденному чувству гостеприимства. Онъ даже подтолкнулъ меня въ дверяхъ и, переходя на малороссійскій, подкрѣпилъ: "Швидче, паннчу, швидче, бо ваши вже уси втыкли".

Дѣйствительно "наши" уже "утекли". На моихъ глазахъ, подъ пулями снялось мое первое орудіе и взяло сразу въ карьеръ. Второе замѣшалось. Ночью былъ морозъ и колеса вмерзли въ жидкую грязь. Пришлось вырывать пушку изъ льда. Не было ни кирокъ, ни лопатъ. Кололи ледъ штыками, шашками, случайными инструментами.

Подъ градомъ пуль взяли на передокъ. Упряжка взяла въ карьеръ и вмѣсто того, чтобы постараться зацѣпиться домами, выскочила на бугоръ, по которому проходила дорога на Цареконстантиновку. Сразу она попала подъ пулеметъ, скосившій всѣ шесть уносныхъ лошадей. Второе орудіе погибло. Ни о какой

контроль атакѣ или даже попыткѣ сопротивленія не могло быть и рѣчи. Бѣдные артиллеристы были предоставлены сами себѣ: трое ѣдовыхъ и шесть-семь человѣкъ прислуги. Оставили не только гаубицу, но и тужело раненаго вольноопредѣляющагося Бѣлаго. Не успѣли даже снять замка. Кромѣ Бѣлаго, былъ всего лишь одинъ легко раненый. А вотъ всѣ шесть коней были убиты.

Растерянные, подавленные потерей орудія, собрались мы подъ вечеръ на станціи. Капитанъ Коссакъ не думалъ больше меня видѣть. Онъ былъ обрадованъ и, одновременно, забывъ о томъ, что самъ послалъ меня за молокомъ, началъ "разносить" меня за отсутствіе на батарее въ критическій моментъ. Было ужасно неприятно и обидно, само слово "Богъ съ тобой" меня даже поучилъ вельчевъ "Молоко-то забыли?" Дальше, по артиллерійски, вмѣсто чина шло имя и отчество капитана. Бѣдный Коссакъ очень смутился, но какъ истый артиллеристъ, тутъ-же попросилъ извиненія у своего молодого канонира.

Ночью я не спалъ, бродилъ по станціи. Единственное, оставшееся намъ орудіе чернѣло передъ товарищими складами. Ноги нервничали на морозѣ. Офицеры и солдаты разбрелись иго куда въ поискахъ крова и тепла. Проходили какія-то колонны пѣхоты, ржали кони многочисленныхъ эскадроновъ, звенѣли сарбены, мягко качались чужія пушки, въ полголоса отдавались команды. Все это не касалось больше насъ, потерявшихъ сегодня орудіе и, временно, переставшихъ быть организованной военной частью.

Окна одного изъ станціонныхъ зданій были ярко освѣщены. Не смотря на то, что они были закрыты, все-же слышно было, что тамъ пѣли. Женскіе голоса мѣшались съ мужскими. Вѣроятно тамъ было тепло, весело, навѣрное пили самогонъ. "Проведемте-жъ друзья эту ночь веселѣй" вело звонкое сопрано. Нестройный хоръ подхватывалъ. Кухня, Варя, Васыка! Вотъ придти сейчасъ къ нимъ, сказать: "Я тоже съ желѣзной дороги!" Сначала будутъ стѣсняться, потомъ ктонибудь скажетъ: "Не надоѣло еще вшей кормить, товарищъ барчукъ?" И какаянибудь изъ этихъ дѣвушекъ, молодыхъ, подвыпившихъ, веселыхъ и теплыхъ споесть, какъ Варя: "Съ какимъ восторгомъ я встрѣчаю твои прекрасные глаза!"

А ночь темная, морозная и враждебная и у потерявшихъ сегодня утромъ свое орудіе артиллеристовъ нѣтъ своего угла.

В. Яконовскій.

(окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ "Досуговъ")

Антиминсь.

Третья сотня выходила из окружения, выводя с собою станичные казозы, перегруженные женщинами, дѣтьми, стариками, семьями казаковъ, ранеными и больными.

Милліоны людей валомъ шли на западъ. Всѣ, кто не могъ больше выносить большевизма, кто разъ навсегда, пересмотрѣвъ свое мировоззрѣніе, опредѣлили свое мѣсто въ мірѣ, кого меньше пугала смерть, чѣмъ сохраненіе "достиженій революціи", всѣ уходили на западъ, гдѣ мерещились имъ свѣтлые огни правды, гдѣ народы подъ знаменемъ креста - свои не по крови, а духу - дадутъ имъ, мученикамъ добре страдавшимъ, уголокъ на обширномъ земномъ шарѣ и доживутъ они тамъ дни свои по правдѣ Божіей...

Страшенъ былъ путь этихъ милліоновъ...

Обозъ, охраняемый третьей сотней, малая пыллка въ вихрѣ смерти, чувствовалъ себя счастливѣе многихъ. Все-же имѣлъ онъ нѣкую опеку, все-же зналъ онъ, что кто-то заботится о немъ. До него все-же доходили вѣсти и надежды изъ войска, которое тамъ гдѣ-то расчищаетъ путь къ этому благословенному западу.

А, главное, при обозѣ были два отца Ильи: отецъ Ильи Хроменькій и отецъ Ильи Могучій.

Хроменькій о.Илья былъ, собственно, священникъ самой сотни, а о.Илья Могучій былъ обозный, или, какъ его, любя, называли "всестаничный" батюшка. Длинный путь прошли оба отца Ильи съ сотней и съ обозомъ. Отъ Ростова на Дону до Полѣсскихъ болотъ.

И знали всѣ, какъ казаки самой сотни, такъ и обозные "цивили", что прошли они этотъ путь благополучно "за молитвы святыхъ отцевъ нашихъ": попросту, батюшекъ Ильи Хроменькаго и Ильи Могучаго...

Ахъ, и любимъ-же ихъ! И могли-же они молиться! Не то что мертвые горы, а клечи сатанинскіе силою молитвъ своихъ раздвигали, какъ древле Израиль, чады своихъ между двумя стѣнъ воды висящей проводили.

И только одна Маріанна знала, что эти два подвижника имѣли между собою крупную ссору, примиреніемъ незаконченную. Маріанна была учительницей "имени Луначарскаго" въ томъ городкѣ на Кубани, гдѣ священствовалъ когда-то отецъ Ильи Хроменькій. Церковь въ этомъ городкѣ была уже давно закрыта, а о.Илья, по капризу Н.К.В.Д. все еще не былъ арестованъ; жилъ на крайнѣ города, въ кладбищенской сторожкѣ, рылъ по заказамъ могилы, сажалъ на нихъ цвѣточки, тайкомъ отпѣвалъ и служилъ панихиды... Такъ, какъ-то перебивался... Въ городѣ онъ не показывался и мало кто зналъ, что сторожъ на кладбищѣ - "попъ".

Однажды Маріанна, съ группой учениковъ-комсомольцевъ

и пионеровъ, дѣлала "вылазку"—экскурсію за городъ. Линію нефтепровода рекомендовалось осмотрѣть. Зачѣмъ именно нужно было отцу Ильѣ въ это время тоже быть тамъ — неизвѣстно. Сторожъ нефтепроводной будки, тоже Ильѣ, единовѣрецъ, долго былъ подѣ подозрѣніемъ: не къ нему-ли ходилъ пошъ. Ну и вотъ этотъ милый отецъ Ильѣ, со своей хромающей ногой, попалъ наступачу экскурсіи.

Воспитанники Марианны потрѣтили пола по всѣмъ правиламъ ленинско-комсомольской воспитанности и сталинской этики Марианна отъ души хохотала, смотря на жалкія усилія "паразита трудящихся массъ" скорее пройти мимо "лишней" предрасудковъ" культурной совѣтской молодежи.

Отцу Ильѣ пришлось проходить почти рядомъ съ Марианной. Она хорошо разглядѣла вздрагивающія губы, скорбную улыбку на одухотворенномъ лицѣ и странный любовный взглядъ заслезенныхъ глазъ. Да, именно любовный... Марианна вспоминала потихъ, что такъ именно смотрѣла на нее мать, когда однажды она грубо оскорбила ее...

Попъ прошелъ. Экскурсію двинулась дальше. И странныя мысли полѣзли въ голову Марианнѣ... "Что за люди и какая сила заставляетъ ихъ терпѣть, что вытерпѣлъ этотъ пошъ сейчасъ? И во имя чего?"

Еще одинъ случай dokonчилъ душевный переломъ Марианны. Шла она черезъ перекидной мостъ надъ линіей желѣзной дороги: внизу, подѣ мостомъ, стоялъ поѣздъ. Вагоны были заперты и вдоль поѣзда съ обѣихъ сторонъ ходили часовые. Много народу стояло на мосту, рассматривая странный составъ. Остановилась посмотреть и Марианна. Въ окна вагоновъ иногда выглядывали лица... Но какія... Не понимая, она обратилась къ рядомъ стоящему рабочему. "Кого это везутъ такъ?" Тотъ недоумѣвающимъ взглянулъ на нее: "Казаконъ вывозятъ" и опять взглянувъ на нее, добавилъ: "враговъ народа". Марианна безпомощно оглянулась кругомъ. Какая-то молодлица сзади еѣ плакала. Сурово были сжаты губы стоявшаго рядомъ съ ней подростка. "Какому-же народу врагъ тотъ народъ, что вывозится этимъ составомъ?" Тревожно забила мысль: "Не стѣмъ-же, которые плачутъ и стоятъ съ такими суровыми лицами? Вѣмъ они свои... Кому-же?" Вечеромъ Марианна пошла на кладбище...

Немногіе замѣтили измѣненіе въ жизни Марианны. Работу учительницы она оставила, поступила ученицей на маслозаводъ и жила съ виду, какъ и пречіе совѣзудакіе.

Потомъ война. Пришли нѣмцы. Удѣльшее казачество открыло старый храмъ. Служить въ немъ чудомъ Вожинмъ сохраненный отецъ Ильѣ. Марианна опять учительница, но воспитанники еѣ выглядятъ иначе... Какъ много и скоро можетъ сдѣлать перковъ и школа. Марианна теперь своя: она необходима этой удѣльшей горсточкѣ народа. Она знаетъ нѣмецкій языкъ, она пере-

водчикъ и ходатай всѣмъ и по всѣмъ вопросамъ. И нѣмцы знаютъ Маріанну. Это по ихъ выговору "Марь Ивановна", Марія Ивановна превратилась въ Маріанну. Такъ, любя, зовутъ ее всѣ и нѣмцы и казаки, и дѣти... И когда, подъ натискомъ красныхъ, начали отступать нѣмцы, собрались казаки въ далекій походъ... Отца Илью и Маріанну даже не спрашивали пойдутъ-ли? "Какъ не пойдутъ? Наши вѣдь".

Прислали подводу, на которую отецъ Илья сложилъ церковное имущество, и тронулись вслѣдъ за станичнымъ обозомъ.

Второй отецъ Илья Могуцій присталъ къ обозу у Батайска подъ Ростовомъ. Узкій участокъ дороги отхода обстрѣливался красными и сотня боялась пустить подъ огонь своихъ "дивилей". Въ это именно время, съ котомкой, съ большимъ багатомъ, подошелъ къ группѣ совѣщавшихся казаковъ отецъ Илья Могуцій. "Я, станичникъ, здѣшній", сказалъ онъ, "всѣ дороги тутъ знаю. Можно объѣхать вонъ тамъ, но за плавнями"... Отцу Ильѣ дали лошадей и трое казаковъ поскакало съ нимъ въ развѣдку. Оказалось, что можно. Обозъ свернулъ съ большой дороги и объѣхалъ обстрѣливаемый участокъ безъ потерь. А отецъ Илья Могуцій такъ и остался обознымъ "всестаничнымъ" батюшкой.

Четвертаго іюня стараго стиля потеряли сотня и обозъ связь съ войскомъ. Казалось вездѣ красные. На привалѣ отецъ Илья Хроменькій собралъ сотню и обозниковъ. "Сегодня", сказалъ онъ, "день памяти нашего Царя-Мученика. Сынъ Его, отрокъ Алексѣй-Царевичъ, былъ войскъ казачьихъ Атаманомъ почетнымъ. Попросимъ Ихъ, чтобы ходатайствовали Они передъ Господомъ о спасеніи христілюбиваго воинства казачьяго".

И отецъ Илья Хроменькій отслужилъ молебенъ "Мученику Николаю, Государю Россійскому". А припѣвъ на молебенъ "Святые мученики дома Царскаго молитѣ Бога о насъ". Пѣла вся сотня и обозъ. Отца Ильи Могуцяго въ это время не было. Онъ пришелъ въ серединѣ молебна и когда отецъ Илья Хроменькій вычитывалъ отпустъ: "Молитвами святаго Царя-Мученика Николая, Государа Россійскаго, Наслѣдника Его отрока Алексѣя-Царевича, христілюбивыхъ войскъ казачьихъ Атамана, благовѣрной Царицы-Мученицы Александры и чады Ея Царевны-Мученицы, помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и челоуколюбецъ", ушелъ незамѣтно, не приложившись къ кресту.

А вечеромъ и произошла та ссора, стидѣтельницей которой была Маріанна. Отецъ Илья Могуцій обрушился на отца Илью Хроменькаго всею силою каноновъ и прещеній... "Они-же не прославлены", восклицалъ онъ, "какъ вы дерзнули? Зрите въ извѣстіяхъ учительныхъ, что глаголется?"—"А вотъ и ничего не глаголется", волновался отецъ Илья Хроменькій. "А вотъ молитвами Ихъ и выйдетъ... А вотъ и прославлены Они... Сами слыхали, какъ народъ прославилъ Ихъ. Божій народъ... А вотъ и покажетъ намъ

путь свѣтлый отрокъ Алексѣй-Царевичъ... А вотъ вы и посрамитесь"...

"Да нельзя-же такъ! Взяли и прославили! Для сего чуда требуется... Явленія нужны, указанія небесныя", восклицалъ о.Илья Могуцій.

"А вотъ не видите вы чуда гнѣва Божія на Россіи за неповинную кровь Ихъ... А вотъ явленія узрите спасеніемъ чтущихъ святую память Ихъ... А вотъ указаніе вамъ въ житіяхъ святыхъ чтите, когъ а на тѣлесахъ святыхъ мучениковъ, безъ всякаго прославленія, христіанъ... и молитвами воззвали и молились таковымъ, яко предостателямъ и ходатаямъ".

"Такъ, вѣдь по были мученики прямо за вѣру Христову отъ языкъ безбожнхъ".

"А вотъ эти что-же кривомученики, что-ли? А вотъ развѣ большевики не языкъ безбожнхъ? А вотъ покараетъ васъ Господь за бесуловіе на святыхъ Ихъ"...

Ссора тѣмъ кончилась и разговоръ на эту тему больше не возобновляли. Сотня и обозъ изъ окруженія вышли, только отцу Ильѣ Могучему осколкомъ далеко сразвительно разорвавшагося снаряда раздробило ключицу лѣваго плеча. Но не опасно. Быстро заживало.

Не доѣзжая города Кобрина, за деревней Вулька, что на поворотѣ къ Хомскому повѣту, есть болото. Почти правильный черыреугольникъ, верстъ пять каждая сторона. Сѣверную сторону этого болота заняли, уже продвинувшіяся, части красныхъ, уголь западной стороны и уголь южной занимали казаки, сдерживающіе обходное движеніе красныхъ, а по южной сторонѣ отходили обозы бѣженцевъ. Помогавшая краснымъ, польская краевая армія своими партизанскими отрядами старалась прорваться къ болоту съ юга и такимъ образомъ отрѣзать пути отступленія. Вся узкая часть была поцѣ обстрѣломъ. Приходилось высматривать боковые дозоры, отбѣсняющіе партизанъ отъ дороги и только тогда проводить обозы.

О.Илья Хроменькій имѣлъ обыкновеніе въ такихъ случаяхъ становиться со стороны наиболѣе сильнаго обстрѣла и молиться, пока проходила сотня и обозы. Къ этому все такъ привыкли, что считали и невозможнымъ иначе. Каждый разъ, при проходѣ подъ обстрѣломъ, посматривали за батялкою, указывали ему наиболѣе стратегически опасную сторону и о.Илья вынималъ молитвенникъ, становился на указанное мѣсто, а обозы начинали спокойно проходить. Казаки называли это "Ильинъ заслонъ". Подъ Ильинымъ заслономъ прошли... Такъ было и этотъ разъ.

Засѣвшій гдѣ-то красный пулеметчикъ время отъ времени поливалъ дорогу пулеметной очередью. Высланные дозоры не смогли его обнаружить, а время не ждало.

О.Ильѣ показали мѣсто на стигбѣ шоссе: маленькій мостикъ и тотчасъ-же за мостомъ дорога колѣномъ уходитъ вправо,

уклоняясь отъ линіи обстрѣла.

О.Илья сталъ у деревяннаго столбика моста, вынулъ молитвенникъ и сотня пошла... Ильинъ заслонъ дѣйствовалъ, какъ всегда, пулеметъ, правда, обнаружилъ свое существованіе, но билъ онъ куда-то по другой цѣли, а потомъ и вовсе смолкъ. Сотня прошла спокійно. "Ильинъ заслонъ. Не первый разъ". За сотней потянулся обозъ. Вотъ уже послѣдняя фура проѣхала мостикъ. Охранный взводъ позадѣ руками: "Снимай заслонъ, отецъ Илья, спасибо, прошли слава Богу". Отецъ Илья кладетъ молитвенникъ въ карманъ, крестится и трогается отъ столбика...

И вдругъ, гулкой одиночкой выстрѣлъ. Отецъ Илья взмываетъ рукой и валится на песокъ дороги. Все это произошло такъ быстро, что охранный взводъ не успѣваетъ осознать происшедшаго и по инерціи ѣдетъ еще... И только черезъ нѣкоторое время крикъ: "Батюшку-то убили", останавливаетъ его. Часть казаковъ, спѣшившись, кинулась къ слабо певелившемуся отцу Ильѣ. Съ недалеко отъѣхавшей послѣдней фуры соскочила Маріанна и еще нѣсколько казачекъ, услышавшихъ крикъ: "Батюшку убили".

Когда Маріанна подбѣжала, отецъ Илья былъ уже приподнять наклонившимися надъ нимъ казаками. Глаза его были закрыты, правая рука бесильно вздрагивала. Потому онъ медленно открылъ глаза. Долго всматриваясь въ лицо казака. "Никифоръ", яснѣмъ до голоса шепотомъ сказалъ онъ. "Я, батюшка", отзѣтливъ склоненный къ нему казакъ... "Водю"... опять тѣмъ-же яснѣмъ, какъ голосъ, шепотомъ сказалъ отецъ Илья. Никифоръ быстро отстегнулъ отъ пояса фляжку и, открывъ ее, приложилъ къ губамъ отца Ильи. Тотъ качнулъ головой, вода полилась мимо... Отецъ Илья вновь закрылъ глаза.

"Батюшка милый", закричала не своимъ голосомъ Маріанна... Отецъ Илья еще разъ открылъ глаза и въ его послѣднемъ взглядѣ увидѣла Маріанна то же выраженіе, какъ тогда у нефтепровода, любовно-виноватнѣ и странно-понимающій все взглядъ. Потому опять закрылись глаза, только губы двигались, шепча что то. Маріанна наклонилась ухомъ къ самымъ губамъ умирающаго: "Никто же достоинъ отъ связавшихся плотскими похотями или сластями приблизиться, имъ служить Тебѣ, Царю Славы", разобрала она прерывистый шепотъ. Потому послѣдовало молчаніе, и вдругъ ясно, почти вслухъ: "но обаче"... и смолкло опять, на этотъ разъ совсѣмъ.

Маріанна вынула изъ бокового кармана его подрясника молитвенникъ и носовой платокъ. Платокъ былъ такъ напитанъ кровью, что Маріанна должна была выхвать его на подрясникъ отца Ильи. Больше у отца Ильи ничего не было. Маріанна завернула молитвенникъ въ окровавленный платокъ, а все вмѣстѣ: платокъ и молитвенникъ, въ свой шелковый шаликъ съ головы, бережно положила это во внутренній карманъ своего дождевого плаща поцѣловала руку отца Ильи и, шатаясь, пошла къ своей фурѣ.

Казаки подняли тѣло отца Ильи, положили на дожидающую ихъ фуру и крупной рысью стали догонять уже далеко отошедшую часть.

Чей выстрѣлъ убилъ отца Илью, краснаго-ли партизана, фанатика-ли католика краевой арміи, намеренно или случайно, Господь знаетъ. Отца Ильи не стало.

На остановкѣ о.Илья Могуцій отпѣлъ по длинному чину погребенія священниковъ своего собрата, казаки вырыли могилу. Подъ четвертымъ деревомъ, если считать отъ дорожнаго креста, который стоитъ на перекресткѣ дорогъ въ повѣтъ Хомской изъ Вульки. Тамъ по дорогѣ только шесть большихъ деревьевъ — такъ подъ четвертымъ. А крестъ высѣкли на корѣ самаго этого четвертаго дерева...

Сотня и обозъ шли на западъ. Какъ будто и ничего не измѣнилось. Попрежнему совершались молитвы при утренней и вечерней зарѣ, попрежнему знали казаки, какой сегодня день и праздникъ, также становился отецъ Илья Могуцій на "Ильинъ заслонъ".

На третій день рано начали проходить гать съ южной стороны болота. Казачьи пикеты сдерживали партизанскія шайки, отецъ Илья стоялъ, также какъ тотъ, на заслонѣ и тоже у тумбочки въздного моста и молился. Обозъ проходилъ. И вдругъ, движеніе остановилось. По гати, въ обратномъ направленіи, бѣжали женщины. Охранный взводъ позади обоза остановился, окруженный ими, онѣ хватали лошадей за уздечки, плакали, кричали и лица у всѣхъ были безумныя...

Подхорунжій Никифоръ Митрофановъ съ Кубанской станицы "Расшеванъка" властнымъ окрикомъ показалъ женщинамъ поляну на берегу болота, вправо отъ дороги, и тѣ хлынули на нее.

На входномъ мосту спѣшившіеся казаки устанавливали пулеметь. Никифоръ, тоже спѣвившись, побѣждалъ впередъ узнавать въ чемъ дѣло. Вернулся онъ скоро. Нѣсколько десятковъ партизанъ, очевидно, еще ночью перешли дорогу и спрятались въ болотѣ. Пропустивъ главныя силы и большинство обоза, не обнаруживая себя, они внезапною атакою заняли дорогу, отрѣзавъ хвостъ обоза. Расчетъ ихъ былъ правиленъ: прошедшій впередъ обозъ, уходя отъ нихъ, загородить дорогу впереди идущей сотнѣ, а отрѣзанная часть обоза, метнувшись назадъ, не пропуститъ охраннаго взвода.

Никифоръ быстро понялъ это, понялъ, что пока освободится путь и восстановится порядокъ, партизаны успѣютъ укрѣпиться на дорогѣ и получить подкрѣпленіе. Но и партизаны, очевидно, не могутъ атаковать сразу, значитъ надо готовиться къ осадѣ. Никифоръ далъ распоряженіе вывести лошадей на поляну у болота, сдѣлать прикрѣпленія изъ опрокинутыхъ фуръ на входномъ мосту и съ тыла обоза, установить пулеметы и собраться на полянѣ у болота, защищенной поднятой частью съ одной стороны,

болотомъ съ другой.

Партизаны открыли огонь изъ разныхъ пулеметовъ, запряженныхъ лошади, опрокидывая фуры, рвали построшки и сбъжали назадъ. У моста ить ловить казаки и отводили на поляну. Въ тылу дороги, наскоро укрьтившись, гарнизонъ изъ семи казаковъ началъ обстрѣлъ показавшихся шаскъ.

Окруженіе было полное. На полтинѣ сбились сорокъ три женщины, четырнадцать дѣтей, семь раненыхъ, одиннадцать стариковъ и инвалидовъ, одинъ священникъ: Илья Могуцій.

Въ бою билъ охранный заводъ — двадцать два человека, включая подхорунжика Никифора Митрофанова.

Всѣхъ девяносто восемь человекъ. Девяносто восемь обреченныхъ.

Наступилъ вечеръ. За болотомъ не прекращался бой. Можетъ быть сотни пробовала выручить своихъ отрѣзанныхъ, а можетъ быть сама отбивалась отъ настѣваго врага.

Темнѣло. Была ночь на 19 августа ст.ст. Память святаго мученика Андрея Стратилата и иже съ нимъ и иконы Божіей Матери, нарицаемой Донская. Все это объяснилъ своимъ чадамъ о.Илья и не отъ восходящихъ-ли молитвъ дожился на окрестности бѣлой туманъ?

"Исповѣдать и причастить казаковъ надо, батюшка", сказалъ Никифоръ ошу Ильѣ, "живыми вѣдъ не отдадимся и ихъ (онъ кивнулъ головой на женщинъ, дѣтей, раненыхъ) на муки тоже не отдадимъ. Сегодня ночью они еще къ намъ не сунутся, а завтра хана".

"Исповѣдать можно" медленно отвѣтилъ о.Илья, "а причастить не придется. Святые Дары съ облаченіемъ въ переднихъ подводахъ ушли".

"А ты, батюшка, службу сверши и сотвори причастіе. Невозможно казакамъ умирать безъ этого", сказалъ Геня Круговой, казакъ станицы Константиновской.

"Свершить службу нельзя", такъ же медленно отвѣтилъ о.Илья, "время неурочное, вечеръ. Опять-же вина винограднаго нѣтъ, просфоръ нѣтъ, антимиаса нѣтъ... Нельзя". Группы женщинъ окружили батюшку.

"На землѣ вечеръ, а намъ утро Царствія Небеснаго", сказалъ, подумавъ, Никифоръ. "Вино, я знаю, у Андрея Лободы есть, кагоръ хорошій. Гдѣ-то ухватилъ на именины, къ залтрап-нему бережетъ, ну а хлѣбъ пшеничный у кого-нибудь найдется".

"Главное антимиаса нѣтъ", опять медленно отвѣтилъ о.Илья, "хотя и вино и хлѣбъ найдете, безъ него служить нельзя".

"Батюшка, а что такое антимиасъ?" спросила Маріанна, стоявшая рядомъ.

"Антимиасъ", все такъ-же медленно началъ объяснить о.Илья, "это платокъ, въ которомъ зашиты мощи какого-либо святаго мученика. Въ древности литургію служили на ихъ гробахъ,

а теперь на модахъ иъ антиминосъ".

"Батюшка, у меня есть антиминосъ", быстро сказала Маріанна, "служить можно".

"У тебѣ антиминосъ? Откуда? Покажи!" Уже быстро заговорилъ отецъ Илья.

Маріанна достала изъ внутренняго кармана плаща свертокъ — шелковая головная косынка — и бережно подала ее отцу Ильѣ. Тотъ, спустившись на траву поляны, началъ разворачивать. Въ косынкѣ былъ платокъ, обыкновенный маленькій четырехугольный окровавленный платочекъ.

"Что это?" Недоумѣвающе спросилъ отецъ Илья.

"Антиминосъ, платокъ съ модами-кровью святаго священномученика Илья Хроменскаго", тихо отвѣтила Маріанна. Долго смотрѣлъ на кровавый платочекъ отецъ Илья.

"Да", наконецъ сказалъ онъ, "это антиминосъ. Служить можно". Служба окончилась въ первомъ часу ночи. Не горѣли свѣчи, не было пѣнія. Смѣняя одинъ другого, исповѣдались и причастились на смерть казаки. Исповѣдался и причастился на смерть обозъ. И когда на отпустъ отецъ Илья Могуцій вычиталъ: "Молитвами Пречистныя Своея Матери, иже во святыхъ отца нашего Иоанна Архіепископа Константина Града Златоустаго, св.мученика Андрея Стратилата и иже съ нимъ, святаго священномученика Илья Хроменскаго, святыхъ мучениковъ Николая Государя Россійскаго, отрока Алексія Царевича, христомлюбивыхъ войскъ казачьихъ Атамана, Царицы мученицы Александры и чадъ Ея Царевенъ мученицъ, преподобныхъ и Богоносныхъ отецъ Іакова и Анны и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человеколюбецъ" — поняла тогда Маріанна, что помирились святые подвижники Илья Хроменскій и Илья Могуцій.

Подхорунжій Никифоръ исповѣдался и причастился первымъ. Потомъ, куда-то уходилъ и къ концу службы пришелъ весь взволнованный. Едва только отецъ Илья вычиталъ отпустъ, Никифоръ вышелъ впередъ: "Батюшка", сказалъ онъ, "я теперь понимаю къ чему сказалъ мнѣ о.Илья — "водою"—. Я сначала думалъ, что онъ напоить его водою просить, флагу ему къ губамъ приложилъ, а онъ отвернулся. — "Водою", говоритъ, "Никифоръ"—. Я теперь понимаю. Ходилъ я, батюшка, смотрѣть нельзя-ли какъ болотомъ уйти. Гдѣ тамъ, вездѣ трясина. А тамъ, за поляной ручей бѣжитъ въ болотѣ и черезъ болото, видать, змѣится. Я сталъ его переходить, дно твердое. Я попробовалъ въ болото по нему идти, можно, сажень сто я прошелъ и вдругъ понимаю: водою отецъ Илья уходитъ велѣлъ намъ. По ручью, водою, на ту сторону выйдемъ въ обходъ партизанамъ. — "Водою"— говоритъ, не болотомъ, значитъ, а по ручью".

И вдругъ радость спасенія охватила всѣхъ. Женщины плакали. "Родимый нашъ и передъ смертью объ насъ думалъ".

Никто не сомнѣвался, что именно это хотѣлъ сказать

отецъ Илья. Всѣ увѣровали, что пройдутъ водою и спасутся.

"Тихо, станичники", властно заговорилъ опять Никифоръ. "Ты, батюшка, антиминосъ бери и впередъ пойдешь, онъ тебѣ путь укажетъ, а мы за тобой. Казаки, дѣтей на руки возьмите. Лошадей сзади однихъ пустите. Которые слабые и раненные на сѣдло садутъ. Я послѣдній пойду".

За молитвы священномученика Ильи Хроменькаго Господи Исусе Христе Воже Нашъ помилуй насъ.

Какъ они шли? Отецъ Илья, ѣдущій впереди съ антиминосомъ, говорить, что онъ ничего не помнитъ изъ этого похода. Онъ велъ, находя путь по признаку "воды". Гдѣ больше воды, туда и шель. Всѣ остальные тоже не помнятъ подробностей перехода. Шли и по колѣно, и по поясъ, проваливались по шею. Лошади вязли, выскакивали, опять шли... Сколько шли и устали-ли не помнятъ.

Никто ничего не говорилъ. 43 женщины, 14 дѣтей, 7 раненныхъ, 11 стариковъ и инвалидовъ, 1 священникъ, 22 казака, всего 98 человекъ и 31 конь. Вышли прямо на ту сторону болота, уголь котораго занимали казаки, сдерживающіе обходное движеніе красныхъ, прямо въ середину своихъ.

Изъ окрестныхъ жителей никто не хотѣлъ вѣрить, что прошли они этимъ путемъ. И шума перехода не слышалъ непріятель. И слѣда, куда ушли отрѣзанные, не могли утромъ установить партизаны. Были люди -- нѣтъ ихъ.

Маріанну и Никифора я встрѣтилъ въ лагерѣ Чигенитъ, въ Италіи. Антиминсъ свято хранится у нихъ и свое спасеніе въ Тирольской трагедіи они связываютъ съ нимъ. Объ отцѣ Ильѣ Могучемъ они не имѣли свѣдѣній. Выдали-ли его на расправу большевикамъ или Илья Хроменькій еще разъ спасъ своего собрата, неизвѣстно.

Можетъ быть, прочитавъ про это чудо, чудомъ спасенные сообщать о дальнѣйшихъ чудесахъ Божіихъ.

(Приведенный выше рассказъ полученъ мною безъ подписи автора и отъ неизвѣстнаго корреспондента. Если память мнѣ не изменяетъ, то я читалъ его на страницахъ журнала "Православная Русь", нѣсколько лѣтъ назадъ. Редакторъ.)

Объ офицерской присягѣ.

(изъ письма)

... "Ты пишешь, что надляхъ у васъ была цѣлая баталья на эту тему. Твои оппоненты напоминаютъ мнѣ сельскаго дьячка, который, узнавъ объ отреченіи Государя, изъялъ изъ богослужебныхъ текстовъ слово Царь, замѣнивъ его "Временное Правительство", на примѣръ вѣсто: "Возмیتесь врата вѣчная и видѣтъ Царь славы", онъ читалъ: "Возмیتесь врата вѣчная и видѣтъ Временное Правительство славы".

Кодаалеки отъ дьячковской наивности тѣ, кои утверждаютъ, что Государь своимъ отреченіемъ и призывомъ на вѣрность временному правительству, освободилъ офицеровъ отъ долга присяги. Выкинуть изъ сердца Царя и тотчасъ-же надписать на его скрижалихъ вѣрность временному правительству психологически было невозможно для совѣстливаго офицера. Присяга не дѣловой контрактъ, не одно только формальное подчиненіе главѣ государства. Одно то, что текстъ присяги сопровождается цѣлованіемъ Евангелія и Креста, указываетъ на глубоко-духовную сущность этого акта. Цѣлуя Евангеліе, русскій воинъ становится воиномъ Христовымъ, цѣлуя Крестъ, онъ принимаетъ на себя жертвенное, до смерти, служеніе своему отечеству. Отъ исполненія своего долга русскій офицеръ не былъ освобожденъ своимъ Государемъ. Что-же касается вѣрности временному правительству, то послѣднее просто этой вѣрности не приняло, натравивъ солдатскую массу на своихъ командировъ...

... Несправедливо обвинять Царя-Мученика въ томъ, что буд то онъ самъ нарушилъ присягу, отказавшись отъ царскаго вѣнца въ столь критическій моментъ для Россіи. Слишкомъ мало прошло времени, чтобы народная совѣсть могла-бы судить объ этомъ актѣ. Для насъ несомнѣнно и мы вѣримъ, что Россія, пройдя чрезъ страдальныя муки своего крахотвеннаго паденія, воскреснетъ къ новой жизни и вернется къ завѣтамъ Святой Руси.

Безпристрастная исторія разскажетъ нашимъ потомкамъ, какъ среди разбушевававагося моря революціоннаго зла, первымъ взшелъ на Голгофу народнаго страданія и очищенія послѣдній Государь Императоръ Николай Александровичъ.

Какіе могутъ быть юридическіе домыслы въ этомъ неземномъ сіяніи жертвенной любви къ своему народу?...

...Большевики, какъ говорятъ нѣкоторые, являясь внутреннимъ врагомъ для русскаго народа, въ своихъ цѣляхъ міровой революціи, сохраняютъ все-же единство Россіи столь необходимое для борьбы съ тѣми, кто мечтаетъ о разгромѣ Русскаго Государства и расчлененіи его на мелкія автономныя единицы.

Большевиковъ мы не находимъ, ихъ не признаемъ, подчер-

квиваютъ они, но мы не можемъ имъ мѣшать въ созданіи сильнаго совѣтскаго союза, который есть та-же Россія. Такой подходъ къ событіямъ называется почему-то реальной политикой.

Поставимъ вопросъ прямо: возможно-ли бѣлому воину, да еще старому кадету, такой "реальной" политики придерживаться?

Разрѣшеніе этого вопроса покажется труднымъ и деликатнымъ, пока мы не обопремся на духовную сущность прежней воинской присяги - отдать жизнь свою за Христу правду и за Русскую землю, этой правдой освященную.

Въ нужный моментъ сама совесть укажетъ какъ дѣйствовать реально и для пользы Россіи. Объ одномъ надо заботиться, чтобы наша совесть оставалась чистой, прозрачной, непреклонной и не мучилась сдѣлками со злой бѣлоской силой.

Неудачная борьба съ коммунизмомъ свободнаго міра, не смотря на положительныя данныя у послѣдняго, объясняется именно слишкомъ "реальной" политикой и дѣловымъ расчетомъ.

Злые силы за желѣзнымъ занавѣсомъ оказались хитрее и болѣе во всеоружіи, чѣмъ побужденія того-же зла здѣсь.

Подобаеть-ли намъ слѣдовать столь неразумной тактикѣ въ которой отсутствуетъ даже малая крупица Христіанской морали?

Да не будетъ!

"Всѣхъ Царице Владычице, скипетромъ Рождества Твоего разруши востаніе хулящихъ крестную силу, даждь крѣпость и одолѣніе, побѣду и помощь вѣрнымъ сынамъ нашей страны Россійской".

-0-0-0-0-0-

Еще одна могила.

26 февраля 1956 года, на югѣ Франціи, скоростижно скончался капитанъ Сергѣй Викторовичъ Алышевскій.

Окончивъ Псковскій кадетскій корпусъ въ 1911 г., вышелъ въ Киевское военное училище, которое, вслѣдствіи живости и непосѣдливости характера, кончилъ въ 1913 г. по 2-му разряду. Произведенный въ офицеры, вышелъ въ 15 пѣх. Шлиссельбургскій полкъ. Командиръ полка ген.-м. Араповъ немасково принялъ молодого офицера.

Война. 1914 годъ. Въ бою подъ Гросс-Эйлау 4-ая пѣх. дивизія, въ составѣ которой находился и 15 Шлиссельбургскій полкъ, была окружена германской бригадой уланъ. Въ батальонѣ пор. Алышевскаго всѣ офицеры выбыли изъ строя. Принявъ командованіе батальономъ, пор. Алышевскій не только удачно отбилъ атаку вражеской кавалеріи, но и расфѣлялъ ее, что дало возмоз

ность окруженной дивизии прорваться къ главнымъ силамъ, совершивъ 80-тиверстный тяжелый переходъ. Во время этого перехода командиръ полка ген.-м. Арановъ нагналъ батальонъ поручика Алышевскаго, слѣзъ съ лошади и подошедши къ нему сказалъ при всѣхъ: "Поручикъ Алышевскій, простите меня, я ошибался!"

Доблестный капитанъ Алышевскій принималъ также участие и въ гражданской войнѣ, сперва въ рядахъ Дроздобцевъ, а потомъ въ Вѣлозерскомъ полку. въ эмиграции жилъ случайной работою, скрывая какъ могъ свою нужду.

Будучи прикомандированъ Л. Гв. ко 2-ой сотнѣ Атаманскаго Наслѣдника Цесаревича полка, кап. Алышевскій былъ похороненъ Атаманцами, съ которыми провелъ послѣдній періодъ своей военной карьеры.

Упокой, Господи, душу раба Твоего.

Объединеніе Псковскаго кадетскаго корпуса приноситъ сердечную благодарность Атаманцамъ, оруженному Косоротеву и мѣру гор. Стейн Валтеръ за то участие, которое они приняли въ судьбѣ нашего однокашника.

-o-o-o-o-o-

Семья кадетъ Псковичей, развѣянная по всему свѣту потеряла еще трехъ своихъ братьевъ-однокашниковъ.

Объединеніе Псковичей въ Парижѣ получило недавно извѣстіе о кончинѣ Георгія Мейснера, вице-фельдфебеля выпуска 1914 года. Скончался въ Аргентинѣ, въ 1955 году.

Въ С.А.Ш., въ Ипсиланти, 28 января 1957 года, скончался Михаилъ Зайцевъ, выпуска 1913 года. Талантливый художникъ и сотрудникъ кадетскихъ изданій.

Въ Германіи, во Франкфуртѣ, 30 марта 1957 года, скончался Борисъ Дуплевъ, выпуска 1911 года.

Вѣчная память усоншимъ. Да упокоитъ Господь Богъ души рабовъ Своихъ.

--o-o-o-o-o-

Нижє приведенныя даты надо разставить соотвѣтственно названіямъ мѣстъ военныхъ дѣйствій.

Названія, подчеркнутыя сплошной линіей, могутъ имѣть, для нѣкоторыхъ дѣйствій, указаніе только мѣсяца (безъ числа), подчеркнутыя прерывистой линіей - указаніе только года. Разныя названія могутъ имѣть одну и ту же дату.

Читатель, приславшій первымъ, къ 21 декабря 1957 г., правильный отвѣтъ, получить бесплатно слѣдующій номеръ "Досуга", а проставившій опущенныя даты, получить, сверхъ того, право бесплатно-же входа на Новогодній балъ Союза Россійскихъ Кадетскихъ Корпусовъ.

1695 -- 1696

1773

1811

іюнь 17

іюнь 22

1705
окт. 13

нояб. 12

окт. 10

1709
фев. 10
іюнь 27, 30

1774

іюль 6, 9, 9

1812

1812

авг. 2

нояб. 2-6, 7

1733
сен. 20

1787

сен. 14

окт. 1

1828

іюнь 25

іюль 4

1736
іюнь

1789

іюль 21

сен. 11

1829

май 20

1737

1794

окт. 22-24

1831

фев. 13, 26

1739
сен. 18

1799

апр. 16, 17

1855

іюль 19, 19

1769
мартъ 6

май 4

іюнь 7

іюль 4

окт. 3, 5

1770
янв. 3, 4
сен. 25

сен. 13, 14, 15,

16, 16, 25

1877

іюнь 3, 4

іюль 2

окт. 23, 23

1771
авг. 31

1806

дек. 14

дек. 9, 24, 30

1772
іюль 27

1809

сен. 24

окт. 4

1878

іюль 22

фев. 10

1773
май 10

1810

май 19

1916

фев. 3

Алда	Полтава
<u>Азовъ</u>	Прага
Альторфъ	Пултускъ
<u>Бородино</u>	Рингенкопфъ
<u>Деве-Бойну</u>	Росштокъ
Ескимили	Рудукъ
<u>Кинбургъ</u>	Рымникъ
Козлуджа	С. Готардъ
Красное	Треббиа
Краснокутскъ	Туртунай
Ляды	Фокланы
Нови	Чертогъ мостъ
Переволочна	Фрверумъ

Объединение Псковичей еще разъ обращается къ своимъ одноклассникамъ и всѣмъ тѣмъ, кто знаетъ что-либо о корпусѣ, не отказать прислать свои воспоминанія и сохранившіяся фотографіи секретарю Объединенія:

G. Borozdine
73, rue des Cévennes
Paris 15^e
France

Въ 1954 году Объединение выпустило исторію корпуса, которую можно еще выписать по тому-же адресу.
Цѣна 350 франковъ или одинъ долларъ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
U604
.P7
A3
v.1

